

ВОЕННЫЕ МЕМОАРЫ

З. М. СМЕРНОВА-МЕДВЕДЕВА

ОПАЛЕННАЯ ЮНОСТЬ

OZON.RU

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Биография Зои Матвеевны Смирновой-Медведевой типична для людей того поколения, чью юность опалил огонь войны. Судьба привела ее в легендарную чапаевскую дивизию, оборонявшую Одессу и Севастополь. Там она была пулеметчицей. Воспоминания З. М. Смирновой-Медведевой не претендуют на широкие обобщения. Она поставила перед собой скромную задачу: воскресить некоторые страницы замечательных подвигов солдат-чапаевцев, воздать должное их беспредельному мужеству, выдержке и стойкости.

•

Смирнова-Медведева, Зоя Матвеевна

Опаленная юность

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Смирнова-Медведева З. М. Опаленная юность. — М.: Воениздат, 1967. — 152 с. — (Военные мемуары). — Тираж 65000 экз. / Литературная запись Н. И. Коротеева.

Аннотация издательства: Биография Зои Матвеевны Смирновой-Медведевой типична для людей того поколения, чью юность опалил огонь войны. Судьба привела ее в легендарную чапаевскую дивизию, оборонявшую Одессу и Севастополь. Там она была пулеметчицей. Воспоминания З. М. Смирновой-Медведевой не претендуют на широкие обобщения. Она поставила перед собой скромную задачу: воскресить некоторые страницы замечательных подвигов солдат-чапаевцев, воздать должное их беспредельному мужеству, выдержке и стойкости.

Содержание

Глава первая. **В степи под Одессой** [3]

Глава вторая. **У стен Севастополя** [29]

Глава третья. **Госпиталь** [78]

Глава четвертая. **Сквозь вражеское кольцо** [97]

Вместо эпилога [142]

Примечания

Глава первая.

В степи под Одессой

Кромешная тьма. Такая бывает только на юге в конце лета пасмурной ночью. И мелкий дождь.

Мы прибыли в Сочи за полночь и, выгрузившись, тотчас направились к причалу. Город и порт были окутаны темнотой. Словно придавленные ею, мы переговаривались почти шепотом, будто громкая речь тоже могла нарушить светомаскировку.

Где-то рядом, выпирая из темноты, светятся гребни морских волн. Они бьются и шипят между черной громадой корабля и причалом. Я знаю, что есть корабль и причал, но скорее угадываю, нежели вижу их во тьме.

Держась за вещмешок впереди идущего, мы поднимаемся по шевелящимся под ногами сходням. На борту по одну сторону трапа стоит командир нашей маршевой роты лейтенант Иван Самусев. По другую — моряк-часовой. Самусев считает бойцов, поднимающихся на борт, дотрагиваясь рукой до каждого.

Гуськом, продолжая держаться друг за друга, мы проходим в трюм. Там горит вполне накала несколько лампочек. На палубе вповалку лежат незнакомые бойцы. Они спят, тесно прижавшись один к другому, как [4] патроны в обойме. У каждого в головах тугой вещмешок, каждый обнимает руками винтовку. По тому, насколько привычна для спящих эта поза, как даже во сне они держат возле себя оружие, я поняла: эти солдаты не раз бывали в деле. Меня не обманули ни их новые шинели, ни новая обувь. Очевидно, часть возвращалась на фронт после переформирования.

Сами-то мы выглядим по-другому. Вещмешки у нас угловатые, уложенные неумелой рукой, и шинели не так пригнаны, и спать с оружием, как они, мы не умеем. Да что там говорить, мы даже не можем сразу заснуть!

Бойцы нашей маршевой роты долго переговариваются. Самусев молча ходит по узкому проходу между лежащими солдатами и покуривает в кулак.

Корпус корабля мелко вздрагивает, подчиняясь ритму работающих машин. Раздается протяжный гудок отхода. Качает сильнее. Удары волн по обшивке становятся настойчивее: мы вышли в открытое море.

Многие уснули или, как я, делают вид, что спят.

Закрыв глаза, думаю о том, что вот сбылась моя мечта. Еду на фронт не телефонисткой, не медицинской сестрой даже, а настоящим бойцом-пулеметчиком. Никто из товарищей по роте не мог бы сказать, что на учебных стрельбах я действовала хуже других или мне давали поблажки. Нет, поблажек не было. Иногда даже казалось, что ко мне относятся строже, чем к остальным.

Теперь все это позади. Завтра, самое позднее послезавтра я займу место у пулемета не на стрельбище, а на передовой. Я очень смутно представляю бой, в котором доведется участвовать, и, наверное, поэтому мысленно тороплю события...

По кораблю заметались частые звонки тревоги. Кто-то заглянул в люк. Я увидела, что уже светает.

Послышался прерывистый гул самолетов.

— Оставаться на местах! — крикнул Самусев.

Он с несколькими незнакомыми командирами стоял у трапа, ведущего на верхнюю палубу.

Проснувшиеся бойцы растерянно посматривали друг на друга. Корпус корабля задрожал от выстрелов зенитных орудий: фашистские самолеты ревели теперь прямо над нами. Пули докали по палубе и обшивке. [5]

В трюме у нас по-прежнему полутемно. Лампочки, казалось, светят совсем тускло. И так же тускло было на душе. Одно дело — находиться во время налета наверху, другое — сидеть в слабо освещенном трюме...

Поодаль послышался взрыв.

— Сбили! Наши зенитчики фашиста сбили! — прошуршало по трюму. И хотя самолеты врага продолжали обстреливать корабль из пулеметов, бойцы в трюме повеселели.

В разгар очередной атаки самолетов примостившийся рядом со мной пожилой черноусый боец поплевал на пальцы, пригладил усы и громко сказал:

— Что, сынки, притихли? Давайте песню споем! Что б ни случилось, с ней веселее!

Черноусому никто не ответил. А он, как ни в чем не бывало, душевно предложил:

— Я начну. А вы подтянете.

И запел неожиданно высоким, чистым голосом:

Ты не вейся, черный ворон...

Тут уже не выдержал наш Анатолий Самарский. Взял баян, растянул меха. Тесно стало песне в трюме. Она наверняка долетела до зенитчиков, которые вели огонь по вражеским самолетам. Зенитки забили чаще.

Потом прозвучала команда «Отбой».

Незаметно шел час за часом. Наши соседи по трюму — бывалые солдаты — вели себя много сдержаннее нас, необстрелянных новичков. Я не понимала, в чем дело. Только потом, в конце пути, один из них сказал:

— Проскочили... Ни на мину не наравались, ни подлодки нас не перехватили.

Тогда мне стала понятной сдержанность соседей: не хотели

понапрасну пугать новичков.

В трюм спустился морской офицер:

— С благополучным прибытием, товарищи! Готовьтесь к выходу!

Мы снова вышли в ночь. Так же держась за вещмешок впереди идущего, спустились по трапу на берег.

Одесса!

Много слышали мы о героических делах ее защитников. А теперь и нам предстояло отстаивать город плечом к плечу вместе с ними. [6]

Мы шли почти сутки по пыльным степным шляхам. Навстречу двигались по обочинам хмурые, молчаливые беженцы. В облаках пыли ревели недоенные коровы. А впереди по горизонту стлался черный дым: горела заскирдованная пшеница.

К Самусеву подошел старик, волочивший на веревке козу:

— Что же, сынок, вы его не остановите?!

Лейтенант смутился под строгим взглядом:

— Мы еще не воевали... Только идем...

— Идите! — сказал старик, да так строго, словно был генералом.

И мы шли без передышки. После полудня миновали полосу горящих хлебов. Теперь впереди по горизонту плыл рыжий дым разрывов, пахнувший взрывчаткой и пылью. А земля под ногами едва приметно вздрагивала, словно от боли.

Смеркалось, когда мы вошли в село, где нас должен был встретить проводник, чтобы отвести на передовую. Половина села была разбита бомбами и уже сгорела. Только дымились развалины.

Погорельцы и беженцы расположились в садах, под призрачной защитой деревьев. Погорельцев сразу можно было определить по закопченным лицам.

Я вошла в один из садов. Под деревьями на земле сидели женщины с детьми. Женщины растирали в ладонях собранные по дороге колосья пшеницы. Растерев колос и сдув плевелы, они разжевывали зерна и кормили детей. Беженка, возле которой я остановилась, давала эту жвачку грудному ребенку. Я по своему малому, но горькому солдатскому опыту знала, что даже от плохо проваренной пшеницы крепко болит живот.

— Что вы делаете? Малышу будет плохо!

— Милая ты моя девушка... — По щекам женщины потекли слезы. — Пропало у меня молоко... Все там осталось — дом, хлеб, молоко и хозяин...

Я отошла в сторонку, развязала свой вещевой мешок, достала сухой паек и отнесла женщине. Самусев и старшина роты видели,

что я сделала, — это был явный беспорядок, — но промолчали. Молчали они и тогда, когда другие бойцы тоже отдали свои продукты детям. Да и сами поступили так же, только сделали [7] это очень осторожно, стараясь, чтобы ничего не заметили товарищи.

Вскоре пришел проводник, и мы тронулись в путь.

Ночное небо впереди нас озарялось то ослепительными вспышками ракет, то разноцветной строчкой трассирующих пуль. Справа доносился глухой говор станковых пулеметов, слышались разрывы снарядов. Очевидно, там шел жестокий бой.

Чуть позже мы узнали, что полк, в который прибыла на пополнение наша маршевая рота, несколько дней подряд жестоко дрался с гитлеровцами за небольшой населенный пункт и перекресток шоссеиных дорог.

В расположение штаба полка мы попали глубокой ночью. Остановились на короткий привал. Многие бойцы, утомленные долгим переходом, тут же уснули на изрытой снарядами земле. Но вскоре возле нас выросла фигура в белом переднике и белом колпаке. Вертя в руке черпак, нас приветствовал повар:

— Здравствуйте, новички! Котелок на двоих! Угощаю фронтовым завтраком!

— А вкусный завтрак? — сонно спросил кто-то.

— Рисовый плов с баранинкой! Попробуешь — скажешь.

— Тогда стоит подняться.

Выстроившись в затылок друг другу, мы двинулись к полковой кухне.

Плов оказался таким вкусным, что сон сняло как рукой. Тем временем из здания штаба вышли командир полка, старший политрук и лейтенант Самусев. Поздоровавшись с нами, старший политрук сказал:

— Хоть плов действительно вкусный, громко хвалить его не надо. Противник близко. Немцы могут открыть беглый огонь по голосам. Вы не затем сюда так долго шли, чтобы похвалить повара и погибнуть. У нас так не делается. А у нас — это в дивизии, которая носит имя героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. В нее входит наш полк, куда вы и прибыли.

Потом старший политрук сообщил, что нас направляют на пополнение в геройскую чапаевскую роту, которая сильно поредела в последних жарких боях. Славная рота вот уже несколько дней отражает на своем участке противника, стремящегося прорваться [8] на дорогу к Черному морю. Дорога эта имеет важное значение. По ней двигаются наши отступающие части, измотанные в тяжелых стычках с врагом, а также беженцы, уходящие с оккупированной территории.

Мы наспех доели свой плов и направились вслед за связным из штаба батальона.

— Далеко ли до передовой? — поинтересовалась я.

— Рукой подать.

Но шли мы по меньшей мере часа два. Шли спотыкаясь и чертыхаясь в темноте: луну закрыла огромная туча.

— Ваше счастье, — сказал проводник.

Однако лишь немногие пожилые солдаты поняли тогда, в чем, собственно, заключалось наше счастье. А нам действительно повезло: при луне мы бы не могли идти в полный рост по освещенной равнине.

Подул прохладный ветерок. Зашелестели листья, зашкрипели надломленные и опаленные огнем стволы и ветки в сильно поредевшей лесополосе, вдоль которой мы шли.

Внезапно ударили крупные капли редкого дождя.

Ноги подкашивались от усталости и будто нарочно цеплялись за все пни и коряги, встречавшиеся на пути. Каска на голове казалась пудовой ношей.

— Пришли... — слышалось впереди. Это слово мигом пролетело от связного до замыкающего.

Потом мы долго пробирались по извилистым траншеям, то и дело задевая сидевших в окопах бойцов. Они дремали, примостившись на корточках, зажав между колен винтовки. Позади нас возникали тихие разговоры, чиркали кресала, бойцы принимались курить, пряча в кулак самокрутки.

До меня долетели отдельные слова:

— Пополнение... Новички...

Кто-то поинтересовался, нет ли среди нас земляков, кто-то взволнованно спросил об Одессе, которую мы так и не видели.

Самусев разговаривал с младшим политруком. Оба ждали старшего сержанта Нестерова, который после гибели командира роты принял командование на себя. Сейчас он ушел проверять передовые посты.

Дождь перестал так же неожиданно, как и начался. Ветер разорвал тучи. И когда они проплывали возле [9] луны, то контуры их светились. Несмотря на усталость, спать никто не хотел: каждым нервом мы ощущали близость затаившегося противника.

Стоявший неподалеку от меня часовой вдруг насторожился. А я так и не уловила ничего подозрительного среди обычных шорохов ночи.

— Стой! Кто идет?

— Свои.

— Долго же вы ходили, товарищ старший сержант... —

шепотом сказал часовой.

— А что, пришли гости?

— Давно пришли. Ждут вас.

Нестеров (мы поняли, что это был он) легко подхватил часового за локти, покружился вместе с ним, поставил наземь:

— Спасибо за добрую весть, Алеша! Ну, держитесь теперь! — Старший сержант погрозил кулаком в сторону немецких окопов.

Нестеров направился к Самусеву, который теперь принимал командование ротой, а связной Ваня Нефедов, ходивший вместе с Нестеровым проверять боевое охранение, присел рядом с новичком Толей Самарским.

— Пулеметчик? — спросил Нефедов.

— Он самый. Садись, закуривай.

— Было бы чего. Вот если ты затынешься оставишь...

— Держи кисет.

— А завтра... Ну, сегодня днем уже... Видать, фашист наступать не будет.

— Это почему же?

— Около часа стоял у них под самым носом — и ни гу-гу. Дрыхнут, видать. Раны зализывают. Мы вчера много их брата положили... А прошлой ночью такой гомон у них в траншеях стоял, будто у себя дома лопотали.

— Может, они за вчерашнюю ночь и к сегодняшнему дню подготовились?

— Так не бывает, — твердо сказал Нефедов. — Я их повадки до тонкости изучил... У меня к этим гадам особый счет... Недалеко отсюда мое родное село расположено. Вы наверняка через него проходили. Так вот. Там под бомбами погибли моя мать, младшая сестренка [10] и братья. Я не то что клочка земли, куска разрушенной хаты не отдам врагу.

Нефедов стал рассказывать о себе, о вчерашнем бое. А когда рассвело, я увидела поле перед нашей позицией — изрытую, без единой травинки землю, сгоревшие немецкие танки, трупы солдат в грязно-зеленых шинелях. Только тогда по-настоящему поняла, какой здесь был вчера бой.

Проснулась от богатырского храпа. Неподалеку за изгибом траншеи, обхватив винтовку, сидя спал немолодой боец. Самарский, наш баянист, время от времени прикасался к его руке и приговаривал:

— Потихе, папаша! Потихе! Фашистов разбудите!

Боец, не просыпаясь, часто кивал головой, словно соглашался с Самарским. Наконец Анатолий не вытерпел, легонько подтолкнул соседа. Тот пожевал губами, вскинул брови, с трудом открыл глаза.

— Тише храпите, папаша! Ей-ей, немцы услышат!

— Нет, сынок. Немец сам еще спит. Рано. Точно говорю. — Боец сладко, по-домашнему потянулся. — А сколько же я снов видел! И в бою-то был, и к сыну на побывку съездил, и домой захаживал...

Он зевнул, словно рассказывал не о себе, а о постороннем человеке.

— Подошел это я к своему дому, постучал дважды в окно, как обычно. А Мария, жена моя, все не открывает. Стукнул я по стеклу кулаком. Мелкие осколки на землю посыпались, а у меня вся рука в крови. Открыла наконец Мария дверь, вышла на крыльцо с малюткой сыном на руках. Сын-то, Иван, уже ходить должен, а приснился таким, как я его оставил. Стоит она будто вкопанная на крыльце, смотрит на меня. Платье на ней голубое, которое я больше других любил. Слезы градом у нее по щекам, и молчит... Вот тут-то ты меня и разбудил.

— А вы, папаша, — посоветовала я, — усните опять, может, досмотрите сон...

— Чего же мне такой сон досматривать, где я на костылях? Да и некогда!

Он достал из вещевого мешка сухарь, молча пожевал, потом снова сердито посмотрел в мою сторону:

— Ишь какая — «досмотри»... Не хочу! Да и фашисты, того и гляди, к завтраку гостинец пришлют... [11]

Но было сравнительно тихо. Гитлеровцы весь день только лениво постреливали из пулемета. Однако для меня этот день оказался очень хлопотным.

* * *

Когда были собраны списки пополненных взводов, Самусев и младший политрук недосчитались одного бойца-пулеметчика. Вроде бы все сходилось, а в сумме — пропал человек.

— Ну, коли задачка с одним неизвестным, — улыбнулся младший политрук, — то совсем не безнадежное наше дело.

— Вспомнил, кто пропал! — воскликнул Самусев. — Идем-ка к Нестерову. Это старший сержант намудрил.

Я слышала этот разговор. Он происходил неподалеку от нашей землянки, да командирам и нечего было скрывать. Пропавшим бойцом была я.

Войдя в землянку, Самусев обратился к Нестерову и кивнул в мою сторону:

— Невнимательно составляете списки, товарищ старший сержант. Не знаете своих подчиненных. На вашем месте я бы ее первой записал. Она у вас одна-единственная девушка.

Нестеров нахмурился, потупился и сказал негромко, но

упрямо:

— Бойцов своих я, товарищ лейтенант, очень хорошо знаю. А ее ни первой, ни последней не записал потому, что она — баба. Бабы в мужском деле только неудачи приносят...

— Отставить разговоры! — приказал Самусев. — Никогда не слышал таких отзывов о наших девушках!

— Разрешите, товарищ лейтенант, — опустил глаза, проговорил Нестеров.

— Да.

— Стесняют бабы... то есть женщины... нашего брата. Ни выругаться при них, ни...

— Отставить! Отправляйтесь, товарищ старший сержант, в мою землянку и ждите меня там. Скажете младшему политруку, чтобы он тоже дождался моего возвращения.

— Есть! — Нестеров взял под козырек, четко повернулся и вышел из землянки. [12]

— Как так получилось? — ни к кому не обращаясь, проговорил Самусев. — У других — рады-радешеньки, что в боевую семью приходят девушки, а в нашей роте... Презрение какое-то... Баба!

— Мы-то не против, товарищ лейтенант, — стал оправдываться кто-то из бойцов. — Командир наш недоволен...

— И то хорошо, — сказал Самусев и обратился ко мне: — Вы, товарищ ефрейтор, будьте в штабе через двадцать минут.

Я ответила по-уставному, и Самусев ушел. Бойцы повытаскивали сигарки, притушенные, когда вошел командир роты, и вновь принялись дымить, вполголоса обсуждая происшествие и вздыхая при упоминании о том, какой нагоняй получит их боевой командир от лейтенанта. А я приводила себя в порядок перед посещением штаба. Неожиданно передо мною на маленьком самодельном столике появилась сапожная щетка, крем для ботинок в круглой коробочке с надписью «Люкс», какого я не видела с начала войны, зеркальце, суконка, пуговица к гимнастерке, флакончик одеколона «Сирень». Запасливый Самарский достал из вещмешка даже белоснежную полоску ситца, чтобы было чем сменить запыленный подворотничок.

Привести в порядок сапоги, пришить пуговицу не составило труда, а вот как прикрепить подворотничок, не снимая гимнастерки, я так и не могла придумать.

Выручил все тот же Анатолий Самарский:

— Идем, братва, покурим на свежем воздухе!

Я осталась одна и через две минуты была готова отправиться в штаб роты. Напоследок не удержалась, посмотрела в зеркальце. Едва узнала себя. Лицо от загара чернее черного, а на лбу и около

глаз белые ниточки — морщинки.

Положила я на стол зеркальце и сказала себе: «Вот что, товарищ ефрейтор, пора отвыкать от старых привычек. Зеркало вам теперь ни к чему. А после войны оно пригодится. Ясно?» — и вышла из землянки.

Меня словно ждали командиры отделений, вызванные Нестеровым еще до разговора с Самусевым.

Командир первого отделения, молодцеватый паренек с щегольски закрученными усами, пошутил: [13]

— Вот теперь ты командиру взвода определенно понравишься.

— Ладно... Прощайте. Спасибо за заботу.

— Рано прощаешься, — вступил в разговор угрюмого вида командир второго отделения Морозов. — В любое из трех отделений приходи. Не обидим и никому в обиду не дадим.

Так душевно сказал, что у меня в горле запершило. Я кивнула и быстро зашагала в командирскую землянку. У входа меня задержал часовой. Это был Андрей Зайцев. С ним мы занимались в учебном отряде, вместе плыли через Черное море и шли до передовой. Он посмотрел на меня и укоризненно покачал головой:

— Обожди малость... Ух, и пробирает же лейтенант за тебя Нестерова! Десять потов с него сошло...

Из землянки доносились голоса, но я старалась не прислушиваться.

— Доложи, — шепнула я Зайцеву, надеясь, что мой приход некоторым образом спасет Нестерова от дальнейшего разноса. — А то сама пойду.

Я тихонько подтолкнула Зайцева к двери. Но получилось так, что он слетел с третьей ступеньки на первую, распахнул дверь и очутился в землянке.

— Пришла — пусть заходит, — услышала я голос Самусева.

По его тону поняла: неприятность улажена.

Когда я вошла, командир роты отпустил Нестерова. Он вышел, не взглянув на меня. Самусев помолчал, что-то обдумывая. Я оглядела землянку. Пол — земля, стены — земля, потолок — тощие бревна. Стол покрыт газетой, оборванной со всех сторон любителями курева; над топчанами — по три колышка: для автомата, сумки с гранатами и полотенца.

— Вот что, — начал Самусев. — Решили мы вас временно оставить при штабе вместе с санинструктором Марией Ивановной.

Кровь бросилась мне в лицо:

— Разрешите, товарищ лейтенант!

— Слушаю.

— Санитаркой быть не могу. Раненых перевязывать не умею. Меня учили стрелять из пулемета.

— Не горячитесь. Здесь вам обоим будет удобнее. И бойцов в землянке стеснять не станете. А? [14]

— В землянке комвзвода мне делать нечего. В удобствах не нуждаюсь. Все было обдумано еще в тылу. Я пулеметчица, товарищ лейтенант!

Наступила тишина. Самусев что-то писал в тетради, младший политрук усердно дымил толстенной самокруткой.

Время шло.

— Так на чем же порешили? — спросил наконец Самусев.

— Все на том же. Разрешите идти, товарищ лейтенант?

— Обождите малость.

Командир роты достал из-под топчана сверток и передал мне. В нем был новый автомат. Густосмазанный, разобранный.

— Справитесь?

— Так точно!

Под придирчивыми взглядами Самусева и младшего политрука я быстро собрала автомат. Мне сказали, чтобы я взяла его как личное оружие, а винтовку оставила в штабе.

— Большое спасибо.

— Что, что? Я не кулек с конфетами вам вручил, а боевое оружие. Его владелец погиб во вчерашнем бою!

Я стала по стойке «смирно», сказала то, что положено было сказать, и добавила:

— Буду служить Родине так же честно и беззаветно, как прежний хозяин автомата.

— Так, товарищ ефрейтор!

Выходя, я сильно толкнула дверь. Послышался громкий вздох. У входа в землянку стоял Зайцев и потирал лоб.

— Вот не ожидал... — прошипел он.

— Не стой, где не надо!

— Да я просто так... Шепнуть хотел: оставайся, мол, при штабе. И мне веселее будет, — улыбнулся Зайцев.

— Что я тебе — патефон с пластинками? — обиделась я и направилась в распоряжение пулеметного взвода. По дороге злость на Зайцева прошла. Вспомнился вокзал перед отправкой на фронт и мать Зайцева — маленькая сутулая женщина с заплаканными [15] глазами. Она долго семенила рядом с подножкой, все упрашивала меня побережь сына, словно в моих силах было это сделать...

Дойдя до поворота траншеи, я обернулась. Зайцев по-прежнему стоял у входа в землянку командира. В правой руке он

держал винтовку, а левой прижимал ко лбу платок.

До самой темноты я пробыла в дзоте. Первый номер расчета — Владимир Мирошниченко — знакомил меня с будущим полем боя: показывал ориентиры, по которым был пристрелян наш «максим». Едва мы вернулись в землянку, освещенную тощим огоньком коптилки, как приподнялась плащ-палатка у входа и вошел старик в гимнастерке, с термосом за плечами:

— Наварил я вам, братцы чапаевцы, супцу с мясом да маслицем, чтобы ели, здоровели да перед фашистом не робели!

Бойцы радостно приветствовали кашевара. Был он знаменит. И не только тем, что хорошо готовил и вовремя доставлял пищу. Наш кашевар еще в гражданскую воевал под началом самого Чапаева, был знаком с Василием Ивановичем.

Мирошниченко попросил старика рассказать о встречах с Чапаевым.

Обедя оценивающим взглядом новичков, Максимыч — так ласково и уважительно называли Илью Максимовича Бондаренко — неторопливо начал:

— Не вдруг и не сразу удалось увидеть мне нашего легендарного командира. Много прошло боев. И вот однажды крепко прижали нас беляки. Нас, чапаевцев, горстка, а врагов — тьма. Вот тогда в окопах и появился Василий Иванович. В бурке, в папахе, все как есть, как о нем говорили. «Что, спрашивает, лихо?» «Лиховато», — отвечает старшой. «С чего же это лиховато?» — спрашивает Василий Иванович, а глаза у самого озорные, веселые. «Врагов против нас много», — честно признается наш командир. «А много ли это много?» — спрашивает опять Василий Иванович. «Человека по четыре на одного нашего». «Да, — согласился Василий Иванович, — действительно плохо. Вот если бы семеро против одного нашего — много бы легче было». «Как так?» — удивился старшой. Мы тоже, конечно, рты разинули: четверо против одного — тяжело, [16] а семеро — легче? Ждем, откроет нам Чапаев свою тайну.

— И открыл? — не выдержал кто-то из новичков.

— Открыл, — закивал Максимыч. — Открыл такую тайну победного боя, что и в нынешней войне вполне годится. «Одному, — сказал Василий Иванович, — нужен один бугор, чтоб укрыться за ним и стрелять. А семерым-то — семь бугров. Всегда ли найдется их столько в чистом поле? Не всегда. Ты один — лежи да постреливай. Одного врага убьешь — шесть останется. Двоих — пять останется. А когда шестерых из строя выведешь — седьмой сам тебе в плен сдастся. Испугается!»

Фашисты начали артподготовку рано утром.

Каждый из нас слышал еще в тылу об ураганном огне. Случалось об этом и в книжках читать. Но испытать такое мне и моим товарищам пришлось впервые.

Я сидела уткнувшись лицом в коленки в низкой, выдолбленной в сухой каменной земле нише и чувствовала себя муравьем на наковальне, по которой со всего размаху бьет слепой кузнец. Мимо наковальни-то он не промахивался, но любой его удар был направлен и против меня, мог расплющить меня, мог не оставить от меня даже кровинки.

Этот ад продолжался сорок минут. И в каждую из таких минут казалось: ну еще секунда — и голова расколется от грохота и оглушительных разрывов. Попробовала заткнуть уши. Бесполезно.

Когда раздался последний одиночный разрыв, словно поставивший точку, я выбралась из ниши и юркнула в дзот. Там уже находились командир взвода и первый номер — Володя Мирошниченко. Нестеров стоял у амбразуры. Я посмотрела через его плечо. Между нашими окопами и позициями фашистов стлалась густая рыжая пыль и черная гарь разрывов. Ничего другого разглядеть было нельзя. Я подошла к пулемету, поправила ленту. Мирошниченко расстелил на полу землянки чистую тряпочку, которую рвал на подворотнички, и ссыпал туда из карманов остатки махорки. И хотя Мирошниченко знал, что при дележе [17] махорки я отказалась от своей доли, он все же спросил:

— А в твоих карманах ничего не найдется вдобавок?

Я не успела ответить.

— К пулемету! — приказал Нестеров.

Мы заняли свои места. Впереди по-прежнему висела завеса пыли и гари.

Нестеров взял гранату, зачем-то подбросил ее в руке и сказал:

— Не нравится мне эта тишина. Пойду посмотрю.

Тут открыла огонь полковая артиллерия.

— Ясно! — крикнул нам Нестеров. — Немцы идут в атаку!

Пыль перед амбразурой вроде поредела, и стали видны фигурки фашистов.

— Ориентир один! Длинными очередями!

Мирошниченко, закусив губу, выпускал очередь за очередью. Сбоку от нас тоже бил станковый пулемет. А совсем рядом — ручной. Мне было видно, как цепь фашистов залегла, а затем откатилась на исходные позиции.

Немцы открыли огонь из минометов. Мины визжали и охали

звонко, словно степь была большой пустой комнатой. Фашисты, очевидно, засекли наш пулемет. Мины густо ложились вокруг дзота, разбрасывая в стороны маскировочные ветки. Меж бревен сыпалась земля, от близких разрывов сдвинулась с места и провисла часть наката.

— Опустите пулемет в дзот! — крикнул Нестеров.

Мы выполнили приказ. Мирошниченко неожиданно поднял с пола кусок известняка и стал внимательно его рассматривать.

— Не время, геолог, — быстро оглянувшись, сказал командир. — Хотя тебя и учили этому четыре года, только сейчас не время! Лучше воды в кожах подлей.

Это полагалось делать второму номеру. Я сходила за водой к бачку у входа. Его поставили там, чтобы не мешал и не путался под ногами. Не знаю, почему Нестеров обратился к Мирошниченко, а не ко мне. Может, потому, что в щели разошедшегося наката то и дело, жужжа, залетали осколки. Только не было смысла [18] так беречь меня. Осколок мог достать в любом углу дзота.

— Да, — ни к кому не обращаясь, сказал Мирошниченко, — учили меня, учили находить клады в земле, а вместо того роюсь я в ней как крот. И не ищу, что никем не найдено, а укрываюсь от врага, подстерегаю его, чтоб скорее прикончить и взяться за свое дело...

— Поднять пулемет! Идут!

Мы подхватили «максим», поставили его на место в амбразуре. После минометного обстрела пыли и гари было меньше, и я сразу увидела куст шиповника метрах в двухстах пятидесяти от дзота, а поодаль от него — вражеских пехотинцев.

Команды «Огонь!» не было. Нестеров, видимо, решил подпустить фашистов поближе и бить наверняка. Мирошниченко то и дело прикасался пальцами к предохранителю спускового рычага, а потом запрятал руки глубоко в карманы брюк.

— Кто-то из нас троих счастливчик, — сказал он, не отрывая взгляда от поля, по которому приближались к нам немецкие солдаты.

— Почему? — спросила я.

— Два таких обстрела... Фашисты явно били по нашему дзоту — и ни одного попадания...

Команды «Огонь!» все не было, и Мирошниченко говорил сквозь зубы. Вдруг взгляд его стал тревожным. Я тоже заглянула в амбразуру. Нашего ориентира — куста шиповника — словно не бывало.

— Молодцы наши артиллеристы! И наблюдатели у них хорошие! — крикнул Нестеров. — Там, у куста, под прикрытием

минометного огня немцы с пулеметом обосновались. Теперь — порядок!

Гитлеровцы были еще далековато. Они то ползли, то двигались короткими перебежками.

Нестеров словно прирос к амбразуре.

— Немцы подходят ко второму ориентиру! — сказал тревожно Мирошниченко.

Нестеров не ответил.

Голоса оравших фашистов стали слышны совсем отчетливо.

Нестеров обернулся, посмотрел на Мирошниченко [19] долгим пристальным взглядом и вдруг, взмахнув рукой, крикнул:

— Короткими — огонь!

Вслед за нашим станковым пулеметом ударили соседние, потом ручные, и сквозь их трескотню четко слышались винтовочные выстрелы. Другие пулеметчики, как и мы, стреляли короткими очередями, выбирая цели, экономя патроны. Потом на правом фланге стало тише. Это могло означать только одно: сопротивление наших на том участке сломлено. Нестеров, схватив автомат, прижался к запасной амбразуре и почти в упор бил по фашистам, которые подбирались к нашему дзоту справа. Через несколько секунд он схватился за плечо и медленно осел на пол. Между пальцами сочилась кровь. В полутьме дзота она казалась почти черной.

Стали слышны разрывы ручных гранат, автоматные очереди. Немцы подошли совсем близко.

Я сменила уже четвертую ленту, но фашисты словно осатанели и лезли прямо в огонь. Наконец я выбрала момент и перевязала Нестерова. Он был очень бледен от большой потери крови. Когда я вернулась к пулемету, из кожуха выбивался пар, застилая амбразуру. Метнулась к бачку с водой — он пуст: пробит осколком.

Справа, совсем рядом, грохнули три ручные гранаты. Нестеров схватил здоровой рукой свой подсумок с гранатами и выскочил в траншею. Я выглянула в правую, запасную амбразуру и увидела, что немцы потеснили наших на правом фланге, захватили несколько траншей, продвигаются по ним и вот-вот зайдут нам в тыл. Нестеров отбил их приступ гранатами. Настало минутное затишье.

— Иди в траншею, — сказал Мирошниченко, — может, там помощь кому нужна.

Я вышла и сразу наткнулась на Нестерова. Он сполз на дно окопа и лежал в забытии. Ничего толком не разглядев, я схватила старшего сержанта под мышки и втащила в дзот. Затем вышла опять. Извилистая траншея во многих местах оказалась

полузасыпанной, а оборонявшие ее бойцы были мертвы. Пройдя до второго поворота, я увидела бойца, который лежал грудью на бруствере. Из ног его, свисавших над окопом, сочилась [20] кровь. Я опустила солдата в траншею, перевязала. Судя по месту, где он находился, именно он отразил гранатами первую попытку фашистов захватить и уничтожить наш взвод, а уж Нестеров заставил их отказаться от второй попытки. Пока я перевязывала раненого, он пришел в себя, попытался улыбнуться и сказал с сильным грузинским акцентом:

— А... А все-таки ты и сестричка. Не только пулеметчица...

Истратив на улыбку и несколько произнесенных слов оставшиеся силы, боец снова потерял сознание, и я оттащила его ближе к взводу, чтобы присматривать за ним.

Потом отправилась по траншее дальше, старательно переступая через трупы. Иногда встречала знакомые лица, а несколько человек, лежавших в неестественных позах, повернула так, чтобы им было поудобнее лежать...

За четвертым изгибом наткнулась на Усова. Он сидел на дне траншеи и набивал патронами диск ручного пулемета. Невдалеке увидела еще один пулемет и противотанковое ружье, а у ног бойца лежал автомат.

— Пришла... — проговорил Усов. — Я знал, что придешь проводить. Как можно не придти? Мало ли что со мной могло случиться... Только вот ничего не случилось! Пули меня даже не оцарапали.

Сначала я не могла понять, почему это Усов был так уверен, что я приду. Потом вспомнила, как он часто плакал перед отправкой на фронт, не стесняясь приговаривал, что его обязательно убьют в первом бою. Однако настал первый жестокий бой — и страхи Усова как рукой сняло. В этот тяжелый момент он выглядел будто веселее обычного.

— Как же ты справляешься с двумя пулеметами, противотанковым ружьем и автоматом?

— Долго ты не шла, — продолжал Усов. — Я уж подумал, не стряслось ли что с тобой. А вот и пришла. Справляюсь-то как? Из одного постреляю, потом из другого, из автомата, потом из третьего.

— Из третьего?

— А вон и третий, — Усов кивнул на пулемет, прикрытый шинелью, пробитой осколками. — Вот так — бегаю и стреляю. [21]

Над нашими позициями появились немецкие бомбардировщики. Они стали пристраиваться друг другу в хвост, образуя кольцо.

— Надо думать, нас колошматить собираются, — строго сказал Усов. — Топай-ка ты к себе. В нише мы вдвоем не поместимся.

Он забрался в нишу, давая понять, что разговаривать нам больше не о чем.

Едва я добежала до дзота, вернее, до ниши около него, как завыл, обрушиваясь на наши позиции, первый «юнкерс». Я еще успела глянуть вверх, хотя лучше было этого не делать. Когда летит вражеский снаряд или воеет мина, все кажется, что упадут они где-то рядом, потому что не видишь их, а только слышишь. А когда пикирует самолет, то думается — вот как раз на тебя. Не скоро привыкаешь к тому, что если видишь пикирующий на тебя бомбардировщик, то бомба упадет где-то в стороне.

Взрывы вздымали землю с такой силой, что известняк, в котором были вырыты наши окопы, трескался и крошился, выпуская клубы пыли. Дышать стало трудно. Стараясь сберечь глаза, я свернулась в нише калачиком, уткнувшись лицом в колени.

Не знаю, час или несколько минут тряслась, скрежетала, билась мелкой живой дрожью наша земля под фашистскими бомбами.

Вдруг услышала глухие голоса.

— Тут где-то...

— Точно — вот здесь!

Открыла глаза — темно. Не сразу сообразила: меня засыпало. Дернулась, крикнула:

— Тут! Тут я! — Что было силы двинула локтем по осыпи, на миг увидела пятнышко света, и меня засыпало опять. Вытащили меня из ниши, подхватив под локти, Мирошниченко и Самусев.

— Живая, здоровая! — улыбнулся Самусев. Он был, как всегда, подтянут и бодр. Мне даже показалось, что и известковой пыли на нем вроде меньше, чем на других. — Ну глядите, пулеметчики, в оба. Я — на правый фланг.

— Товарищ лейтенант, я была перед бомбежкой у Усова. Он молодец! [22]

— Спасибо, товарищ Медведева, за сведения. Но мне самому надо на все поглядеть.

* * *

На правом фланге нашей роты случилось вот что.

Как ни старались мы прошлой ночью тихо подойти к передовой, немцы, видимо, заметили все-таки оживление в наших траншеях и не оставили без внимания это обстоятельство. Кроме того, в следующий — тихий — день они внимательно наблюдали за нашими позициями.

Теперь-то, задним числом, я могу сказать, что для опытного командира и даже солдата не составляет труда только на основании наблюдений решить, прибыло ли к противнику пополнение. Можно догадаться и о том, каково это пополнение: опытные, обстрелянные солдаты или только что обученная молодежь, попавшая на передовую, что называется, с учебного плаца. Опытные солдаты готовятся к предстоящему бою осторожно, сдержанны в разговорах, не шастают по траншеям.

Собственно, и наши бывалые солдаты правильно расценили тогда поведение противника в ночь перед боем. Но фашисты вели себя просто нагло, хотя, видимо, и не являлись новичками в военном деле.

Так или иначе, но немецкий офицер сделал, наверное, правильный вывод: пришло пополнение, по всей вероятности, необстрелянное, а значит, вряд ли стойкое. Теперь, опять-таки задним числом, я могу сказать, что шумели мы в прошлую ночь непозволительно много. Вероятно, догадались немцы и о том, где находится стык между нашей и соседней ротой. Может, именно на этих данных и было построено наступление.

Участок, который защищала наша рота, ближе всего подходил к шоссе и к селу. Туда-то и стремились фашисты всеми силами. А стык между ротами — наш правый фланг — оказался на направлении главного удара.

После артиллерийской подготовки и минометного обстрела гитлеровцы ринулись в атаку и ближе всего подошли к нашим позициям на правом фланге. Потом, во время бомбежки, они опять усиленно обрабатывали стык между ротами. Командир правофлангового взвода [23] был контужен. При последующем минометном обстреле вышел из строя пулемет вместе с расчетом.

Из взвода в живых осталось тринадцать солдат. Причем четверо были легко ранены. Началась новая атака. Беда заключалась в том, что не нашлось среди этих тринадцати человека, который взял бы на себя командование и стал руководить боем. Младший политрук, которого Самусев послал на правый фланг еще в начале боя, лежал, тяжело раненный, в землянке, там же находился и контуженый командир взвода. С ними была санинструктор Маша Иванова.

Когда немцы приблизились вплотную и в дело пошли гранаты, все тринадцать бойцов начали отходить, забыв в горячке об Ивановой и тяжело раненых командирах.

Фашисты захватили траншеи.

Они попытались прорваться по ходу сообщения дальше в тыл. Но тут их встретила гранатами Иванова. За изгибами хода сообщения не было видно, что отражает натиск только девушка-

санинструктор, которая к тому же тащит двух тяжелораненых.

В этот момент и подоспел лейтенант Самусев.

— Стой! — крикнул он отходившим бойцам. — Так чапаевцы не воюют!

Бойцы остановились и с недоумением посмотрели друг на друга. Они, наверное, и сами искренне удивились тому, что произошло. Может, каждому казалось, что только он один сплеховал на несколько мгновений, и, может, надо-то ему было чуточку глотнуть свежего, не прокопченного гарью воздуха, опомниться от раздирающего грохота взрывов... И если бы среди них нашелся человек, который крикнул: «Стой! Назад! Выбить фашистов из траншей!» — они пошли бы за ним, как готовы были немедленно идти за Самусевым.

— Кого вы там оставили?

И снова переглянулись бойцы. Им и в голову не пришло, что Иванова все еще находится в землянке, ухаживая за ранеными. Они считали, что санинструктор давно оттащила младшего политрука и командира взвода в безопасное место.

— А ну, за мной! — коротко взмахнув пистолетом, приказал Самусев. — Гранаты — к бою! [24]

И горстка бойцов ринулась по ходу сообщения в траншеи, захваченные немцами. Осознав свою вину, бойцы дрались отчаянно. Схватка была беспощадной. Лишь несколькими гитлеровцам удалось перемахнуть через бруствер.

— Держитесь! — сказал после схватки Самусев. — Помощи пока не обещаю — надо держаться.

Потом лейтенант назначил старшего и вернулся к нам в дзот.

И как раз вовремя.

* * *

Я прикрывала плащ-палаткой короб пулемета, чтоб не запылился и не отказал в бою пулемет, когда мина шлепнулась около разъехавшейся кровли и что-то горячее обрызгало лицо. Сначала я зажмурилась, потом протерла глаза и увидела, что руки в крови и грязи. Глянула на Мирошниченко — а у него вся голова в крови.

— Бинты давай! — заорал Нестеров.

Посмотрела на него сквозь слезы — а он и сам весь обрызган кровью Мирошниченко. Махнул Нестеров рукой и отвернулся, вытер рукавом здоровой руки лицо, — может, стер кровь, может, размазал слезы... Два месяца плечом к плечу воевал он с пулеметчиком Владимиром Мирошниченко, человеком, которому шага не хватило до осуществления своей мечты — стать геологом и «находить еще никем не найденное»...

Сидела я растерянно на полу дзота и все никак не могла

решить: снять плащ-палатку с пулемета и прикрыть ею тело Мирошниченко или подождать, когда кончится обстрел, и только тогда сделать это.

— Зоя! — тронул меня за плечо Нестеров. Видимо, он обращался ко мне и раньше, но я не слышала. — Зоя! Давай пулемет на место!

Мы вдвоем — Нестеров мог действовать только одной рукой — приподняли «максим». В дзот вбежал запыхавшийся Самусев и помог нам.

— Идут! — крикнул лейтенант. — Близко!

Голос командира роты прозвучал очень громко: минометный обстрел оборвался и стало так тихо, что мы услышали, как орут фашисты. Я снова заняла место второго номера, а Самусев — первого. [25]

— Надо еще подождать, — приговаривал он, прилаживая пальцы на спусковом рычаге. — Надо подождать... Надо подождать...

И мы ждали.

Уже можно было различить лица врагов, но Самусев ждал. Я поняла, почему он сам стал первым номером: учил меня выдержке. Поняла я и то, что это последняя атака. Солнце уже опустилось и светило нам в глаза. Тени идущих на нас гитлеровцев протянулись на полполя и доставали почти до дзота.

— Надо подождать...

Это Самусев произнес совсем тихо — для себя, наверное.

Я смотрела из-за его плеча. Когда тени наплыли на дзот, я увидела огромные, чуть не в пол-лица, жуткие от смертельного страха глаза фашистов, идущих на наш молчаливый пулемет.

И пулемет заработал.

Самусев дал длинную, чуть не в пол-ленты, очередь. Он был отличный стрелок. Оставшиеся в живых немцы залегли и стали отползать, а Самусев продолжал поливать их короткими очередями.

— Это вам за Володю, за Мирошниченко! — приговаривал Нестеров.

Потом на поле боя наступила тишина.

— Все... — устало сказал Самусев и по-мальчишески провел под носом тыльной стороной ладони. — Здесь они, пожалуй, сегодня не полезут. А вот на правом фланге...

Я не уверена, что он разговаривал с кем-либо из нас. Он размышлял вслух. И только теперь я заметила, что Нестеров странно потряхивает головой. Его, наверное, контузило при минометном обстреле.

— Перебирайтесь туда, — закончил Самусев.

— К-куда, товарищ лейтенант? — переспросил Нестеров. Он тоже считал, что лейтенант размышляет вслух, и не прислушивался к словам.

— На правый фланг. Ты, Нестеров, отправляйся пока один, а в помощь Медведевой я кого-нибудь пришлю.

Собрав в две коробки оставшиеся патроны, Нестеров прихватил их с собой и ушел. В дзот спустился Самарский. Он был ранен в руку и сильно побледнел [26] от потери крови. Но все же он помогал. Без него мне бы просто не справиться с пулеметом, который пришлось сначала тащить по узкой и извилистой траншее. «Максим» не пролезал. Я отделила тело от станка. Но и так нести было очень нелегко. Пришлось выбраться на поверхность и быстрым броском преодолеть метров пятьдесят. Нас спасло то, что фашисты не ожидали такого нахальства. Их выстрелы ударили с запозданием. И все же пуля успела царапнуть Самарского.

Немцы, однако, начали атаку не на правом фланге, как полагал Самусев, а на левом. Мы еще не установили пулемет, как получили приказ: Нестерову отправиться на левый фланг. Это произошло так быстро, что я не успела спросить, куда он поставил коробки с пулеметными лентами.

Перевязав Самарского, я решила, что нужно обязательно добраться до Нестерова и спросить про коробки с патронами.

— Правильно, — согласился Самарский. — Дольше проищем, да и где искать?

Я оставила Самарского с поваром Максимычем, вооружившимся автоматом.

Больше на правом фланге никого из бойцов не было.

— За «максимку» не беспокойся — не обижу своего тезку, — крикнул мне вслед наш кашевар.

До левого фланга я не добежала. Неподалеку от нашего дзота увидела Нестерова и еще несколько раненых бойцов. Они били из автоматов и винтовок во фланг наступающей немецкой пехоте. Потом вместе с остатками первого взвода бросились в контратаку. Нестеров был ранен в обе ноги, но и в полузабытьи продолжал ползти вперед, туда, где несколько минут назад находился враг. Трижды раненный, старший сержант, опираясь на локоть и оставляя на пыльной земле и сухих листьях следы крови, все-таки полз.

Когда я подобралась к нему, он уже потерял сознание. Я наложила жгут на обе ноги, перевязала раны и оттащила Нестерова в траншею. Здесь он очнулся, дико огляделся, словно соображая, где находится, и прошептал:

— Чапаевцы! За мной! Быстрее! Быстрее!

Я хотела успокоить раненого, наклонилась к нему, но, увидев мой силуэт, он поднял пистолет и выстрелил. [27] Пуля ударила в каску, сбила ее с моей головы.

Ошарашенная, дрожащая, я стояла около Нестерова, вновь потерявшего сознание, до тех пор, пока не подбежала Маша Иванова:

— Что случилось? Кто стрелял?

Осмотрев раненого, Иванова поднялась и стала меня ругать:

— Вот недотепа! Кто же раненому оружие оставляет! Очнулся он, а ему мерещится, что все еще идет на врага. И тебя за немца принял.

Продолжая дрожать, я ответила:

— Не заметила в спешке. Да и откуда мне знать?

— Огорчаться не надо, — ласково сказала Иванова. — И на парня не сердись. В забытии он.

— Я не сержусь. Только страшно стало.

Иванова похлопала меня по плечу:

— Вот платочек. Вытри глазищи-то. Да пойдем к раненым.

— Мне — к пулемету...

— Раненых много. Я договорилась уже с лейтенантом. К пулемету пошел Зайцев.

Вытерев клочком бинта проступившие слезы, я отправилась в землянку, где находились раненые.

* * *

Под покровом темноты раненые ушли в медсанбат. Потом мы хоронили убитых. Осторожно, словно они могли чувствовать боль, подносили их к неглубокой братской могиле. Неглубокой потому, что мало нас осталось в живых, а долбить камень было очень трудно.

Среди убитых увидела я Ваню Нефедова и вспомнила почему-то: он будет похоронен около высокой старой акации, которую называл своим наблюдательным пунктом. С этой акации, говорил он, видна его хата...

Когда все собрались, вперед вышел Самусев.

— Все вы дрались и умерли как герои... Сегодня мы на нашем участке задержали врага, ни на шаг не подпустили его к красавице Одессе. Поклянемся, товарищи, что не забудем имен павших друзей, будем сражаться так же, как они!

— Клянемся! — эхом откликнулись бойцы. [28]

Не успела вернуться в землянку к раненым — за мной пришел Зайцев. Самусев передал приказ, чтобы я шла вместе с ним и Зайцевым. Они должны были проверить посты. Мне предстояло посмотреть, не остались ли где во взводах раненые, и оказать им помощь.

Смеркалось. Обычно с наступлением темноты враг утихал. Но в ту ночь фашисты вели себя беспокойно. То и дело на нашем переднем крае рвались снаряды. Из немецких траншей доносился громкий говор. Шедший впереди Самусев периодически останавливался и подолгу прислушивался к тревожным ночным звукам.

Мы пробирались по редкой, выкорчеванной снарядами и бомбами лесной полосе, когда неподалеку раздался окрик:

— Стой! Кто идет?

— Свои, — ответил Самусев.

— Стой, стрелять буду! Пропуск?

Лейтенант отозвался, хотя никто из нас не видел часового. Сделали еще несколько шагов. Зайцев едва не споткнулся о солдата, сидевшего у комля дерева.

— Вы ранены? — спросил лейтенант.

— Так точно. В руку и ногу. Потому и сижу.

Боец откинул плащ-палатку. В темноте был отчетливо виден бинт.

— Замаскировал вот рану. Да и пару гранат тоже. Мало ли что случится! А идти не могу. Не одними же глазами врага встречать! Гранатами ночью способнее. Фашисты кругом так и шныряют.

— Почему вас до сих пор не сменили?

— Обещали... Да что-то не идут.

Я нагнулась, чтобы помочь бойцу подняться. Перед глазами метнулся ослепительный шар, меня отбросило в сторону.

Очнулась в госпитале. Оказалось, что я была контужена разрывом немецкой гранаты. Ее, видимо, швырнул один из гитлеровских разведчиков, пробиравшихся в тыл нашей роты. От знакомых бойцов узнала, что Самусев и Зайцев живы, а раненый, с которым разговаривал Самусев, убит. [29]

Глава вторая.

У стен Севастополя

Снова корабль, снова Черное море, снова ночь. На этот раз мы подходим к укутанному декабрьской непогодой Севастополю.

На палубе случайно встретила Анатолия Самарского. Он тоже возвращался из госпиталя. Тогда мы еще не знали, что опять будем воевать в рядах славной чапаевской дивизии.

Самарскому повезло больше. Он сразу отправился на позиции. Мне же пришлось поработать медсестрой в госпитале, что размещался в Инкерманских штольнях. К счастью, это продолжалось недолго. Я была пулеметчицей и, естественно, рвалась на передовую. Мою горячую просьбу вскоре удовлетворили.

Ранним сереньким утром попутная машина подвезла меня на КП батальона. Здесь узнала, что нашей ротой, как и прежде, командует Самусев.

Ночь прошла сравнительно тихо. Вражеская авиация почти не бомбила город. С моря тянулись низкие серые облака, и под утро прошел обильный снег.

Город напоминал солдата в белом маскхалате. На первый взгляд он казался опустошенным, неживым. Впрочем, зачем же солдату маскхалат, как не для того, [30] чтобы обмануть противника, ввести его в заблуждение?.. Фашистским наблюдателям и пилотам город издали и казался таким. Но в минуты опасности, когда требовались огромное напряжение и гигантские силы, город находил их. Тогда стрелял каждый камень, становился дотом каждый бугор.

Враг топтался у стен Севастополя, не понимая, откуда у его защитников столько отваги и энергии.

Но тот, кто прожил в Севастополе тех дней хоть несколько часов, не стал бы удивляться. Из-под развалин домов сочились тонкие осторожные дымки землянок и блиндажей, от одной бывшей улицы к другой петляли тропки. Город жил, боролся, не собирався сдаваться врагу.

* * *

Трудно описать, какими счастливыми были для меня минуты возвращения в родную часть и встречи со старыми боевыми товарищами! Особенно когда узнала, что многие дорогие мне люди, с которыми сроднилась в бою, живы и невредимы.

Проходя по глубокому ходу сообщения к передовой, я буквально наткнулась на Зайцева, того самого Андрея Зайцева, что вместе с Самусевым проверял посты, когда меня контузило под Одессой. Я не сразу узнала его. Он двигался пригнувшись, и я видела только каску да петлички младшего сержанта.

Мы едва не разминулись. Просто из любопытства покосилась я на яркие новенькие самодельные треугольники в петличках. Вижу — зайцевское курносое лицо. А он — никакого внимания, словно мимо проходит боец, с которым пять минут назад разговаривал в землянке.

«Ну погоди... — подумала я. — Сейчас я тебя напугаю!»

Стала по стойке «смирно», руку к ушанке — и вдруг забыла от волнения, как нужно обратиться по форме.

— Привет вам, — говорю, — товарищ младший сержант!

Зайцев прямо-таки присел от неожиданности.

— Ох, Зоя, — сказал он, помотав головой. — Разорвись немецкий снаряд — не дрогнул бы, а тут будто кто по поджилкам ударил. [31]

— Это у тебя после повышения в звании такая нервозность появилась? Теперь ведь не только за себя, за все отделение отвечаешь.

— Нет, товарищ Медведева, совсем не потому. Совпадение получилось. Вчера только отправил матери письмо, а в нем оправдывался за вас.

— За меня?

— Представьте, за вас.

— Ну это вы, товарищ младший сержант, бросьте! В чем и перед кем я виновата?

— Да не вы, а я.

— Час от часу не легче!

— Перед собственной родительницей оправдывался.

— За что же, в конце концов?

— Родительница моя — человек старых взглядов. Женщина религиозная. И написала она мне, мол, вроде как от пули и снаряда я заговоренный, потому что есть рядом ангел-хранитель, которому она поручила смотреть за мной.

— Кто же этот «ангел»?

— Вы, Зоя.

— А прошел ли у вас, товарищ младший сержант, синяк от удара дверью в самусевской землянке? — ехидно спросила я, вспомнив, как Зайцев хотел мне посоветовать остаться при штабе под его опекой.

— Вот я родительнице и объяснил...

— Про синяк?

— Да нет! Про то, что не уберегли мы ангела-хранителя. Тяжело был он контужен в первом бою. Оклемается или нет, нам даже неизвестно. И религия, мол, мамаша, тут ни при чем. Встречусь ли я с той, кому ты, мама, поручила меня охранять, еще неизвестно, потому что находится Зоя в тыловом госпитале.

— Ну и что?

— И вдруг — ты!

— Ладно, Зайцев, если бы, как раньше, мы были в равных званиях, сказала бы я тебе...

— Не-не, — заморгал Зайцев. — Теперь нельзя! И раз уж я командир, то не допущу, чтобы бойцы моего отделения и всей роты в целом испытали нервное потрясение. Вроде меня. От неожиданной встречи с тобой.

— Да полно шутить! [32]

— Я и не шучу. Ребята помнят тебя... Пойду предупрежу. А ты, товарищ Медведева, следуй за мной.

Далеко не всех мне довелось повидать: война есть война... Но какое-то время мы по-детски радовались встрече. Ведь мы были

тогда совсем молодыми...

А Максимыч, чапаевец-ветеран, обнял меня и троекратно поцеловал.

— Будто с внучкой своей, тоже Зоей, увиделся, — сказал старик растроганно.

Самусев после официального представления хлопнул меня по плечу:

— Испугался же я тогда за вас, Медведева! Да вижу, обошлось.

— Обошлось, товарищ лейтенант. Еще крепче стала.

— Везет тебе, Медведева!

— Везет.

— Я не про то. Снова к горячему делу подоспела. Предупредили нас, что фашисты готовятся к штурму. И назначен он на завтра. Будешь помогать Ивановой.

— Но меня оставили при КП полка...

— Ничего. Потребуется Ивановой твоя помощь — придешь.

Прикорнув у мирно потрескивавшей печурки, я вспоминала, как перед началом жестоких боев меня принимали в комсомол. Было это в землянке комендантского взвода. У столика, покрытого красной скатертью, комсорг полка политрук Сергеев вручал нам комсомольские билеты и крепко жал руку. А мы в ответ клялись не щадить жизни, отстаивая родной Севастополь-

* * *

Страшным было следующее утро.

После нескольких часов непрерывной бомбежки, артиллерийского и минометного обстрела снега на передовой словно и не бывало — земля стала черной.

Как только приутихли орудия фашистов, бойцы вышли из укрытий.

— Молодцы! — крикнул им Зайцев, который находился в траншее. — Сами догадались — пора...

— Догадаться нетрудно! — откликнулся Василий Титов. — Сидя в доте, команду «К бою» прослушаешь.

С этим коренастым, крепко сбитым бойцом я познакомилась [33] только вчера. Товарищи рассказали, что несколько дней назад он особенно отличился в рукопашной схватке. Расщепив о вражескую каску приклад, Титов дрался с гитлеровцами кулаками, пока не добыл себе трофейное оружие...

Фашисты пошли на штурм.

Чапаевцы встретили их ружейно-пулеметным огнем еще на дальних подступах. Уж коли штурм, то подпускать врага особенно близко нельзя. Не так много защитников в городе, и чем меньше немцев приблизится к нашим траншеям, тем лучше.

Одна серо-зеленая волна сменяла другую. Гитлеровцы подбирались короткими перебежками — от воронки к воронке, от куста к кусту, от дерева к дереву — и палили длинными очередями из автоматов. Не иначе как любой ценой решили овладеть рубежом.

Оглушенные, осатаневшие от тысячи разрывов, бойцы роты Самусева вели непрерывный огонь из своих чудом уцелевших пулеметов. Падали и падали враги, а на смену им шли все новые фашистские солдаты.

Немцы были метрах в тридцати, когда чапаевцы пустили в ход гранаты. Но, подгоняемые визгом офицеров, серо-зеленые фигуры продолжали метр за метром продвигаться к нашим траншеям.

Перевязывая раненого, я не слышала за стрельбой и частыми разрывами гранат, как Самусев повел бойцов в рукопашную.

— Ура! — прокатилось по траншеям.

Наши пулеметы смолкли.

Я видела — рядом с Самусевым бежал Титов. Он определенно заметил долгоязого офицера, который стрелял из-за ствола ближайшего дерева. Титов кинулся на него. Верно, хотел взять живым. Оба упали. То наверху оказывался Титов, то фашист. Потом гитлеровец, изловчившись, ударил Титова парабеллумом по голове. Видимо, у офицера кончились патроны. Наш богатырь разжал руки. Офицер выхватил кортик. Но на выручку товарищу подоспел разведчик Василий Кожевников. Он выбил из руки офицера кортик и заколол фашиста.

Встряхнув Титова, Кожевников убедился, что тот жив, и побежал догонять товарищей, которые преследовали откатившихся гитлеровцев. [34]

Приметив двух удиравших немцев, за ними бросился Самусев. Но в пистолете командира роты не осталось ни одного патрона. Он нагнулся, чтобы выхватить автомат из рук раненого гитлеровца. Однако тот успел выпустить в ноги Самусеву короткую очередь.

Два гитлеровца, которых преследовал командир роты, обернулись, побежали обратно, схватили Самусева за руки, поволокли к своим траншеям. Тогда за фашистами, тащившими лейтенанта, кинулся Кожевников. Заметив преследователя, немцы бросили Самусева. Теперь им стало не до него. С кортиком в руке Кожевников догнал удиравших и успел заколоть одного. Бросился на второго, сцепился с ним, но и сам не поднялся с земли...

Штурм фашистов был отбит и на участке нашей роты. Оставив на поле убитых и раненых, немцы в тот день не решились наступать еще раз.

Короток декабрьский день. Быстро сгустились сумерки. Спеша засветло добраться до аэродромов, подвывая прошли над нашими головами вражеские самолеты, отбомбившиеся над Севастополем.

В наших траншеях было тихо. Оставшиеся в живых сидели на корточках, жадно затягиваясь самокрутками.

Разговаривать не хотелось. Слишком тяжелый был день. Максимыч, стоя у амбразуры, мрачно глядел на поле боя, словно считал убитых гитлеровцев.

Молоденький боец из пополнения, решив, видимо, что его окопчик недостаточно глубок, принялся звонко бить по известняку саперной лопаткой. Не успели ему сказать, чтоб бросил это занятие, как фашисты открыли минометный огонь.

Стало совсем темно, но на правом фланге то и дело стучал пулемет Зайцева. Там фашисты никак не хотели уgomониться.

Я все еще перевязывала раненых, когда подошел Максимыч и сказал, что пойдет посмотреть, как дела на левом фланге. Больно уж там тихо...

На левом фланге находились у ручного пулемета два молоденьких голубоглазых паренька.

Добравшись до их окопчика, Максимыч увидел перед траншеями много вражеских трупов. Тут же, у покоруженного взрывом пулемета, лежали и оба паренька. [35]

Максимыч оттащил тела пулеметчиков в окоп, положил туда же пулемет, накрыл убитых окровавленной шинелью.

Убедившись, что поблизости не видно немцев, старый солдат отправился проведать бойцов в следующих траншеях...

Маша Иванова в тот момент перевязывала раненых перед нашими позициями. Она услышала одинокий выстрел, который мог сделать только вражеский снайпер. Иванова приподнялась, осмотрелась: по кому бил снайпер? И увидела в нескольких метрах от себя Максимыча. Он словно наткнулся на стену, дернулся, выпустил из рук автомат, сделал шаг по брустверу и упал.

Иванова кинулась к старому чапаевцу, стащила его в траншею, осмотрела рану.

— Жаль, повоевал мало...

— Что ты, Максимыч!..

— Я-то знаю...

Иванова продолжала делать перевязку, хотя тоже знала, что рана Максимыча смертельна. Еще не закончилась перевязка, как он умер.

Много крови и много смертей видела на фронте санинструктор Маша Иванова, но Максимыч был для нее, как и

для всех нас, словно родной отец. Эта потеря потрясла девушку. Да не было времени предаваться печали.

Оставив тело Максимыча в траншее, Иванова поползла в темноту — ее помощи ждали другие раненные. Она еще в сумерках заметила, где они лежат, и теперь уверенно ползла по черному полю боя. Дальше других от наших позиций находились Самусев и Кожевников. Санинструктор в первую очередь направилась к ним. Перекатив лейтенанта, который был без сознания, на плащ-палатку, Иванова поползла было к своим траншеям, однако, услышав стон Кожевникова, решила захватить сразу обоих. Кожевников лежал на спине, широко раскинув руки. В правой он все еще сжимал кортик фашистского офицера.

— Кто это, Маша? — тихо спросил Самусев, пришедший в себя, очевидно, от боли, когда санинструктор перекладывала его на плащ-палатку.

— Кожевников. [36]

— Жив?!

— Жив!

— Тогда вот что. Тащи его первого. А мне на всякий случай оставь оружие, — сказал Самусев.

— Не могу, товарищ лейтенант.

Самусев сильным рывком, застонав, скатился с плащ-палатки.

— Что вы делаете?!

— Кабы не он, Маша, ты меня и такого бы не волокла. У Кожевникова раны посерьезней...

Последние слова Самусев произнес еле слышно. Нелегко дался ему рывок. Он снова впал в забытие.

Маша Иванова растерялась. Тащить обоих сразу она не могла. Выполнить приказ лейтенанта и оставить его, второй раз потерявшего сознание, вблизи вражеских позиций — тоже нельзя. Девушка с трудом вынула из руки Кожевникова кортик, стала перевязывать раны — плечо, бедро, голову. Как ни бережны были прикосновения санинструктора, Кожевников очнулся от боли.

Перевязав Кожевникова, Маша немного подтащила раненого к нашим траншеям. Потом поползла к Самусеву, подтащила его. Так и добралась с обоими до окопов.

Было уже за полночь, когда вернувшийся санитар передал Ивановой, что раненные, в том числе командир роты, благополучно доставлены в Инкерманские штольни, где размещается полковой госпиталь.

Мы обе с нетерпением ждали этого известия. Я помогала Маше подготовиться к завтрашней тяжелой работе.

Управившись с делами, Иванова вытащила из-за голенища узкий сверток, обернутый марлей, и быстро развернула его.

— Полюбуйся, Зоя! Этот кортик был в руках у Кожевникова.

— Сестрица, покажите! — взмолился лежавший поблизости Титов. — Ну да, тот самый! — возбужденно заговорил он, разглядывая кортик. — И синий камень в рукоятку вделан. По камню узнал: сверкнул перед глазами, когда я сцепился с фашистом. Едва не приколол он меня тогда. Хорошо, человек один вовремя подоспел, спас от неминуемой смерти... Теперь и фамилию [37] его узнал. Кожевников, значит. Ну спасибо, друг! В долгу перед тобой не останусь!

* * *

Наступил Новый год.

Немцы вели себя более или менее тихо. Действовали с обеих сторон главным образом саперы и снайперы.

В первых числах января нас собрали в просторной землянке разведчиков: хозяева ушли на выполнение боевого задания. Здесь были политруки рот, комсорги и агитаторы со всего полка.

С рассказом о славных традициях, сложившихся в части, носящей имя легендарного Чапая, выступил комиссар полка Григорий Иванович Цапенко. Горячо, взволнованно говорил комиссар. Каждое его слово западало в сердце и душу.

Долго не смолкали в землянке аплодисменты.

Самарский, стоявший рядом со мной, сказал негромко своему соседу — разведчику Николаю Сизову:

— Молодец комиссар! Я вроде все книжки о Чапаеве прочитал, а того, о чем говорил комиссар, там нету. Крепко запомнил я его слова. Будет что рассказать бойцам!

— Верно, — отозвался Сизов. — Только вот хватит ли у меня огонька, чтобы так рассказать своим ребятам?.. А слова я тоже крепко запомнил. Но не в одних словах дело. Надо сердце комиссарское иметь. А такое дано не каждому...

После этого собрания в землянках, дзотах и дотах появились скромные, в меру сил и находчивости оформленные боевые листки. В каждом обязательно был портрет Чапаева. Нашлись среди солдат художники. А отделения, где не оказалось умельцев, вырезали портреты из газет и журналов.

Кто-то из бойцов написал новые, чапаевские, слова на мотив очень популярной тогда песни «Раскинулось море широко». Не стану утверждать, что стихи были безупречны. Но они точно выражали чувства и мысли бойцов. Звучали они примерно так:

Раскинулось море широко

У крымских родных берегов.

Стоит Севастополь, как сокол,

С врагами сразиться готов. [38]

Надежно прикрыли наш город родной

*Моряк, пехотинец и летчик.
У мощной стены обороны стальной
Могилу находит налетчик.
Нам холод и зной не помеха в бою,
Мы свыклись с дождем и ветрами.
Чапаева дети не дрогнут в строю,
И будет победа за нами!
Смелее, друзья, на решительный бой,
Нас Родина-мать не забудет.
Навеки, Чапаев, мы вместе с тобой —
Простые советские люди...*

А однажды поздним вечером по приказу командования лучшие бойцы и командиры временно покинули передовую. Им была предоставлена высокая честь — просмотреть кинофильм «Чапаев», лента которого чудом уцелела и сохранилась в осажденном городе.

Киносеанс состоялся в Инкерманских штольнях.

День перед тем выдался трудный. Многие, кто по праву могли присутствовать на просмотре, пали в стычке с фашистами. Когда наконец на передовой наступило обычное вечернее затишье, бойцы-счастливчики с помощью товарищей особенно тщательно привели себя в порядок. Посещение кино было беспримерным фактом в нашей фронтовой жизни. И естественно, что представитель каждого отделения старался не ударить лицом в грязь.

Наконец, напутствуемые товарищами, бойцы отправились в «увольнительную». Дорога к штольням была известна: там находился госпиталь.

Трогательно и торжественно прошел вечер. До начала фильма то и дело слышались радостные восклицания. Ветераны обороны узнавали друг друга, шутили, что, мол, первый раз попали в госпиталь на собственных ногах и не за тем, чтобы подлечиться.

Застрекотал кинопроектор. На экране из простыней появились знакомые титры.

Мне показалось, что сам воздух в штольне был насыщен в те минуты лютой ненавистью к врагу, нарушившему нашу прекрасную жизнь.

Многое вспомнилось в первые минуты фильма... Это и создало в зрительном зале какую-то удивительную атмосферу. Бойцы, сидевшие с винтовками и автоматами, [39] стали как бы непосредственными участниками событий. Ведь всего несколько часов назад они так же бежали навстречу врагу, чтоб отбросить и смять его...

Я видела, как руки сильнее сжимали оружие, а взгляды становились строгими, будто прицеливающимися. Гул проходил по рядам. Напряжение достигло предела, когда на грозно молчавшие позиции чапаевцев двинулись под барабанный бой в «психическую» атаку каппелевцы.

В зале не было, пожалуй, бойца, который бы не пережил подобного наяву. Может, «психические» атаки немцев выглядели не так помпезно, как в кино, но гитлеровцы не прочь были попытаться припугнуть русского солдата «прусским презрением к смерти». Только на поверку выходило, что вся хваленая фашистская выдержка — от алкоголя и наркотических средств.

Мелькают последние кадры.

Легкий всплеск на воде — и вражеская пуля уносит из жизни Чапая...

Мчится красная кавалерия. Помощь подоспела! Трепещите, белые гады!

В приподнятом настроении возвращались бойцы на передовую. В тот вечер каждый еще и еще раз с гордостью чувствовал, что такое чапаевцы!

* * *

Прямо из Инкерманских штолен я отправилась в землянку разведчиков. Надо было дожидаться их возвращения. Помогая Маше Ивановой, я выполняла и обязанности санинструктора.

Разведчики ушли еще вечером. Группу повел Василий Кожевников, недавно возвратившийся из госпиталя.

Ждать мне пришлось недолго. В траншее послышался шум. Первым в землянку ввалился долговязый гитлеровец со связанными руками и с замотанной женским платком головой. Пугливо озираясь, он остановился у входа.

Потом ребята внесли на плащ-палатке раненого. Я сразу узнала его — это был снайпер Володя Заря. Но с разведчиками он не ходил. [40]

— Что случилось? — спросила я.

— Давай, сестренка, по порядку. Сначала дело, — басом сказал Кожевников.

Он снова выглядел здоровяком, словно и не было тяжелого ранения. Только когда я перевязала снайпера, Кожевников добавил:

— Мы с Сизовым наткнулись на него на обратном пути. Лежал в обнимку с мертвым фашистом.

...Едва наступали сумерки, Володя Заря обычно отправлялся на охоту. Он пробирался ползком на ничейную полосу и устраивался в заранее оборудованной засаде.

Ничейная полоса, где действовал Володя, представляла собой

голоое место с расщепленными пнями, с остатками скошенного орудийным и пулеметным огнем кустарника, с грудями камней и множеством разнокалиберных воронок, припорошенных снегом.

В тот день, когда случилась беда, снайпер благополучно миновал большую часть пути. Ему оставалось проползти буквально несколько метров до груды заснеженных камней возле трех тонких расщепленных пеньков, где находился «секрет». В сумерки, как известно, освещение быстро меняется и очертания предметов расплываются, теряют привычную форму. Володе тоже показалось, что груды камней, за которой он прятался много дней, стала вроде более пологой. Пригляделся внимательнее — все, как было, но за камнями что-то едва заметно шевельнулось.

«Померещилось», — решил Заря. И пополз дальше. Вот и засада — горка камней, а за ней аккуратный окопчик в неглубокой воронке от снаряда. Заря остановился, чтобы перевести дух перед последним рывком. В тот же миг из его окопчика вылетел гитлеровец с ножом.

Володя вскочил на ноги, вскинул снайперскую винтовку, нажал спусковой крючок. Выстрела не последовало — какой же снайпер пробирается к засаде с загнанным в ствол патроном?..

Разозлившись, Заря перехватил винтовку за ствол, замахнулся, но немец упредил его.

Падая, Володя ударился головой о камень. В глазах помутилось, но сознания не потерял. Может, потому, что очень четко видел над собой нож. Второго удара [41] гитлеровец нанести не смог. Снайпер разmozжил ему голову попавшим под руку камнем...

В ту же ночь мы отправили Зарю в медсанбат.

На другое утро разведчики только и успевали принимать гостей. То и дело отворялась дверь в землянку, заглядывали знакомые из других отделений и рот, чтобы справиться об успешном поиске, услышать с подробностями историю Володи Зари да и просто побыть с товарищами — день выдался тихий.

Зашел и Анатолий Самарский со своим неразлучным баяном. Ну а там, где Самарский, там и песня. Только начали «Землянку», появился комиссар полка Цапенко. Дневальный вскочил, собираясь скомандовать «Смирно», но комиссар подал знак, чтобы продолжали.

Однако допеть «Землянку» так и не пришлось.

— Пляшите, хлопцы! — закричал прямо с порога наш почтальон, которого ждали еще вчера.

Положив на стол толстую сумку, он, словно фокусник, доставал один конверт за другим:

— Радуйтесь! Пришли корабли с Большой земли! Писем на

весь батальон! И не только письма... — заговорщически подмигнул он.

Раздав письма, почтарь приблизился к комиссару и доверительно шепнул:

— И посылки пришли... разбирают в полковой землянке бойцы комендантского взвода. Как раз к празднику Красной Армии.

С наступлением сумерек в полковую землянку потянулись делегации батальонов — получать подарки с Большой земли. С группой наших ребят шел и герой дня — подтянутый, стройный Кожевников, командир разведчиков. Пожалуй, только в тот вечер я разглядела, что у него правильные черты лица и большие серые глаза.

— Вот, товарищ старший сержант, получите личный подарок, — сказал комиссар, вручая Кожевникову одну из посылок. — И не глядите на меня с удивлением. Я не ошибся. Теперь вы старший сержант. Вам присвоено внеочередное звание.

— Служу Советскому Союзу!

— Будьте всегда и во всем примером для подчиненных. [42]

Кожевников смутился. Слишком много радостных минут пришлось пережить за последние сутки. Поэтому ответил, волнуясь, несколько не по-уставному:

— Постараюсь, товарищ комиссар...

Вернувшись в свою землянку, Кожевников осторожно вскрыл сверток и разложил на столе содержимое: кусочек туалетного мыла, вышитый кисет с табаком, авторучку, теплые носки, флакончик одеколона, две плитки шоколада.

— Шоколад... Это уж ни к чему... — протянул он и с каким-то виноватым видом стал мять в руках опустевший полотняный мешочек. — Давайте, братцы, разделим на всех, — от души предложил он.

— Э-э, нет! — откликнулся Николай Сизов. — Приказ комиссара. Лично вам подарок. Мы ведь тоже не обижены. Подарки получил каждый. А вот вы, товарищ старший сержант, — Сизов с особым выражением произнес новое звание Кожевникова, — вы, товарищ старший сержант, вынули из посылочки не все...

— Как не все?..

— Позвольте...

Но Кожевников сам обследовал мешочек.

— И верно! Письмо...

— А как же! Разве можно без письма? — Сизов заглянул через плечо своего товарища и земляка. — «Самому храброму защитнику Севастополя». Вот оно что! А ведь и вправду по адресу

попало.

— По адресу, — согласились разведчики.

Кожевников вскрыл конверт и прочитал:

Дорогой боец, защитник города Севастополя! Поздравляю вас и ваших товарищей с 24-й годовщиной Красной Армии, желаю здоровья, счастья и новых боевых удач. Посылаю скромный подарок. И если выберется у вас свободная минута, напишите мне, пожалуйста, о своих фронтовых геройских делах.

Прочитал Кожевников эти строчки и задумался. Лицо его стало грустным.

— Товарищ старший сержант! — окликнул земляка Сизов. Он знал, о чем печалится командир: они были из одних краев, а в тех краях хозяйничали оккупанты. — Вот теперь и у вас есть кому писать, от кого ждать ответа. Молодец дивчина — вечное перо прислала, конверты, бумагу... [43]

В землянке разведчиков было тихо. Бойцы сидели у стола, наслаждаясь душистыми подарочными папиросами. Не сговариваясь, они освободили местечко, чтоб командир мог тут же приняться за ответ. Кожевников присел к столу, склонился над бумагой.

— А что про город написать? — заканчивая письмо, спросил старший сержант.

— Так и напишите, — отозвался за всех Сизов, — будем защищать город до последнего...

Любознательнейший Сизов и тут попытался заглянуть в письмо через плечо Кожевникова, но тот деликатно отстранил земляка. Так никто и не узнал, что написал Василий Кожевников девушке, приславшей подарок «самому храброму защитнику Севастополя». Известно стало лишь то, что письмо не было сдано почтальону. Его опустили на другой день прямо в ящик полевой почты, когда Сизов с Кожевниковым ходили в Инкерманские штолни — в госпиталь к Володе Заре.

* * *

Огромное помещение штолен было разделено простынями на «палаты».

Военврач 3 ранга Мария Андреевна Антонова, увидев Кожевникова и Сизова без халатов, нахмурилась, но ругать ребят не стала: наверное, не хотела беспокоить Зарю, который только уснул после тяжелой ночи, проведенной в бреду. Антонова поднялась навстречу разведчикам. Те остановились выжидаяще, протягивая свертки и кульки — подарки для Володи.

— Видно, вы те самые ребята, что спасли снайпера? — спросила Мария Андреевна.

— Они, они, — закивал Сизов. — Вот он — командир, а я,

стало быть, подчиненный. Мы и наткнулись на Володю. На Зарю, стало быть.

— Свидание, возможно, разрешу, но только к вечеру. И то при одном условии: если раненому будет лучше.

— Плохо ему? — спросил Кожевников.

— Заря потерял много крови. Но к Первомаю, думаю, будет здоров да еще, пожалуй, успеет увеличить свой снайперский счет.

— Вот, доктор, спасибо, — подлащиваясь, проговорил Сизов и нарочито громко вздохнул. [44]

— К чему эти вздохи! — строго сказала Антонова, правильно расценив маневр Сизова, бывшего на жалость. — Я уже и так сделала для вас исключение. А то и вечером не пушу.

— Так мы... — начал Сизов.

— По глазам вашего командира вижу, что увольнительная у обоих до вечера, — улыбнулась Антонова. — Вот и идите в ленинскую комнату, посмотрите газеты, журналы. Наступит время — позову.

Проводив разведчиков до хода, который вел в ленкомнату, военврач ушла. Дождавшись, когда она скроется, Сизов сказал:

— Вы вот молчите, товарищ старший сержант, а так красноречиво, что женщины сами обо всем догадываются...

— Эх, Сизов, Сизов... У меня от трескотни немецких пулеметов голова не болит, а побыл с вами — на части разламывается.

— Так я думаю, это на пользу делу.

— Головная боль, что ли?

— Да нет! Мои разговоры. А голова... Ее лучше всего лечить хорошей папиросой на свежем воздухе. И все же польза от моих разговоров тоже имеется! Не скажи я дежурной сестре, какой вы, товарищ старший сержант, герой — не пустили бы нас в госпиталь.

— Ох, Николай... Что-то ты «завыкался», земляк.

— Так я не в обиду.

Остановились у выхода из штолен, закурили.

Детский смех, раздавшийся рядом, был так неожидан, что разведчики вздрогнули. Из-за поворота выскочила стайка мальчишек и девчонок в пионерских галстуках. Принялись играть в самые обыкновенные салочки. Когда курносый мальчуган спрятался от преследователей за спину Сизова, разведчик не выдержал:

— Небось в госпитале за ранеными ухаживаете, а шумите, как маленькие... Разве так можно?

— Да мы учимся тут, дядя! И школа наша тоже в штольнях. Сейчас перемена. А вы кто?

— Мы с передовой, — важно сказал Сизов.

— И не знаете, что мы здесь учимся? Мы еще сколько подарков вам послали! Может, не получили? [45]

Игра прекратилась, ребята окружили бойцов.

— Фронт большой. Не в одну чапаевскую дивизию подарки отправляли, — резонно заметил Сизов.

— Мы как раз в чапаевскую!

— Именно в чапаевскую!

— Дивизия, ребята, большая...

— А наши подарки кто получил?

— Конечно, самые отважные солдаты, — сказал Кожевников.

— И вы их знаете?

— Точно, — авторитетно подтвердил Сизов. — Раз в чапаевскую посылали, то самые герои и получили. Такая уж наша дивизия.

— А мы вчера в госпитале были. Каждый день ходим, газеты и книжки читаем раненым... — бойко начала девочка с короткими косичками. И вдруг запнулась, растерянно заморгала. — Знаете, какого снайпера вчера привезли? Он с немцем врукопашную дрался. Тот нашего ножом, а наш его камнем убил.

— Снайпера этого разведчики спасли, — вступил в разговор вихрастый мальчишка. — А еще они живого фашиста украли. Эх, хоть бы глазком взглянуть на таких людей!

Сизов почувствовал, что Кожевников толкает его в спину: молчи, мол...

Послышался звонок. Детвора бросилась в штольни.

Кожевников долго глядел вслед убежавшим школьникам, потом тихо сказал Сизову:

— А ведь они настоящие герои.

Сизов согласно закивал, хотя считался завзятым спорщиком и имел на все случаи жизни свои, иногда весьма своеобразные, взгляды и суждения.

Друзья прошли в читальню, жадно набросились на журналы, которых не видели уже несколько месяцев, в охотку стогнали партию в шашки, вместе с выздоравливающими забили «козла».

Здесь и нашла их военврач Антонова.

— Идите. Ровно на две минуты.

Что можно сказать, о чем спросить за такой короткий срок? Николай Сизов с трудом запихал в тумбочку Зари, принесенные гостинцы — она была уже полна. Кожевников передал привет от товарищей, от командира полка Захарова, от комиссара Цапенко. [46]

Увидев своих спасителей, Заря оживился, но тут же сник — он был еще очень слаб. Доктор Антонова сразу выпроводила от

него посетителей.

* * *

Дни проходили за днями, а Кожевникову все не было письма. Весточки для старшего сержанта ждали все разведчики. Стоило появиться в землянке почтальону, как кто-нибудь из бойцов прежде всего шепотом справлялся, нет ли письма командиру.

Наконец ровно через три недели почтарь ввалился в землянку с торжественным и загадочным видом:

— Вам письмо, товарищ старший сержант! И плотное! Наверное, с фотографией.

В конверте действительно оказался снимок. Сизов протянул руку и взял фото из рук Кожевникова.

— А ведь красавица! Повезло вам, товарищ старший сержант!

Остальные разведчики дружно поддерживали Сизова: красавица, да и только! Землянка быстро опустела — пускай старший сержант спокойно прочитает письмо и напишет ответ! Последними вышли Николай Сизов с почтальоном. Он по секрету сообщил разведчику, что письмом для Кожевникова интересовался сам комиссар.

— Мели, Емеля! — буркнул Сизов и начал сворачивать толстенную козью ножку, явно не собираясь продолжать разговор с почтарем.

Только много времени спустя я узнала, что шутник и балагур Сизов на самом деле умел крепко хранить доверенную ему тайну. В тот день, когда в часть прислали подарки, комиссар Цапенко вместе с Сизовым специально подобрали для Кожевникова посылку, в которой было письмо.

Ну а что касается переписки... Это совсем другая история.

* * *

Настала короткая и дружная крымская весна.

Странно было видеть, как из покореженной взрывами земли, пропитанной пороховой гарью и вонью взрывчатки, вдруг выткнулись яркие травинки. А через несколько дней среди них вспыхнули белые и синие головки подснежников. [47]

Покрылись нежными зелеными листочками посеченные осколками деревья и кустарники.

Ожил и передний край. Бойцы, накрывшись с головой двумя шинелями, долбили зубилом камень, зарываясь все глубже в землю. Шинелями накрывались для того, чтобы противник не слышал ударов. Немцы очень чутко реагировали на всякое движение в наших траншеях — тотчас открывали минометный огонь.

Пехотинцы все как есть ходили с кровавыми мозолями на руках, со сбитыми пальцами. Но каждый солдат продолжал

вгрызаться в складки Мекензиевых гор. Трудились круглые сутки, посменно. Основные работы по оборудованию дотов и дзотов проводили ночью, а затем тщательно маскировали сделанное. И конечно, каждый день изучали материальную часть отечественного оружия, привыкали пользоваться трофейным. Благо разведчики порядком поднатащили его.

Фашисты тоже не дремали: укрепляли свои позиции.

А разведчики тем временем уходили в поиск, засекали места работ, передавали данные артиллеристам. Те в ключья разносили по ночам все сделанное гитлеровцами за день.

Фашисты тоже зорко следили за тем, что делалось у нас. Над нами часами висела немецкая «рама».

Обычным делом стали ежедневные артиллерийские и минометные налеты.

Враг сосредоточивал силы для нового удара.

* * *

В один из солнечных дней мы разостлали неподалеку от КП полка плащ-палатки, прикатали пулемет «максим» и занялись его изучением. Собрались разведчики, саперы, связисты, бойцы комендантского взвода. Занятие шло обычным чередом, солдаты отвечали бойко.

Неожиданно возле нас появилась известная всему Севастополю героиня обороны Одессы и декабрьских боев за черноморскую крепость — пулеметчица Нина Онилова.

Нина довольно часто заходила к нам в часть. Я была с ней хорошо знакома и не раз жаловалась, что хотя и удалось мне попасть из госпиталя на передовую, [48] но держат меня здесь скорее санинструктором, чем бойцом-пулеметчиком, ссылаясь на то, что в пулеметных ротах полный комплект.

Нина по-дружески успокаивала меня. Знаю, она не раз просила за меня начальство. Но все оставалось по-прежнему.

Чапаевцы радостно приветствовали Онилову.

— Нина, открой нам свои секреты, — попросил Василий Кожевников.

— Это какие же секреты? — с улыбкой отозвалась Онилова.

— Как тебе удастся сотней патронов сотню гитлеровцев убивать.

— Ишь хитрецы! Что же я тогда сама буду делать? Этак вы меня без работы оставите. А кто не работает, тот не ест!

— Не волнуйся, — успокоил кто-то, — вас всего двое. Ты да наша Медведева. Как-нибудь прокормим.

— Ну, если так... — Нина опустила к пулемету. Она разобрала и собрала «максим» так быстро, что бойцы только диву дались.

— Вот это класс... — слышались голоса.

— А главное, ребята, помните о сердце пулемета — о замке.

Онилова продемонстрировала такую скорость при разборке и сборке замка, что у нас захватило дух. Потом она рассказала, как выбирает ориентиры, чтобы вести точный прицельный огонь не только днем, но и ночью. Поинтересовалась, где находится запасной замок и запасные части к нему.

Нам пришлось краснеть за хозяина «максима» — командира пулеметного расчета из комендантского взвода.

— Нету запасного замка... И достать не могу... — развел руками боец.

— Вот те раз! — возмутилась Онилова. — Представь: ты в бою, ведешь огонь. Вдруг сломалось что-то. Разбирать замок, заменять часть, которая вышла из строя, некогда. Враги наседают. Что делать? Сам ты жив, патронов вдоволь, вода в кожухе есть, но пулемет молчит. А фашисты твоих товарищей убивают! Кто виноват? Ты! Плохой ты пулеметчик! И товарищ плохой! [49]

Хозяин «максима» растерянно молчал.

— Это больше чем непорядок, — заключила Онилова.

— Ничего, Нина, — сказал сидевший неподалеку боец, — придешь в другой раз — и замок и все винтики к нему достанем.

— Смотрите, ребята... Приду послезавтра.

— Все будет в порядке, — заверила я.

— Ну, ну, Зоя, посмотрю.

— Только скажи по совести: где ты сама достаешь запасные части к «максиму»? — спросила я.

— Ладно уж, — улыбнулась Онилова, — скажу. Про оружейников, что в Инкерманских штольнях, слышали? Коли у них не найдется, не поленитесь, сходите на завод...

— А что за завод такой, Нина?

— Была когда-то в Севастополе промартель «Молот». Ремонтировали в ней примуса и кастрюли. Теперь там оружейный завод. Золотые руки у мастеров. Что потребуется, все сделают. А тебе, Зоя, сама достану то, что нужно. Только переходи скорее в пулеметчики.

Мне оставалось лишь вздохнуть. Кто-кто, а Нина отлично знала мою мечту!

— Вот это дело! — воскликнул подошедший командир полка. — Я думал, Онилова хорошему моих пулеметчиков учит. А тут... Не ожидал!

— Хорошему она нас уже научила, товарищ полковник! — ответил Кожевников.

— Чему же это?

Кожевников доложил о занятии. Не умолчал и о конфузе с

запасными частями.

Николай Васильевич Захаров посуловел:

— С этим разберемся позднее... А хорошо ли бойцы знают пулемет?

— Жаль, не положено классного журнала, — ответила Онилова. — Всем бы поставила «отлично»!

— И ей тоже? — кивнул Захаров в мою сторону.

— Зою я не спрашивала. В следующий раз, товарищ полковник.

— Нет, дорогуша! Медведевой даже по ночам пулемет снится. Ты проэкзаменуй ее, а я послушаю. Тогда и решим, где ее место. [50]

— Разрешите выполнять? — спросила я.

— Приступайте.

Я ответила на все вопросы Ониловой. По просьбе полковника Захарова перечислила возможные причины задержек при стрельбе и способы их устранения. Волновалась, конечно, сильно. Отвечала — и все на Нину поглядывала: правильно ли говорю? По лицу ее видела — все в порядке.

— Добро, — сказал Захаров, хитро улыбаясь. — Теперь последний вопрос. Где у чапаевского пулемета находятся «щечки»?

Я потупилась. Догадаться, что имел в виду Захаров, было нетрудно: «щечек» у пулемета нет, есть боковые задвижки у стенок короба. «Щечками» назвал их Петька в кинокартине «Чапаев», обучая Анку пулеметному делу. Все это я сразу сообразила, а вот сказать вслух никак не могла, застеснялась.

— Нет такого вопроса в Уставе, товарищ полковник. Не могу на него ответить...

— Нет — так нет, — дружелюбно сказал Захаров. — Походишь пока с санитарной сумкой. А за принципиальность уважаю... Ну ладно. Ты сама-то, Нина, сможешь с завязанными глазами пулемет разобрать? — спросил он у Ониловой.

— Дома, в своем дзоте, за тридцать — сорок секунд управляюсь.

— У нас ты в гостях, даю на это минуту.

Онилова блестяще справилась с заданием. Потом Захаров предложил Кожевникову объявить перерыв.

Бойцы и командиры уселись на расстеленных плащ-палатках и с удовольствием закурили.

Закурила и Нина. Я косо посмотрела на нее.

— Не сердись, подружка, — подмигнула она. — Вот откроют союзники второй фронт — сразу брошу. Правду говорю.

— А если мы разобьем фашистов, не дождавшись открытия

второго фронта? Тогда как? — спросил Захаров.

— Тогда так... Выкурю напоследок две папиросы кряду. Одну от радости — завоевали Победу. Вторую — от тоски, что многие мои боевые друзья не дожили до того счастливого дня... [51]

С передовой слышались длинные очереди наших пулеметов. Захаров заторопился в свою землянку. К телефону. Собралась уходить и Нина. Я пошла проводить ее. Мы обнялись на прощание.

— Жди послезавтра! — уже издали крикнула Нина.

Я долго смотрела ей вслед. Как многие защитники Севастополя, я была влюблена в Нину — простую и веселую девушку, смелого и мужественного бойца. И еще втихомолку мечтала перевестись в часть, где служила Онилова, быть вторым номером в ее расчете...

В землянке комендантского взвода я застала полковника Захарова. Бойцы стояли навтыжку. Я тоже замерла у входа. Возле стола нервно переминался с ноги на ногу первый номер расчета, у которого не оказалось запасного замка к пулемету.

Осторожно приподнявшись на носки, я увидела на столе грязную тряпку, а на ней ржавые запчасти и... замок.

— Я знал, что они у вас есть.

— Стыдно было показать, товарищ полковник, — отвечал красный как рак боец. — Забыл я про них. Положил в нишу еще осенью — и забыл.

Ничего себе — объяснил! Ух, и разозлилась я на растяпу!

Мера наказания, по-моему, была справедливая. Первого номера расчета разжаловали и отослали в стрелковую роту.

* * *

Нина Онилова сдержала слово. Она пришла к нам через день. И первым делом спросила:

— Как с запчастями к пулемету?

— Вот, товарищ инспектор, и замок и запчасти, — отпартовал новый командир пулеметного расчета.

— Молодцы! Все в наилучшем виде. А это тебе, Зоя. От меня. Личный подарок. — Она передала мне обещанные замок и запчасти. — Теперь ты уже наполовину пулеметчик. — Потом вынула из нагрудного кармана несколько фиалок: — Это на счастье. А вот и еще обещанное — блокнот и общая тетрадь.

— Это зачем? — заинтересовались бойцы.

— Пусть записывает все, что видит. Я тоже дневник [52] завела. А когда победим, мы с Зоей расскажем людям о каждом из вас. И как из пулемета по врагам били, и как замки пулеметные с завязанными глазами собирали, и как на передовую просились, обивая пороги у начальства... Кстати, Зоя, пошли к командиру

полка. Может, он сегодня добрее окажется?

По пути я не удержалась и приоткрыла блокнот. На первом листке Нина аккуратными печатными буквами написала:

Не надо думать о смерти, тогда легко бороться. Надо обязательно понять, во имя чего ты жертвуешь своей молодой жизнью. Если для красивого подвига и славы — это плохо. Только тот подвиг красив, который совершается для Родины и народа. Думай всегда о том, что ты борешься за свою Родину, и тебе будет очень легко, подвиг и слава сами придут к тебе.

Захаров встретил нас с улыбкой:

— Ну, если через день такие делегации ходить будут, то лучше сразу отпустить Медведеву в пулеметную роту. Скоро Восьмое марта — будет ей к женскому дню подарок. И ты, Нина, обязательно приходи в праздник. Чаем угостим с вишневым вареньем. Да не из алюминиевой кружки, а из настоящей чашечки с блюдечком.

— Приду, товарищ полковник! — весело ответила Онилова. — Надо же Зою проведать...

Восьмого марта на передовой было спокойно. Но в полковой землянке послышался тревожный звонок. Дежурный снял трубку.

— Вчера вечером Нину тяжело ранило. Она скончалась в госпитале, — послышалось в трубке после обычного обмена пароллями.

— Ты о ком? — не понял дежурный.

— Онилову, говорю, вчера ранило. Скончалась...

— Нина! Мы ее ждем. И подарки уже приготовили...

— Мы тоже приготовили... Да вручить не пришлось... [53]

Я слышала этот разговор. Слышала — и не верила. Плакала — и не верила.

Но это была правда{1}.

* * *

В тот же день я сдала санитарную сумку вернувшейся из госпиталя медсестре и отправилась на передовую, в пулеметный взвод, которым командовал герой гражданской войны младший лейтенант Павел Андреевич Морозов.

Морозову перевалило уже за сорок, но выглядел он гораздо моложе благодаря исключительной подтянутости. Это был коренастый человек с полным добрым лицом, на котором светились большие серые глаза. Морозов не любил седины и постоянно брил голову.

Когда я представилась, Морозов внимательно оглядел меня. А уж я, зная требовательность командира, постаралась выглядеть образцово.

— Что ж, дочка, вижу, насовсем пришла.

— Насовсем.

Комиссар, оказавшийся по своим делам во взводе, спросил младшего лейтенанта:

— Может, не примете Медведеву? Так мы ее в другой взвод определим.

Взглянув очень серьезно на Цапенко; Морозов уверенно ответил:

— В другой она не пойдет. Мы, честно говоря, товарищ комиссар, давно договорились. Я Медведевой еще тогда пообещал поставить ее первым номером пулеметного расчета. А коли случится, что будет полный комплект, — сам, мол, вторым встану. Поздравляю, товарищ Медведева, с приходом! — И потцовски добавил: — Ты не волнуйся, дочка, никто тебя здесь не обидит.

Так сбылась моя мечта.

* * *

В дни относительного затишья бойцы взвода Морозова баклуши не били. Сам командир владел всеми [54] видами полкового оружия и требовал того же от своих подчиненных. Каждый морозовец мог быть ротным минометчиком, а в случае надобности — стать к противотанковой пушке любым номером расчета.

Помощником у Морозова был мой старый знакомый сержант Андрей Зайцев. Он уже не выглядел растерянным пареньком, каким я его помнила в день отправки на фронт. Это был знающий и очень требовательный командир. Под его руководством я и осваивала различные виды оружия.

Весна тем временем все прочнее вступала в свои права. Жарче грело израненную землю солнце. Воздух наполнялся запахом молодой зелени, которая буйно пошла в рост после обильных дождей.

Над головами у нас почти целыми днями висела «рама». В сторону израненного Севастополя летело все больше вражеских бомбардировщиков. Яростнее били зенитки, усеивая голубое небо мелкими облачками разрывов.

По приказу командира полка была усилена маскировка землянок, дотов, дзотов, а местами и траншей. Поверх них плотно укладывали тонкие стволы деревьев, а на этот навес прилаживали дернину. Маскировали даже тропинки-подходы, которые мог увидеть сверху фашистский наблюдатель. А в сторонке камушками выкладывали лозунги: «Смерть фашистским оккупантам!», «Умрем, но не отступим!»

Погода, хоть и баловала нас, была по-весеннему капризной. К вечеру небо нахмурилось. Сильный ветер принес грозу. На землю

упали крупные теплые капли.

Морозов отдыхал в блиндаже и проснулся, видимо приняв гром за артналет. Он быстро встал, взял плащ-палатку, пошел проверять посты.

Вернулся часа через два насквозь промокший: плащ-палатку отдал часовому. По лицу младшего лейтенанта нетрудно было догадаться, что все в порядке.

Свободные от нарядов бойцы, оставшиеся в доте, не спали.

Я долго стояла у амбразуры. Порывистый ветер задувал в нее дождевую пыль. Накрыв своей шинелью пулемет, я присела невдалеке от амбразуры. Тревожно было на сердце. Словно отсветы взрывов, врывались в незакрытую дверь дота вспышки молний, а после грома [55] еще долго слышалось, как осыпались где-то за стеной струйки сухой каменистой земли.

Усевшись на землю у выхода из дота, Морозов курил самокрутку и чуть слышно мурлыкал: «Ревела буря, дождь шумел...» Ему потихоньку подтягивал Анатолий Самарский.

Часовым у дота стоял молоденький боец, подносчик патронов Курбатов. Накрывшись плащ-палаткой, он до боли в глазах всматривался в ночь, которая после каждой вспышки молнии становилась все непрогляднее. От Курбатова начинался разминированный для разведчиков узкий проход — извилистая тропка, уходившая в глубь балки.

В момент одной из вспышек Курбатов увидел поднимавшихся по тропке людей. Сначала не поверил себе. Но когда снова сверкнула молния, молодой боец убедился, что из балки приближаются люди, и обрадовался: «Ну вот и наши возвращаются...»

Курбатов плотнее закутался в плащ-палатку. Когда подходившим оставалось до него несколько шагов, спросил для порядка:

— Стой! Пропуск!

Ответа не последовало.

— Стой! — Часовой щелкнул затвором, но не успел ни выстрелить, ни вскрикнуть: его оглушили.

У дота разорвались гранаты.

Младший лейтенант Морозов метнулся к амбразуре, мгновенно ощупью поставил ствол пулемета против колышка «ориентир два» и дал длинную очередь вдоль тропки. Потом другую. Прислушался, подождал немного и, держа наготове наган, двинулся к месту, где несколько минут назад находился часовой. Окликнул Курбатова. Молчание. Рядом тяжело дышали бойцы, поднятые по тревоге сержантом Зайцевым.

— Украли...

- Точно, утащили, гады...
- Жаль парня...
- Раззява!
- Своих же ждали...

Слушая реплики бойцов, Морозов молчал. Он думал о том же и, пожалуй, теми же словами. Но ЧП есть ЧП. Выставив новых часовых, младший лейтенант [56] возвратился в блиндаж, свернул новую толстую самокрутку.

Никто и не помышлял о сне. Гроза притихла. Под утро поднялся белый непроглядный туман.

Настроение у нас было препоганое.

Морозова вызвали в штаб. Пробыл там долго. Вернувшись, не прикоснулся к пище и только курил одну за другой толстенные самокрутки.

Следующая ночь была тихой. Деревья словно дремали, утомленные непогодой. После солнечного дня одуряюще пахло полынью.

Я должна была стоять часовым у разминированной тропки с десяти вечера до полуночи. Зайцев предварительно около часа инструктировал меня — и все же не выпустил одну, сам находился рядом. Впрочем, тут же был и Морозов (потом он признался, что ждал немецких разведчиков).

Близилась полночь, когда я заметила: вроде бы зашевелился «ориентир два» — куст шиповника на изгибе тропинки.

Подала знак командиру.

Все трое насторожились.

Из-за куста шиповника показались люди.

— Подними пулеметчиков! — приказал командир. — Сама оставайся в доте, у «максима».

— Я на посту, товарищ младший лейтенант...

— Выполняйте приказ!

Ночь была лунная, звездная. Через амбразуру я хорошо различала у тропы наших пулеметчиков во главе с Морозовым. Видела и людей, поднимавшихся из балки. Они уже преодолели половину подъема. У того, кто шел впереди, было словно две головы — одна, а над ней другая.

— Стой! Кто идет? — услышала я голос Морозова.

— Свои...

Прошло еще несколько томительных секунд. Я смотрела на людей, поднимавшихся по склону, сквозь прорезь прицела.

— Стой! — повторил Морозов. — Стрелять буду!

Шедший впереди ответил, тяжело дыша:

— Свои... Разведчики... Раненого несем...

— Свои, товарищ комвзвода... — слабым голосом подтвердил

Курбатов. — Меня вот на себе притащили... [57]

Морозов осторожно спустился на тропинку:

— Свои... Жив! Жив, Курбатов!

— Жив...

— Я знал, что ты их, иродов, перехитришь!

На тропку спустились пулеметчики, понесли в траншею раненного в обе ноги Курбатова.

Передав раненого на попечение санинструктора, Морозов спросил у командира разведчиков:

— Чего так задержались? Ну, будет вам нагоняй!

— Да вот «родственники» квартиру поменяли. Долго пришлось искать. — Разведчик кивнул на толстого гитлеровца без головного убора, с завязанными назад руками. На радостях мы его и не заметили.

— Видать, штабист, — сказал Морозов.

— Похоже... Полковник разберется. Да и вашего бойца спасли по дороге. Тоже серьезное дело...

Курбатов очнулся, когда похитившие его фашисты спускались в балку. Руки бойца были крепко связаны, рот забит кляпом. Из нашего дота ударила пулеметная очередь. Два немца, прикрывавших отход, свалились замертво, а те, кто шли впереди, бросили «языка» и кинулись за поворот, где начиналось мертвое пространство, недостижимое для пулемета.

Курбатов вскочил, метнулся в сторону, нечеловеческим усилием вытолкнул изо рта кляп. Но не пробежал в кустарнике и пятнадцати шагов, как попал в новую беду: разорвавшаяся неподалеку противопехотная мина ранила его в обе ноги. Боец притаился, сдерживая стоны. Немцы могли вернуться. Звать на помощь — значит привлечь к себе внимание, а Курбатов находился слишком далеко от своих.

Принялся освобождать от веревок руки. Это ему удалось. Но, чтобы ползти к своим, уже не было сил. Ослабев от потери крови, Курбатов впал в забытие.

Утром очнулся, огляделся, увидел вокруг земляные бугорки — присыпанные землей немецкие противопехотные мины. Приметил глубокую воронку от авиабомбы. Воронка до половины заполнена дождевой водой. Но делать нечего. Спустился в нее и пролежал в этой «ванне» весь день, выставив над водой только голову.

С наступлением сумерек Курбатов по заранее намеченному маршруту снова подобрался к тропке. [58]

Здесь-то и нашли его возвращавшиеся из вражеского тыла разведчики...

Случилось это перед самым Первوماем, и мы были

счастливы, что в нашем пулеметном взводе все обошлось без ЧП.

На следующий день в роте состоялось предпраздничное партийное собрание, главным вопросом которого был прием новых членов в ряды Коммунистической партии. В тот день стал коммунистом и сержант Андрей Зайцев.

Тридцатого апреля сразу после раздачи праздничных подарков на нас обрушился страшный артиллерийский налет. Несмотря на это, все бойцы и командиры на следующее утро подшили к гимнастеркам чистые подворотнички, до блеска надраили самодельным сапожным кремом сапоги и ботинки.

Даже в той трудной обстановке мы торжественно встречали свой праздник.

Самым радостным, пожалуй, был Первомай у Федора Ткаченко — политрука стрелковой роты Самусева. К политруку с Большой земли приехала жена. Оля Ткаченко рвалась на фронт с первых дней войны, но у нее был грудной ребенок. Теперь, когда сынишка немного подрос, молодая женщина оставила его с бабушкой и приехала санинструктором в осажденный Севастополь.

Сделать это было непросто. Даже командир батальона вначале весьма скептически отнесся к желанию Оли Ткаченко служить рядом с мужем:

— Есть другие роты. А иметь на передовой жен никому не положено...

— Нам бы с Федором хоть в один батальон...

— Ладно, — смиростивился комбат. — Доложу командиру полка майору Антипину{2}. Надеюсь, не откажет.

Антипин не отказал.

Так и стали служить в нашем батальоне супруги Ткаченко. [59]

...В один из дней в штаб полка приехали командир дивизии генерал-майор Трофим Калинович Коломиец и начальник штаба полковник Парфентий Григорьевич Неустроев.

Тепло поздоровавшись с Антипиным и Шестопаловым, генерал тут же стал осматривать недавно вырытую, пахнущую свежеструганными бревнами землянку. А майор Шестопалов начал быстро раскладывать на столе карту, где жирным красным карандашом была обведена выровненная на днях линия обороны роты лейтенанта Самусева.

— Ты не старайся с картой. Сейчас не время. В натуре все хочу посмотреть вместе с новым командиром полка, — сказал генерал и направился к выходу.

— Позвони во второй батальон, — тихо сказал Антипин Шестопалову, беря полевую сумку.

— Не буду, — так же тихо ответил Шестопалов, поглядев на неплотно прикрытую дверь. — Не любит генерал, чтобы о его приходе предупреждали заранее. Хорошо еще, что заглянул сперва к нам. А то обычно идет прямо в роты. Он прекрасно знает в натуре оборону полка. Да и не только это... Многих командиров и солдат тоже знает.

* * *

— Вот и снова мы с вами встретились, — сказал генерал, протягивая руку Морозову. — А вы все такой же — и зимой и летом с бритой головой. Седину свою стесняетесь молодым показывать, что ли? Ну а здоровье как?

— Благодарю. На здоровье пока не жалуюсь.

— А письма? Часто пишет старуха?

— Всякое бывает, товарищ генерал, — когда зачистит, а когда и подолгу отмалчивается.

— И вы здесь, товарищ Зайцев? Зачем прячетесь за спину своего командира? Воюете неплохо, а генерала боитесь?

— Да я не боюсь, — еще больше смутился Зайцев.

— Дот у вас неплохой и на новом месте, — продолжал генерал уже серьезно, — а вот подходы к нему ни к черту. Траншея местами до колен. В землю, в землю глубже забираться надо, пока не поздно. [60]

— Где же ее взять, землю-то? Кругом камень да камень.

— Вот и вгрызайтесь в него.

— Вгрызаться-то можно, — сказал Морозов, — так ведь фашист на каждый звук десятков мин кладет... Рады бы мы, со всей душой, да не можем развернуться — уж очень близко соседи проклятые.

Генерал помолчал, потом вполголоса произнес:

— Знаю, чем вы недовольны. Засиделись без дела, правда? Ну спрашивайте, не стесняйтесь.

— Отчего же стесняться, мы вас еще по одесским боям знаем, — ответил за всех Зайцев. — А вопрос будет один — скоро ли в бой?

— Всему свое время. Погуляйте немного, отдохните малость. Ждать осталось недолго. Совсем недолго, — уходя, повторил генерал.

Наш комдив не скакал, как Чапаев, на лихом коне, не носил он и красивых усов, а все же те, кто видел Чапаева, говорили, что генерал чем-то напоминает его. Была в нем большая человеческая простота и душевность, умение подойти к каждому солдату, найти сердечное слово, шутку, а если надо, то по-отцовски пожурить. Солдаты отвечали ему не только уважением, но и любовью.

Обойдя несколько землянок и дотов, командир дивизии вернулся в штаб полка.

— Вот теперь, Борис Анисимович, расстилай карту, — сказал он Шестопалову. — Посмотрим, где занимает оборону первый батальон. — Генерал склонился над картой и после паузы продолжал: — Выравнивать оборону не будем. Нужно по возможности углубить траншеи между первой и второй ротой, сделать потолще земляной вал на всех землянках и перекрытиях на траншеях. А дот, который выстроили неделю назад на стыке с третьей ротой, развалится от первой взрывной волны. Не жалеете вы пулеметчиков.

— Я уже отдал приказ, товарищ генерал, бревна заготавливаются, — ответил майор Антипин.

— Да смотрите, чтобы балку хорошо пристреляли ваши минометчики! Думаю, противник будет накапливаться в ней для атаки. Ну, а коли бревна уже заготавливают, тогда у меня все. Может, ты что добавишь? — повернулся он к Неустроеву. [61]

— Только одно: хорошо бы добыть «языка», да посолідней.

...В ту же ночь три разведчика во главе со старшим сержантом Кожевниковым покинули дот и направились по узкой тропке, разминированной саперами, к переднему краю противника. Дорога была очень трудной. Прожектор, установленный гитлеровцами на высоком обрыве, каждые пять минут освещал заросшее кустарником дно балки. На смену гаснувшему лучу одна за другой взмывали в темное небо ракеты. Через каждые два-три шага приходилось камнем падать на землю. И все же ребята вплотную подобралась к позициям неприятеля.

— Товарищ майор, ваше приказание выполнено, — докладывал на рассвете Кожевников командиру полка. — «Язык», правда, не очень солидный. Так себе, ефрейтор-артиллерист... Зато мы с ребятами увидели у «соседей» кое-что интересное... — И рассказал про новые огневые точки, про свежевырытые траншеи, про гитлеровские окопы, паутиной разбросанные перед рубежами чапаевцев.

Данные разведки и показания «языка» еще раз подтвердили: противник готовится к новому штурму.

* * *

Тревожнее и тревожнее становилось с каждым днем на переднем крае.

Во второй половине мая состоялось делегатское собрание личного состава нашей дивизии и действовавших с нами прославленных моряков-артиллеристов из дивизиона майора В. А. Одынца. В президиуме рядом с боевыми командирами генерал-майором Коломийцем, полковым комиссаром Расниковым,

начальником политотдела дивизии Финком сидели наши товарищи, герои переднего края.

Здесь, в небольшом прифронтовом лесочке, мы услышали, что советские войска оставили Керчь и что гитлеровцы усиленно перебрасывают к Севастополю живую силу и технику, сосредоточивая их в районе Мекензиевых гор, перед рубежами нашей, чапаевской дивизии. Заканчивая свое выступление, полковой комиссар Расников от имени Военного совета Приморской армии и командования нашей дивизии призвал бойцов [62] и командиров по-чапаевски отстаивать родной Севастополь.

Один за другим поднимались представители частей и подразделений. Они заверили командование, что будут биться насмерть, защищая подступы к Севастополю. Среди выступавших был и командир нашего пулеметного взвода Павел Морозов.

Подойдя к столу президиума, Морозов нагнулся, взял горсть земли и, показав ее собравшимся как неоценимое сокровище, сказал:

— Эту землю мы отстояли от интервентов в гражданскую войну. За эту же землю мы, старые солдаты, а с нами наши сыновья и дочери, будем драться до последней капли крови.

Выступавшие были скупы на слова, да и не требовалось в те минуты пространных речей. Каждый из нас мысленно поклялся с честью выполнить свой солдатский долг перед Родиной.

* * *

С раннего утра до наступления сумерек надоедливо висела в небе немецкая «рама». Не забывали передовую и отбомбившиеся над Севастополем фашистские бомбардировщики. Возвращаясь на базы, они на бреющем полете, чуть не задевая верхушки деревьев, пролетали вдоль ходов сообщения, поливая их из пулеметов, сбрасывая листовки, которые злили нас больше, чем пули (самые заядлые курильщики брезговали употреблять эти листовки на курево).

Чаще, чем прежде, уходили в поиск полковые разведчики. По ночам то и дело завязывалась разведка боем, чтобы вызвать реакцию тщательно замаскированных огневых точек противника. Нашим ребятам удалось обнаружить и уничтожить противотанковыми гранатами несколько пулеметных гнезд врага, запрятанных в скалах и под каменными навесами и потому недоступных для артиллерии.

Тревожные вести приносили разведчики из немецкого тыла. Гитлеровцы все плотнее насыщали свою передовую артиллерией, все больше скапливалось вокруг нас танков и самоходок.

Наступало время новых жестоких боев.

На руках защитников Севастополя снова появились [63] кровавые мозоли. С великим трудом отвоевывали мы у каменистой почвы сантиметр за сантиметром, чтобы углубить траншеи. Рубили деревья и ветви, которыми маскировали землянки и доты. Выдалбливали новые запасные окопы. Стояла жара. Не хватало воды.

И вот началось.

Вскочив в дот, Морозов отдышался и, почесывая свой бритый затылок, сказал:

— Похоже, всерьез...

Артподготовка была очень жестокой. Отдельных взрывов мы не слышали. Над передовой стоял сплошной оглушительный грохот. Дот покачивало из стороны в сторону. Крупнокалиберные снаряды дважды рвались так близко, что пулемет сбрасывало на пол. Казалось, сама земля бьется в лихорадочном ознобе. В доте стало невыносимо душно от жары, пыли, пороховой гари.

Оглушенная, безразличная к новым, еще более сильным разрывам, я стояла у амбразуры. Артналет мог закончиться неожиданно. Фашисты, прикрываясь своим огнем, имели возможность заранее подойти поближе к нашей обороне. Но я ничего не видела, кроме огня, черного дыма и вздыбленной земли.

— Смотрите у меня, — услышала над ухом голос Морозова, — чтоб все было в порядке! Чтоб ни одна сволочь к доту не подобралась! Я в другие расчеты наведуясь.

Мне захотелось остановить Морозова. Но он быстро вышел.

«Действительно, — подумала я, — ведь кроме нашего дота есть еще дзоты. А там гораздо опаснее!»

Словно угадав мои мысли, крикнул Самарский:

— Не волнуйся, справимся!

Я кивнула.

Нас навестила Оля Ткаченко. Спросила, нет ли раненых.

— Все здоровы, — бодро ответил Самарский.

Не удержавшись, я поинтересовалась, много ли у нас раненых.

Оля только рукой махнула. Первый раз попала она под такой обстрел. А держалась молодцом.

В дот заглянул Федор Ткаченко. [64]

— Чего ходишь? Обещал же не рисковать! — сердито сказала Оля мужу.

— Ты тоже обещала, — добродушно отозвался политрук.

— Меня раненые ждут.

— А меня здоровые. Это поважнее!

Они улыбнулись друг другу и пошли каждый по своему делу...

Час спустя артиллерийско-минометная подготовка начала заметно стихать. Сквозь разреженный грохот стали отчетливо слышаться разрывы тяжелых дальнобойных снарядов. Потом появились как бы просветы в общем гуле.

Наконец разорвались последние снаряды и мины.

Но тишины не ощущалось. Голова гудела и трещала, в ушах стоял звон, и когда я попыталась подняться, шагнуть, то все вокруг поплыло и закачалось.

В знойном воздухе, насыщенном пороховой гарью, медленно оседала густая пыль.:

Стало хорошо видно солнце.

Потом голубое небо.

Осунувшийся и потому казавшийся еще старше Морозов в который уже раз заскочил в дот. Тряхнув пустой фляжкой, он вытер пот со лба, сжал в руках автомат, высунулся на поверхность и стал оглядывать подступы к рубежу. От деревьев остались только расщепленные, обугленные пни. Трава сгорела. Еще дымились воронки. Никакой маскировки на позициях не сохранилось.

Вражеской пехоты пока не было. Землю постепенно окутывала плотная тишина. Но это продолжалось недолго.

В небе послышался далекий гул. Летели самолеты.

— Только вас, проклятых, и не хватало, — пробурчал Морозов и стал торопливо свертывать самокрутку, чтобы успеть покурить до бомбежки. Увидев вышедшего из укрытия бойца Курбатова, младший лейтенант хрипло крикнул:

— Воздух!

— Воздух! Воздух! — словно подхватили наблюдатели.

Задрав голову с зажатой в зубах самокруткой, Морозов некоторое время смотрел на стремительно приближавшиеся [65] черные точки, постепенно превращавшиеся в черточки. Потом стал вслух считать самолеты. Досчитав до шестидесяти, вынул

изо рта погасшую сигарку, сплюнул:

— Не все ли равно — сколько их? Знали, что прилетят. Знали, что будем по ним стрелять и прятаться от осколков. А от прямого попадания бомбы на передовой укрытия нет. Это тоже давно известно.

Открыли огонь чудом уцелевшие зенитки.

Но «юнкерсы» пролетели высоко.

— Ну вот, пронесло... — облегченно вздохнул Курбатов, обернувшись к стоявшей рядом Оле Ткаченко.

— Ты обрадовался? — Оля со злостью посмотрела в глаза Курбатову и, кивнув в сторону города, спросила: — А там что будет?

Курбатов не ответил.

— Воздух! Воздух! — снова закричали наблюдатели.

Самолеты приближались со стороны солнца, и их трудно было увидеть или сосчитать.

Около полусотни «юнкерсов» закрутили в вышине «чертово колесо», чтобы не мешать друг другу при бомбометании. Потом один за другим стали входить в пике.

Мне показалось, что от бомбовых ударов взвыла в страхе сама земля. Нервно мигая, закрывались глаза, съеживалось, непроизвольно прижимаясь к камням, дрожащее тело.

С неба рушилась на землю грохочущая смерть.

В этом аду надо было найти в себе силы, чтобы выйти в открытый окоп и стрелять по врагу.

И люди вышли.

— Два самолета! — закричал Курбатов, хватая за плечи Морозова. — Прямо на нас! Два самолета!

Младший лейтенант склонился над противотанковым ружьем, готовя его к бою.

— Чего кричишь? — невозмутимо ответил он. — Думаешь, ничего не вижу? Становись-ка лучше, сынок, за пулемет. Опережение на три — три с половиной корпуса.

Бомбы долбанули землю рядом с траншеей.

Отложив в сторону набитые патронами магазины трофейного пулемета, Курбатов заставил себя встать. Подошел к нише, вытащил оттуда полузасыпанный пулемет, [66] продул ствол, обтер его чистой тряпичей и изготовился к стрельбе, поставив «ручник» прямо на бруствер. Укрыться было негде. Фашистские летчики отлично просматривали наш передний край. Первая, отбомбившаяся волна «юнкерсов» поливала траншеи из пулеметов. Мы отвечали с земли ружейно-автоматным огнем.

Когда один самолет выходил из пике, Морозову удалось всадить бронебойную пулю прямо в брюхо бомбардировщику.

«Юнкерс» закачался, как подстреленная птица, попытался, видимо, набрать высоту — и рухнул за своими траншеями.

Мы кричали и смеялись от радости. Но новый налет заставил всех заняться делом. Морозов снова прицелился. Однако стрелять ему не пришлось. Второй самолет со свастикой, уже объятый пламенем, камнем падал к земле.

Третий «юнкерс», подбитый ребятами из нашего взвода, после падения благополучно взорвался на собственных бомбах.

Как ни жесток был налет, но кончился и он. Мы готовились встретить гитлеровскую пехоту.

— Ну, рассказывайте, кто сбил самолет? — спросил политрук Федор Ткаченко, остановившись возле пожилого бойца, который медленно сворачивал тоненькую самокрутку.

— А как это узнаешь, товарищ политрук? Может, я сбил, а может, он, — кивнул боец на Курбатова. — Пулю-то свою, когда выстрелишь, в небе не видишь. Куда она попала — в белый свет как в копеечку али в самолет? Мы все до единого стреляли. Одного сбил младший лейтенант Морозов. Это точно. А насчет других... Нет, не знаю.

— Значит, и к награде представлять некого?

— Это почему же? — боец удивленно поглядел на политрука. — Как некого? А полковника Николая Васильевича Захарова, который недавно нами командовал? Он нас такими сделал. Ему и честь!

— Идут!..

— Пошли!

Я приникла к амбразуре.

Гитлеровцы двинулись в атаку. [67]

Сначала они приближались короткими перебежками.

Мы молчали.

Фашисты осмелели.

Я смотрела на изуродованный воронками клочок земли перед дотом. Смотрела — и не узнавала его, и не могла отыскать глазами ни единого чуть приметного бугорка земли, ни одной мины, на которые мы тоже немного надеялись. Тогда я поняла, почему вместе с разрывом вражеского снаряда часто слышался как бы второй взрыв: мины срабатывали от детонации. Все пространство перед нашим рубежом оказалось разминированным.

Всматриваясь в прорезь прицела, я видела поспешно поднимавшиеся по склону цепи солдат в серо-зеленых мундирах. И в каждом фашисте чудился мне убийца Нины Ониловой.

Не слыша с нашей стороны ни единого выстрела, не потеряв до половины пути ни одного солдата, гитлеровцы осмелели, двинулись на рубеж во весь рост.

Ладони у меня стали мокрыми от волнения.

— Ну... Чего медлишь? — зашептал мой второй номер, Самарский.

— Подождем... Минутку...

— Хватит и полминутки!

— Хватит...

— Гранатами забросают! — забеспокоился Самарский. —
Смотри, как бы не было поздно!

С левого фланга открыли ружейно-автоматный огонь. Немцы откатились вправо, ближе к нашему доту, пошли кучнее. И тогда я подняла предохранитель и нажала на спусковой рычаг. «Максим» выпустил длиннущую очередь. Потом я стала стрелять короткими очередями. Видела, что не мажу, что пули находят цель.

Поредевшая цепь отхлынула.

За ней пошла вторая. Однако мы вынудили отойти и ее.

И вдруг совсем рядом, в мертвом пространстве, я увидела двух гитлеровцев с гранатами — они подползали к доту.

— Толя! — успела крикнуть Самарскому. Но он и сам уже заметил грозившую нам смертельную опасность. [68] Кинулся к запасной амбразуре, успел метнуть гранату. Осторожно выглянув в амбразуру, я увидела, что гитлеровцы, подбиравшиеся к доту, мертвы.

Началась новая атака. В ружейно-автоматной пальбе не звучал упругий голос соседнего «максима». Я вслушалась внимательно. Второй пулемет, установленный на левом фланге, молчал. Тогда мне было неизвестно, что немцы уничтожили дзот, а случайно оставшийся в живых Морозов, взяв автомат, залег в цепи. Я твердо знала другое: с левого фланга не видно, что немцы поднимаются по склону балки все ближе к нашему укрытию.

Теперь, когда наше положение оказалось особенно трудным, Самарский перестал нервничать. Он спокойно, не спеша обтер пыль, покрывшую крышку короба, поправил ленту, посмотрел на меня, будто спрашивая: «Опять ждешь?»

Я кивнула и тут же открыла огонь.

Вражескую цепь словно скосило. Вторая, двигавшаяся за ней, прижалась к земле, стала отстреливаться из автоматов. По колпаку дота часто застучали пули.

Я перестала отвечать.

За второй цепью гитлеровцев появилась третья, четвертая.

Высокий немецкий офицер поднялся, обернулся к солдатам, прокричал слова команды, размахивая парабеллумом. Но тут меткая пуля, посланная кем-то из наших, свалила его. Пошатнувшись, офицер разрядил парабеллум по своим же

солдатам, упал ничком и покатился по склону в балку. Солдаты, будто увлекаемые офицером, тоже бросились вниз.

Бой не продолжался и часа. Немцы, наверное, очень рассчитывали на результаты своей артподготовки. Но так ничего и не добившись, на время затаились.

Усталость заставила меня сесть.

— Что же случилось на левом фланге? — спросил Самарский.

— Ладно, пойду посмотрю. — Мне стоило огромных усилий заставить себя подняться. Рассовала по карманам бинты, вышла.

Дзот на левом фланге был разрушен. Но оттуда доносился тихий голос — кто-то разговаривал сам с собой. [69] Я с трудом разрыла проход, протиснулась внутрь. Там бредил раненный в обе ноги боец. Осмотрев повязки, на которых уже проступила кровь, я поудобней уложила раненого, сунула ему под голову свернутую плащ-палатку и заторопилась к себе: начался новый артоналет — под прикрытием своего огня враг мог подобраться совсем близко к нашему доту.

Вскоре к нам заглянула Оля Ткаченко, пожаловалась, что нет воды для раненых. Мы с Самарским отдали свои полупустые фляжки. В это время вошел Павел Андреевич Морозов с перевязанной головой.

— Не за водичкой ли пожаловала? — строго спросил он санинструктора.

— За водичкой... Только норму «максима» я не трогала. Пулеметчики свои фляги отдали, — сказала, уходя, Ткаченко.

— Ну как вы тут, дети мои, живы? — Морозов подошел к пулемету, быстро оглядел его, потом посмотрел на меня, на Самарского. — Слава богу, что живы. — Младший лейтенант вытер пот с лица: в доте было очень душно. — Во время боя никак не мог вас проведать, — продолжал он. — У других совсем плохо было.

— Знаю.

— Сбегала уже? Успела!

— Думала помочь...

— Ишь какая шустрая... — Морозов невесело улыбнулся. — Помочь теперь трудно. Левый фланг гол. А вас я все время слышал. Был спокоен. Много патронов истратила?

— Две ленты — пятьсот штук.

— С ума сошла девка! Ну-ка, ну-ка! — Морозов заглянул в амбразуру. Оглядел склон, где валялись трупы фашистских солдат. Остался чем-то недоволен. — На первый раз прощаю. А потом берегись, товарищ младший сержант, шкуру спущу. Ну ладно. В случае чего — я в расчете старшего сержанта Зайцева буду. Там пулеметчик тяжело ранен.

Началась новая атака гитлеровцев. Мы отбили ее. Потом опять повторился артналет. В те минуты и были убиты политрук нашей роты Федор Ткаченко и его жена санинструктор Оля Ткаченко.

Я не верю в предчувствия. Но когда во время минутной [70] передышки Самарский вдруг спросил, напишу ли я ему письмецо, коли что случится, я всерьез на него разозлилась.

В тот же миг прямо у пулемета взвился желтый огненный столб.

Все для меня потонуло в странном звонком тумане{3}.

После артналета на рубеж чапаевцев пошли немецкие танки. Перед ними выросла стена заградительного огня. Но машины упрямо лезли сквозь огонь. Несколько танков проскочило к нашим траншеям. За танками двигались пьяные пехотинцы.

Оставшиеся в живых чапаевцы готовились встретить врага.

Время от времени немцы возобновляли обстрел. Сильно контузило командира роты Самусева. Он передал командование Зайцеву.

Все ближе подходили танки, все отчетливее видели чапаевцы башни, пулеметы, черные кресты с белой каемкой. Решили подпустить их на расстояние броска гранаты — так будет вернее. Легко сказать — решили подпустить танки...

В поединок с десятью стальными махинами вступила маленькая противотанковая пушочка. Артиллеристы, с которыми находился и командир батареи старший лейтенант Фокин, били прямой наводкой.

Дуэль длилась несколько минут. Три танка, окутавшись чадным пламенем, горели у самой траншеи. Из-за этой дымовой завесы вывернулся четвертый, приостановился, выстрелил. Пушку отбросило в сторону. Никого из артиллеристов не осталось в живых.

Тогда на бруствер выскочил Андрей Зайцев и метнул гранату под днище танка. Столб черно-красного пламени вырвался из сорванного люка. Старший сержант постоял, посмотрел на танк, словно желая убедиться, что тот не может двинуться с места. Устало вытер пот.

Остальные машины повернули обратно. Чтобы не попасть под свои танки, пехота немцев подалась вправо. [71] Тут уж отвел душу Анатолий Самарский. Амбразура ограничивала сектор обстрела. С кем-то из товарищей он быстро вытащил пулемет из дота и как следует расплатился с гитлеровцами за гибель боевых друзей...

* * *

— А Зоя-то наша уже в медсанбате... Не повезло бедняге, —

сказала Иванова, присаживаясь возле Самарского. — Так, говоришь, написать обещала? Раз обещала, значит, напишет. Слово у нее крепкое.

Лицо Самарского мрачнело с каждой минутой. Чтобы переменить разговор, Маша спросила Анатолия, почему он считает, что их осталось здесь только двое.

— Семь человек нас... Я точно знаю, — упрямо сказала она.

— Так пятеро — новенькие, — махнул рукой Самарский. — Необстрелянные...

Санинструктор и пулеметчик замолчали. Вскоре к ним подошли три бойца, сменившиеся с поста. Сняв с груди автоматы, все трое, не говоря ни слова, улеглись на землю рядом с Самарским и Ивановой.

Плотно накрыла траншеи душная южная ночь. Казалось, на весь мир наброшен огромный рогожный мешок, сквозь редкую ткань которого изредка можно увидеть только дрожащие низкие звезды да яркие полосы от трассирующих пуль. Время от времени звонкую тишину пререзала сухая строчка пулемета, и тогда долго металось по балке испуганное эхо.

— Ну, братва, что дальше будем делать? — спросил один из новичков.

— Подождем связного, — отозвался другой. — Может, какие приказания будут...

— Подождем, — согласился Самарский, хотя не очень верил тому, что связной вернется.

Не прошло и нескольких минут, как из темноты вынырнула фигура связного.

— Легок на помине, — с облегчением сказал Самарский, но не удержался и тут же укорил: — Таких хорошо посылать за смертью...

— Капитана дожидался, — устало ответил связной и добавил: — Отходить приказывает комбат... [72]

— Как это отходить?! — приподнялся на локте Самарский.

— Очень просто, ножками... — Связной расстегнул карман гимнастерки, вытащил обернутый газетой пакет, протянул Самарскому. — На вот, читай.

— И прочитаю, — с неожиданной злостью ответил тот. — Было бы что!

Взяв пакет, пулеметчик спустился в траншею и, накрывшись плащ-палаткой, стал читать при свете спички исписанный рукой капитана листок из ученической тетради. Связной сказал верно: комбат действительно приказывал отходить.

С тяжелым сердцем вернулся Самарский к ожидавшим его товарищам.

— Нашего полку прибыло! — радостно встретила его Маша Иванова. — С нами теперь политрук Сергеев!

— Вот это здорово! — оживился Самарский. Он давно и хорошо знал политрука и сразу понял, что его появление внесет уверенность в смятенные души оставшихся в живых чапаевцев. — И надолго вы к нам, товарищ политрук?

— Навсегда, — просто ответил Сергеев. Присев на камень, он, осторожно подсвечивая себе фонариком, быстро набросал несколько слов и протянул сложенный листок Самарскому: — Доставите комбату.

— Как же вы меня отсылаете, товарищ политрук?..

— Выполняйте приказание, — твердо повторил Сергеев.

— Есть выполнять приказание!

Самарский ушел. Затихшая было автоматная трескотня на участке роты разгорелась с новой силой. Гитлеровцы опять пошли в атаку, пытаясь с ходу овладеть окопами, которые защищала горстка чапаевцев. Больше часа продолжалась кровавая стычка. Враг не выдержал, откатился. Но победа досталась чапаевцам дорогой ценой: в живых остались только тяжело раненный Сергеев и Иванова, с трудом отыскившая политрука на дне темной траншеи. Раненная в плечо девушка, выбиваясь из сил, потащила Сергеева туда, где, по ее мнению, находились главные силы батальона.

— Брось меня, Маша, — услышала она во время [73] одной из передышек шепот пришедшего в себя политрука. — Оставь мне гранату, а сама уходи.

Кусая губы, чтобы как-то пересилить боль в поврежденном плече, Иванова продолжала тащить раненого. Под утро, когда на небе погасли последние звезды и стала видна изрытая, вся в воронках, земля, она добралась наконец до своих. Сдав санитарам политрука и наспех перевязавшись, Маша хотела снова отправиться на передовую. В дело вмешался командир полка и приказал эвакуировать санинструктора Иванову в Инкерманские штольни, где временно размещался медсанбат.

На пути к штольням машину с ранеными обстреляли «мессершмитты». Иванову ранило в голову, а Сергеева, которого она прикрывала собой, — в живот. Шофера тоже задело, но он довел машину до соседней воинской части и там сдал раненых в эвакогоспиталь.

* * *

Я находилась в медсанбате уже третий день и считалась «старожилом». Не знаю, как перенесла бы я контузию и ранение в глаза, случись это в гражданских условиях. Но тогда, в борющемся Севастополе, едва придя в себя, я тут же поднялась на

ноги. И подобное было не только со мной.

Подходила к концу короткая июньская ночь, а машина, посланная за ранеными, все еще не возвращалась с переднего края. В штольнях по этому поводу ходили самые разные толки. Одни говорили — на фронте наступило затишье и потому нет раненых. Другие считали, что полк попал в окружение, а из окружения не просто вырваться даже здоровым... Второе предположение казалось наиболее реальным большинству из нас. Но и оно требовало подтверждений. Вот я и отправилась к помощнику командира полка по тылу Сергеем Ивановичу Зудину. Он так сухо встретил меня, что я сразу подумала: наши дела, кажется, действительно плохи. И все же спросила:

— Сергей Иванович, вы не знаете, почему не вернулась машина, посланная за ранеными?

— Не знаю. Ничего не знаю, — сухо ответил Зудин. Не мог, видимо, сказать правды старый вояка.

Слишком горькой была эта правда: наш полк действительно [74] попал в окружение, а машина, посланная за ранеными на передовую, вряд ли когда-нибудь вернется в медсанбат.

— Ну что? — вопросом встретил меня старший сержант Заря, возглавивший группу выздоравливающих, желающих уйти на передовую.

Я развела руками.

— Ясно, — коротко резюмировал Заря. — Особого распоряжения ждать не будем. Машины — тоже. К вечеру доберемся до передовой своим ходом.

Бойцы одобрили решение старшего сержанта.

Сборы были недолгими. Набив вещевые мешки, мы присели перед дорогой. И тут, нарушая древний обычай, Заря взял со стола забытую кем-то гитару, тронул струны, тихонько запел:

За нами родимое море,

И рвутся снаряды вокруг.

Дымится в развалинах город,

Смыкается вражеский круг.

Эта песня родилась в боях под Севастополем. Никто не знал ее автора, но моряки и пехотинцы с одинаковой любовью пели ее. Вслушиваясь в простые и мужественные слова песни, я мысленно возвращалась к своим боевым друзьям на передовую...

Пусть мы погибнем в неравном бою,

Но братья победы добьются.

Взойдут они снова на землю свою,

С врагами сполна разочтутся...

Заря взял последний аккорд, потом прижал струны ладонью.

— Баста! — сказал он и, вскинув на плечо вещмешок, зашагал

к выходу из штолен.

* * *

До вечера мы шли по сожженной, перепаханной бомбами и снарядами земле. Наконец услышали отдаленный перестук станкового пулемета. Хотя я знала, что все пулеметы одинаково выбивают свое «та-та-та», все же не удержалась, схватила Зарю за рукав:

— Слышишь? Мой «максимка»! Честное слово, мой!

— А! — с досадой отмахнулся Заря. — Попробуй тут отличи... Один, что ли, твой «максим» на передовой? [75]

На дорогу, которая раньше вела к штабу полка, мы вышли, когда уже стемнело. Не сделали и десяти шагов — почти рядом одна за другой ударили злые автоматные очереди.

— Назад! — раздался за нашими спинами чей-то сердитый голос.

Падая на землю, я успела заметить справа от себя бойца с пулеметом.

— Куда вас черти понесли?! — выкатил он глаза, когда мы с Зарей подползли вплотную. — Прямо к фашисту в зубы!

— Нам в штаб полка надо, — объяснил пулеметчику Заря. — Мы из чапаевской, понимаешь?

— Все мы теперь чапаевские, — ответил пулеметчик. — А там, куда вы шли, никого ваших нету. Гитлерюги оттуда в атаку на нас ходят.

— А вы чьи же? — спросила я.

— Мы-то? Жидиловские, вот мы чьи! — Пулеметчик отвернул ворот гимнастерки и показал матросскую тельняшку.

— Вот оно что!..

Я тотчас вспомнила дождливый весенний день, когда, поскользнувшись, растянулась в грязи прямо у ног смуглолицего худощавого полковника, окруженного моряками. Полковник помог мне подняться и посоветовал впредь лучше смотреть под ноги. «Кто это?» — спросила я потом у одного из моряков. Тот удивленно оглядел меня и ответил с плохо скрытым презрением: «Эх ты, пехтура!.. — Потом помолчал и совсем другим тоном добавил: — Жидилов это, пехота!»

Вокруг начали рваться тяжелые мины. Сомнений быть не могло — немцы поднимались в атаку.

— А ну, сестра, правь ленту! — крикнул моряк и, прильнув к пулемету, открыл огонь по мелькавшим среди кустов темным фигурам.

Но мне не пришлось долго править ленту. Голова моряка неожиданно беспомощно поникла, пулемет умолк.

— Володя, посмотри! — попросила я Зарю, а сама взялась за

рукоятки. После ранения со мной творилось что-то неладное. В правом глазу стояла вечная ночь. [76]

А перед левым, мешая вести прицельный огонь,плыли яркие пятна.

По разноголосому реву, доносившемуся из кустарника, я догадывалась, что пули находят цель, и всем сердцем радовалась этому.

— Молодец, Зоя! — словно издалека услышала голос Зари. — Только левее бери, левее! — кричал он, правя окровавленными руками запыленную ленту. Потом хлопнул ладонью по крышке короба. — Хватит! «Полундру» вместо фрицев скосим!

И правда: слева до нас донеслось дружное «ура», замелькали фигуры в полосатых тельняшках.

— Вот ведь народ! — не то осуждающе, не то восхищенно произнес Заря. — В одних тельняшках воюют!

Атака противника захлебнулась.

Заря долго с надеждой всматривался в опаленный огнем кустарник.

— Нет... Не видно наших, — наконец сказал он.

— Раз нет, пошли обратно, — предложил незнакомый боец, поправляя на забинтованной голове смятую, перепачканную землей пилотку.

Заря сердито посмотрел на него и, ничего не ответив, отправился разыскивать брошенный где-то вещмешок.

Быстро вечерело. Все заметнее стихал огонь с обеих сторон. Вернулся Заря, потрясая своим вещмешком, пробитым осколками.

— А теперь, пулеметчик мой одноглазый, давай перекусим, — предложил он, доставая банку рыбных консервов и два твердых, как кирпич, пшеничных сухаря. — А то, чего доброго, убьют и отправимся на тот свет голодными.

— Это почему же одноглазая? — с обидой спросила я Зарю.

— Меня не проведешь, — ответил он. — По моим ведь указаниям стреляла.

От еды я отказалась. Решила разыскать хозяев пулемета.

— Зря, — отговаривал меня старший сержант. — Пулемет не иголка. Хозяева сами найдутся, если живы.

И точно. Вышло так, как говорил Заря. Едва мы разложили еду, послышался треск, из кустарника вывалился [77] незнакомый боец с патронным ящиком в руках.

— Слышь, браток, — обратился он ко мне, — тут где-то пулемет наш стоял. Не видел, случаем?

— Здесь ваш пулемет, — успокоила я.

— Господи... Извини... В темноте за мужика тебя принял... А Ваню, дружка моего, ты не видела, девушка?

— Убит твой Ваня, — тихо сказала я и встала, чтобы показать бойцу место, где лежит его мертвый друг. В ту же секунду рядом разорвалось несколько снарядов...

Очнулась я от острой боли в голове. Чьи-то руки выворачивали карманы моей гимнастерки. Поняла — забирают документы: за мертвую приняли.

Хотелось крикнуть: «Не троньте, я жива!», но только тихо застонала.

— Да она жива... — проговорил кто-то.

Меня подняли и понесли. По дороге снова потеряла сознание, а когда очнулась, услышала шум работавших на полную мощность машин и ощутила подступавшую к горлу тошноту от качки. Поняла, что нахожусь на корабле. Потом часто били зенитки, ухали за бортом бомбы, чувствовалось — корабль виляет из стороны в сторону, уходя от прямого попадания.

Внезапно наступила тишина, в которой слышались только стоны людей да бульканье воды за тонкой переборкой.

— Приехали, — сказал кто-то рядом.

— Точно! — подтвердил сидевший тут же моряк. — Как говорится, в полном здравии.

Раненые заволновались:

— Эй, морячок, куда это нас?

— Сколько еще валяться здесь будем?

— Привезли вас, ребята, в Сочи, — успокоил моряк. — А чем кричать, лучше бы свое барахлишко потихоньку собирали.

Чтобы не задерживать вынос тяжелораненых, тем, кто мог передвигаться, приказали собраться на верхней палубе и сойти на берег, не дожидаясь особой команды.

На сходнях я замешкалась, пропуская санитаров с носилками. В ту же секунду до меня донесся с носилок знакомый голос старшего сержанта Володи Зари:

— Зоя! Ты жива!.. [78]

Глава третья.

Госпиталь

Я никогда не видела Сочи, хотя несколько месяцев назад уже была в этом городе, когда нас отправляли в Одессу. Не раз слышала о том, как красив Сочи. Помню, моим товарищам раненым он тоже показался прекрасным. Сама я ничего рассмотреть не могла, но из разговоров окружающих поняла, что здесь буйно и беззаботно растут деревья, что спокойно колыхается у берега море, что на волнах покачиваются, как поплавки, непуганые черноклювые чайки. Хотела представить себе всю эту красоту, да так и не смогла.

На берегу нас усадили в автобусы и повезли по гладкой,

обсаженной тополями дороге. Дорога часто петляла, автобус раскачивало. Каждый толчок причинял мне страдания. Я закрыла глаза, прислонилась к мягкой спинке сиденья и незаметно задремала. Когда проснулась, наш автобус стоял у красивого здания с колоннами. Кто-то из попутчиков сказал, что раньше здесь был санаторий «Воронежздрав», а теперь — военный госпиталь.

Я вышла из автобуса последней. Медсестра, встречавшая раненых, вроде бы немного растерялась, увидев перед собой женщину. Потом ласково спросила, [79] что у меня с глазом. Осторожно поддерживая, повела в палату, бережно усадила на койку:

— Теперь, можно сказать, вы дома. Вот белье, тапочки. Переодевайтесь. Кстати, как вас зовут?

— Зоя.

— Мы тезки... Ну, я побегу, нужно разместить других раненых.

Оставшись одна, я попыталась разобраться в событиях, которые произошли за последние сутки. То мне виделась простреленная голова моряка-пулеметчика, то улыбался из-под повязки неунывающий Заря, то вдруг в ушах раздавался оглушительный треск рвущихся снарядов. Но больше всего беспокоили глаза. Я боялась признаться даже себе самой, что почти ничего не вижу. В раненом глазу стояла ночь; уцелевшим я различала предметы, но они почему-то были покрыты белым налетом плесени. Мысль, что останусь инвалидом, упорно сверлила мозг. Нервы не выдержали — уткнулась лицом в подушку и заревела.

В таком состоянии и застала меня медсестра Зоя, заглянувшая под вечер в палату.

— Что с тобой? — встревоженно спросила она, не замечая, что перешла на «ты».

— Так... Пустяки. Не обращайтесь внимания.

— Хорошие пустяки — вся подушка мокрая от слез, — сказала Зоя, присаживаясь на койку. — Разве так можно?

Ее непосредственность тронула меня.

— Просто я дура, — призналась я и сквозь слезы улыбнулась Зое...

Моей соседкой по палате оказалась симпатичная черноволосая девушка. Познакомилась я с ней на следующее утро и с первых слов поняла, что Аня считает себя вполне здоровой и уже не первый день воюет с медицинским персоналом, добиваясь выписки из госпиталя.

Шли дни. Зрение у меня не улучшалось, но я никому не

жаловалась на судьбу. Почти все время лежала, безучастно глядя в потолок, и думала, думала...

В один из вечеров в палату пришла Зоя.

— Вот ты и дождалась своего, — сказала она моей соседке, — выписывают тебя.

— Правда?! [80]

— Конечно. Надо бы тебя еще поддержать, да койки требуются — новые раненые прибывают, — объяснила медсестра.

Аня запрыгала от радости и тут же принялась собирать свой нехитрый скarb.

Ночью в госпитале почти никто не спал: все ждали наступления утра и прибытия раненых — хотелось скорее узнать, как там, на фронте.

Сразу после утреннего обхода раздался легкий стук в дверь нашей палаты.

— Можно? — послышался басовитый голос.

Я не могла разглядеть лица вошедшего, но голос был мне определенно знаком.

— Кто это? — волнуясь, спросила я.

— Здравствуй, Зоя! Не узнаешь? Я это, Кожевников.

— Вася?

— Он самый!

— Ой, господи! Ну, садись, садись, рассказывай... Как дела, кого встречал из наших?

— Самусев здесь.

— Неужели?

— Контужен он. Трясется, оглох да и говорить почти не может.

— А ты?

— Я-то что! На мне как на собаке заживает. А вот с командиром не знаю, что и делать. Не ест, не пьет. Домой не пишет. Кому, говорит, я нужен, калека...

— Как он может так говорить!

— А что с ним поделаешь? — развел руками Кожевников. — Упрашивал, ругался — ничего не помогает.

— Дураки вы, мужчины, — вмешалась в разговор Аня. — Где он, этот ваш Самусев? Я сама им займусь.

— А что? Может, и верно? — оживился Кожевников. — Как думаешь, Зоя?

— Думать здесь нечего! — перебила Аня. — Действовать нужно.

Она прыгнула с койки и, схватив Кожевникова за руку, чуть не силой потащила к двери.

Вернулась в палату торжествующая.

— Вот! — подняла она над головой аккуратно заклеенный солдатский треугольник. [81]

— Написал! — обрадовалась я.

— У меня не открутишься... Пойду отдам письмо медсестре...

В тот же день нам с Кожевниковым пришлось пережить еще одну тяжелую сцену.

С одним из автобусов привезли молоденького, с забинтованным лицом бойца. Поддерживаемый сестрой, он вышел из машины и, прислушавшись к возгласам встречающих, громко спросил:

— А из наших, из чапаевцев, есть тут кто? Сизов я. Рядовой Сизов, разведчик, — назвал себя боец.

— Коля! — в один голос крикнули мы с Кожевниковым, бросаясь к раненому.

— Коля, дружок, — бормотал Кожевников, обнимая земляка. — Вот и встретились!

— Вася, ты? — спросил боец, осторожно ощупывая дрожащими пальцами лицо, плечи и грудь Кожевникова.

— Я, я, не волнуйся.

— Покурить бы, земляк...

— Это мы мигом! — Кожевников подвел Сизова к скамейке, усадил его, а сам торопливо свернул махорочную сигарку. Прикурив, протянул ее Сизову. Николай глубоко затянулся.

Нам очень хотелось порасспросить однополчанина о положении на фронте, о друзьях-товарищах, но не решались начать разговор. Словно угадав наше желание, Сизов вытащил из рта сигарку и сказал:

— Не сегодня-завтра падет Севастополь...

— Брось! — оборвал Кожевников. — Кто сказал?

— Все говорят, — сухо ответил Сизов, задетый за живое недоверием друга.

В те дни мы с Кожевниковым с тревогой и болью не раз говорили о судьбе Севастополя. И все же слова Сизова показались нам кощунством.

Все трое умолкли, думая об одном.

— Пойдем, — сказала я наконец, тронув Кожевникова за плечо.

Взяв Сизова под руки, мы повели его в корпус. В палате я застала плачущую Аню: не только нам стало известно о делах на фронте.

Увидев меня, Аня встала и пошла навстречу.

— Ну вот, Зойка, я и уезжаю... [82]

Только теперь, когда Аня стояла рядом, я увидела, что она уже в форме, что на груди у нее красной эмалью поблескивает

орден Красной Звезды.

Я не стала ни о чем расспрашивать. Знала — врачи предоставили Ане десятидневный отпуск, но по ее виду поняла: отпуск останется неиспользованным.

Вечером, как всегда, в палату зашел Кожевников. Он был сильно взволнован.

— Что случилось?

— Понимаешь, Зоя... Есть одна новость. Да не знаю, верить ли ей. Говорят, Маша здесь, в госпитале.

— Иванова?

— Ну да! Встретил сейчас одного приятеля, тот и сказал. Будто бы в хирургическом она.

Я знала, что богатырь разведчик давно равнодушен к моей подруге. Глядя на его здоровенные ручки, мятые полотенце на спинке кровати, поняла, что Кожевников пришел за помощью.

— Идем, — ни о чем не допытываясь, сказала я.

В хирургическом отделении мы долго ходили по коридорам, пока наконец нам не показали палату, в которой лежала какая-то Иванова. Побледневший, притихший, Кожевников осторожно постучал в дверь. Увидев нас с Василием, Маша попыталась подняться, но руки и ноги не слушались ее.

— Машенька! — кинулась я к ней. — Жива, родная...

— Жива, жива, — шептала Маша, пряча счастливое, вдруг ставшее мокрым лицо у меня на груди.

— Ох, уж эти мне бабы, — неестественно бодрым голосом сказал Кожевников. — Медом не корми — дай поплакать!

Я молча погрозила ему.

— Ну будет, перестань, — успокаивала я подружку.

— Милые вы мои! — сказала Маша, вдоволь наплакавшись. — Если бы вы только знали, как я вам рада! Целыми днями лежу здесь одна. Тихо, страшно. Кричать иногда хочется...

— И давно ты здесь? — спросил Кожевников.

— Дней десять уже. Только ты сядь, Вася, — попросила Иванова, — не могу смотреть, когда ты ходишь — голова кружится.

— Десять дней! А мы и не знали. Спасибо вот ему, — кивнула я на Кожевникова, — все выведал. [83]

Разговор постепенно перешел на волновавшую всех нас тему. Говорили о Севастополе, вспоминали родной полк. Вспомнили живых, помянули мертвых.

— Значит, пятеро нас теперь, — подытожил Кожевников.

— А кто здесь еще из наших? — спросила Иванова.

— Самусев и Коля Сизов.

— Как они?

— Плохо, — вздохнул Кожевников. — Николай ослеп, и Самусев, боюсь, больше не вояка. Да, — спохватился он, — чуть не забыл: письмо ему сегодня было.

— Пусть Ане спасибо скажет! Если бы не она, так бы он до сих пор и кочевряжился.

— Не говори так, Зоя, — возразил Кожевников. — Человек, можно сказать, в отчаянии был. Сейчас, конечно, ругает себя, а тогда не мог по-другому... Вот с Колькой хуже. Горюет парень шибко...

— Ой, Вася, присматривать за ним надо, — всхлипнув, сказала Маша.

— Я и то...

— И то, а сам сидишь здесь.

— Отдыхает он сейчас...

Самому Василию Кожевникову уснуть в ту ночь не пришлось. Когда, распрощавшись с нами, он вернулся в свою палату, то обнаружил, что Сизов не спит.

— Ты что, Коля? Может, надо чего?

— Вась, а Вась, — не отвечая на вопрос Кожевникова, сказал Сизов, — сядь-ка рядышком... Знаю я, ты выписываться собираешься. Так вот, как друга, прошу об одном: подожди малость. А? Может, попривыкну я за это время, что скоро не будет тебя рядом...

— Подожду, Коля. Обещаю.

Земляки так и просидели всю ночь.

* * *

После трехдневной передышки полк майора Шестопалова{4} снова вступил в бой. Еще на рассвете Шестопалов ушел на позиции, занимаемые батальоном старшего лейтенанта Рыбальченко. Здесь, по мнению майора, [84] было наиболее уязвимое место в обороне полка. Не потому, что в батальоне не хватало трети состава (в таком же положении оказались и другие подразделения). Он тревожился за Рыбальченко: слишком молод и неопытен был новый комбат{5}. Вот и направился к нему Шестопалов, чтобы в трудную минуту поддержать, ободрить молодого командира.

В штабе батальона Рыбальченко не оказалось. Шестопалов нашел его на левом фланге — в роте, против которой был направлен удар наступавшего неприятеля. С автоматом в руках комбат вместе с бойцами отбивал очередную атаку. В штабной землянке Шестопалов увидел прикрытое шинелью тело командира роты и сразу понял, почему Рыбальченко находится именно здесь. Новый комбат абсолютно правильно понимал

место командира в бою.

Увидев командира полка, Рыбальченко тоже догадался, по какой причине тот пришел именно к нему. Поэтому, когда на исходе дня Шестопалов откровенно похвалил комбата, тот лишь снисходительно улыбнулся покрасневшими от усталости глазами.

На свой командный пункт Шестопалов вернулся уже в темноте. Открыв дверь землянки, он увидел при свете коптилки широкую спину сидевшего за столом Цапенко. Комиссар набивал патронами диск трофейного автомата.

— Ну как, навоевался? — дружелюбно спросил он командира полка.

— Навоевался. Во как! — проведя ребром ладони по горлу, ответил Шестопалов.

— Потери большие, — вздохнул Цапенко. — У Морозова, например, больше половины людей вышло из строя.

— Потери сейчас у всех — отозвался Шестопалов, опускаясь на топчан и думая о том, что надо бы кого-нибудь послать к Морозову взамен убитого в сегодняшнем бою политрука.

Словно отвечая на его мысли, Цапенко сказал:

— Везет старику Морозову! Сколько раз водил людей [85] в контратаки, такие потери — и хоть бы что, как заколдованный. Только послать ему больше некого. Сам пускай управляет.

— Пускай, — согласился Шестопалов.

Согнувшись чуть ли не пополам, в землянку вошел старший лейтенант Кондрат Куценко, вернувшийся из разведки.

— Разрешите доложить, товарищ майор? — приложил он руку к пилотке.

— Докладывай, начинж, — кивнул головой Шестопалов. — Садись и докладывай.

Куценко присел и кратко сообщил о результатах разведки. По его словам выходило, что на правом фланге полка контакт с соседом утерян.

— Тихо там, товарищ майор, — сказал Куценко. — Подозрительно тихо.

Шестопалов и сам уже догадывался, что на правом фланге неладно, слова начинжа только утвердили его в этом мнении.

— Ладно, — сказал он старшему лейтенанту, — иди отдыхай, а мы с комиссаром покумекаем... Ну, брат, что делать будем? — обратился он к Цапенко.

— Снарядов нет — раз, орудия разбиты — два, — начал загибать пальцы комиссар. — Надо отходить, Борис. Пока темно. Утром нас задавят.

— Задают, — подтвердил Шестопалов и, сжав до хруста кулаки, решительно поднялся: — Идем!..

Триста человек — все, что осталось от некогда полнокровного полка, — повел ночью майор Шестопалов, оставив позади жидкий заслон из саперов во главе со старшим лейтенантом Куценко. Недолго пришлось идти чапаевцам — едва лишь голова колонны вступила в Первомайскую балку, ее встретил автоматный огонь. Тотчас застрочили автоматы слева и справа, а немного погодя и сзади — оттуда, где остался Куценко. Худшие опасения подтверждались: полк был окружен. Майор Шестопалов разделил людей на две группы, которые одновременно, но в разных местах бросились на прорыв. Больше часа гремели в темноте гранаты чапаевцев, и гитлеровцы снова не выдержали неистового натиска — разомкнули кольцо, выпустив, казалось бы, верную добычу. Одно омрачило радость бойцов: во время прорыва погиб комиссар полка Григорий Иванович [86] Цапенко. Тело убитого подобрали и принесли с собой догнавшие полк саперы старшего лейтенанта Куценко. Полк занял круговую оборону. Выставив дозорных, Шестопалов вызвал к себе Куценко.

— Есть дело, старший лейтенант, — сказал он начинжу. — Надо связаться с дивизией. Бери Самарского и попытайся пробраться. Доберешься — передай, что в полку осталась сотня штыков и нет ни одного орудия, что Знамя полка цело и невредимо, что полк по-прежнему считает себя боевой единицей... Ну иди, — ласково подтолкнул Шестопалов полюбившегося ему командира.

Посылая Куценко на опаснейшее задание, командир полка понимал, что вряд ли когда увидит смелого начинжа. Шестопалов успокаивал себя лишь тем, что еще неизвестно, кому из них первому доведется умереть той ночью...

Кондрат Куценко и Анатолий Самарский добрались к полудню до штаба дивизии. Их сразу же провели к командиру дивизии.

Вслушав старшего лейтенанта, генерал Коломиец спросил, найдут ли они обратную дорогу.

— Найдем, товарищ генерал, — бодро ответил Куценко.

— Я понимаю, вы устали, — сказал командир дивизии, — и вам необходимо отдохнуть... Но обстоятельства таковы, что нужно немедленно возвращаться в полк. Передайте Шестопалову, чтобы он отводил людей в бухту Круглая. Там его будут ждать наши корабли. Вопросы есть?

— Нет, товарищ генерал, — вытягиваясь, ответил Куценко.

— Тогда желаю успеха. И торопитесь, торопитесь... Не мог знать командир дивизии, отдавая приказание, что никогда не вернется Кондрат Куценко в полк{6}. [87]

...Госпиталь был полон запахов. Остро, сладковато пахло

эфиром и хлороформом. Древесным дегтем отдавали ихтиолка и йод. Пахло «утками» и спиртом, кислой капустой и лекарствами, махоркой и вянущими на тумбочках цветами.

Госпиталь звучал. Позвякивал термометрами, похрустывал раздавливаемыми ампулами, звенел колокольчиками, когда становилось плохо тяжелораненому в дальней палате, притоптывал войлочными подошвами.

Ночью в притихшие палаты доносились запах моря и аромат роз, которые росли прямо у открытых окон.

Никогда прежде действительность не распадалась для меня на такое бесчисленное количество звуков и запахов. Никогда раньше не были такими обостренными обоняние и слух. Никогда до этого лишь По одной, выхваченной из сплошной черноты примете мне не удавалось воссоздавать таких ярких, выпуклых, рельефных картин происходящего.

Это совершалось помимо моего желания.

Весь мир, пусть военной, горькой, непередаваемо трудной, но зримой жизни, был отгорожен от меня шершавой плотностью охватившей голову повязки. Именно повязки, думала я, а не почти полной слепотой моих глаз. Но когда я все-таки осознавала, что дело совсем не в повязке, что на мою долю остались лишь звуки и запахи — без света и цвета, — эта мысль становилась непереносимой.

Все, что происходило вокруг, потеряло свое значение, роль, привычный смысл. Машинально, лишь подчиняясь ласково-укоризненным настояниям палатной сестры Зои, я ела, ходила на процедуры, гуляла. Опираясь на руку не расстававшейся со мной Маши Ивановой, разговаривала, порой улыбалась. Только дважды в день, когда вокруг черных тарелок репродукторов собирался весь «Воронежздрав», я опять становилась [88] частью единого целого, солдатом, дочерью народа, на чью землю ворвалась война.

Любое горе способно притупляться от времени, самая страшная действительность может стать повседневно обыденной. Но в минуты, когда скорбный и гневный голос Москвы доносил до каждого очередную сводку, в общем несчастье растворялась своя скорбь.

И ослепла-то я в одну из таких минут — 4 июля, в день, когда закончилась героическая оборона Севастополя. Ослепла неожиданно и для самой себя, и для госпитального окулиста — немолодого грузного капитана медслужбы.

«Проникающее осколочное ранение правого глазного яблока» было достаточно серьезным, но не грозило большими осложнениями для другого глаза. Лечение шло нормально: не

слишком быстро, не слишком медленно — так, как и могло оно в данном случае протекать. Если бы только повязка была снята в другой час, в другой день, может, все и обошлось бы благополучно.

Но 4 июля 1942 года я не смогла выдержать госпитальный режим, я должна была узнать правду о своем зрении и самовольно сняла повязку. После режущей вспышки яркого света и сильнейшего нервного припадка наступила слепота.

Старый капитан медслужбы знал, чем кончаются такие случаи. Правый глаз — ноль, левый — около пяти сотых. Это был самый оптимистичный прогноз, на который я могла рассчитывать. И медицина в данном случае не ошиблась. Неделя, вторая, третья... пятая... Процедуры, уколы, перевязки, вливания... В полутемном кабинете снимается наконец повязка. На пять минут. На десять. На двадцать. И вот распаивается госпитальный подъезд. Мне разрешена первая самостоятельная прогулка.

Сочи действительно оказался прекрасным. Были в нем и утопающие в зелени дворцы, и пальмы, и — главное чудо — море. Откуда-то издалека доносилось его ровное, спокойное дыхание, степенно перекликались гудки портовых буксиров, свежий, пахнущий простором ветер приятно охлаждал разгоряченное лицо. Пальмы с волосатыми, будто укутанными в медвежьи шкуры, стволами шеренгой выстроились вдоль асфальта до [89] самого поворота дороги. Но что это? Почему замыкающее дерево подпрыгивает, словно человек на ходу? Постой, постой! Так это же и есть человек. Он приближается... Худощавый старик в широкополой войлочной шляпе, легко опираясь на длинный крючковатый посох, прошагал мимо. Он наверняка заметил мое волнение. Но разве горец покажет другому, тем более женщине, что та ведет себя неприлично, так пристально рассматривая его! Никогда, наверное, не видела она живого чабана, вот и стоит как вкопанная, замерла, будто встретилась со злым духом...

А для меня в ту минуту добродушный абхазец и вправду был как бы вестником большого несчастья. Я, пулеметчица, без промаха накрывавшая вражеские цепи, поднимавшиеся в полукилометре, спутала человека с деревом... Значит, не случайно даль затянута для меня переливчатым перламутром, это не дымка, это страшный дефект зрения, значит, мне никогда уже не занять место в строю боевых друзей?!

В палатах и коридорах госпиталя, в ограниченном четырьмя стенами пространстве слабость зрения не ощущалась так остро. Осторожно ступая, я двинулась вдоль тротуара, чтобы измерить расстояние между пальмами.

Люди, спешившие по другой стороне дороги, забавно

пощелкивали по асфальту деревянными подметками появившихся ко второму году войны неизносимых босоножек. Я хорошо слышала их шаги, но сами пешеходы были для меня безликими. Я видела только очертания их плеч и голов. Подошла к углу дома. Почему-то обязательно стало нужно узнать название улицы, на которой стоит госпиталь. Ровная строчка белых букв на темно-синем фоне таблички колебалась, расплывалась, дрожала.

До крови прикусив губу, я повернула обратно... Нет, лучше не надо таких прогулок...

Выложенный железом желоб для стока дождевой воды ловкой подножкой вырвал из-под ног тротуар, бросил меня на раскаленный солнцем мягкий асфальт. Ушиблась я не очень сильно. Так, пустяки, ссадила колено, немного задела локоть. Но убийственным было предательство еще недавно такого надежного, незыблемого тротуара... [90]

И снова потянулись безысходно тоскливые госпитальные дни. Пустела палата, один за другим покидали Сочи новые знакомые, и только Маша, самая близкая, самая дорогая, по-прежнему оставалась рядом.

Ни я, ни она и не догадывались о нарушении строгих инструкций по отчислению выздоравливающих, которые совершал персонал. Начальник госпиталя разрешил капитану-окулисту не выписывать Иванову раньше меня. Опытные врачи знали силу психотерапии, понимали, что присутствие близкого человека может иной раз помочь лучше самых сильных лекарств.

Каждый день после ужина, когда спадал зной, мы с Машей отправлялись гулять по аллеям и скверам, окружавшим госпиталь.

Однажды, направляясь по узенькой дорожке к главному корпусу, мы подошли к скамье, почти скрытой тяжелыми лакированными листьями благородного лавра. Навстречу, уступая место, поднялся невысокий коренастый мужчина. Шелковая «командирская» пижама, рука в тяжелой гипсовой повязке, зажатая в зубах толстая папироса. В густой тени я не успела заметить все эти детали. Но Маша мгновенно узнала офицера. Это был начальник штаба нашей дивизии полковник Неустроев.

— Товарищ полковник! Разрешите... — И, неожиданно утратив диктуемую Уставом строгость обращения, совсем домашнему закончила: — И вы здесь, Парфентий Григорьевич...

— А я думал, в этой одежке меня никто не узнает, — невесело усмехнулся Неустроев. — Однако вы-то чьи, девушки? Уж извините, не припомню...

Рядовые не так уж часто бывают знакомы с начальством

дивизионного ранга. Но полковника Неустроева, начальника штаба чапаевской, в дивизии знал каждый боец. Обстоятельный, степенный, какой-то удивительно простой и ласковый в обращении, он, казалось, никогда не спал и мог появиться в частях в самое неожиданное время. А уж если где-то в полку, в батальоне происходило нечто такое, о чем стоило рассказать бойцам других частей, можно было не сомневаться, что полковник Неустроев обязательно выкроит минуту, оторвется от других дел, приедет, придет, надо — и приползет. [91]

Несколько месяцев назад вместе с начальником политотдела дивизии Финком Парфентий Григорьевич вручал мне грамоту Военного совета армии. А потом долго сидел у нас в доте, рассказывая о боевых делах тогда еще воевавшей Нины Ониловой.

Так встретились мы со своим наштадивом. И хотя в госпитальном наряде узнать нас было не просто, Неустроев все же припомнил бойцов из полка майора Антипина.

Госпитальные встречи бывших однополчан, независимо от их возраста, характера, привычек, почти всегда имеют нечто схожее. Сначала — несколько слов о ранениях, поспешных и даже как-будто небрежных, словно речь идет о чем-то не заслуживающем внимания. Потом — искусственное оживление, несвязные, сбивчивые вопросы, почти инстинктивная попытка направить разговор в безопасное, неогорчительное русло воспоминаний о разных смешных мелочах и забавных курьезах, которые случаются в жизни любой части и в мирное, и в самое трудное время и которые всегда становятся достоянием всего личного состава.

Но тот, кого лапа войны первым швырнула на госпитальную койку, раньше или позже обязательно задает самый трудный вопрос: «Ну а что же было потом?» В таком разговоре не бывает ни старших, ни младших по званию.

Ранение Неустроева было мучительное, требовавшее долгого лечения, но не очень опасное. И хотя полковника эвакуировали из Севастополя за несколько дней до конца героической обороны, уже здесь, на кавказском берегу, он продолжал работать, встречался с последними защитниками крепости. От них-то, под пулеметными очередями «мессершмиттов», ушедших в открытое море на автомобильных камерах, связках бензиновых бочек, полуразбитых яликах и шаландах, спасенных разве что чудом да отчаянной храбростью моряков подплава, и узнало командование Приморской армии, как сдержали свою клятву — «Стоять насмерть!» — защитники Херсонесского маяка.

Парфентий Григорьевич никогда не был многословен, о любом деле говорил с присущим штабникам лаконизмом, самую

задушевную беседу привык поддерживать точными короткими репликами. Но тем, кто [92] сам лежал за пулеметом на политых кровью и потом камнях Херсонеса, кто забывался коротким сном в мертвом химическом свете ракет и вскидывался от надрывного воя сирен пикирующих «лаптежников», кто знал цену и последнему сухарю и последней обойме, не требовалось красочных деталей. Имена, фамилии, даты — этого хватало с избытком, чтобы во всем величии и скорби сложилась картина происходившего...

В переливчатом треске цикад, в шорохе листьев, в добродушно-великаньих вздохах моря спустилась на город южная ночь. Маша уже давно заснула. Потом прошуршал гравий под ногами самых отчаянных нарушителей госпитальной дисциплины, торопившихся хоть часок «приспнуть» до рассвета. Застучал мотор движка — начали качать воду в котлы пищеблока.

А я все сидела на балконе, опершись на теплый камень перил, прикрыв рукой полуслепые глаза. Госпиталь по-прежнему жил, но сегодня признаки этой жизни, ставшие уже и понятными и привычными, не воспринимались моим сознанием.

Значит, вот как все это было. Значит, дрались, когда уже не осталось ни одного патрона. Значит, в бинтах, в самодельных лубках шли в штыковую. С последней лимонкой бросались под гусеницы бронетранспортеров. Значит, все, все до последнего, совсем молодые и давно поседевшие, и Шестопалов, и комвзвода Морозов, и Кондрат Куценко, которого мы с Машей искали по всем сочинским госпиталям, остались там, у иссеченных осколками развалин Херсонесского маяка.

А ведь если бы не они, не каждый из них, ни Маша, ни Самусев, ни Кожевников, ни Сизов, ни сотни других бойцов не были бы эвакуированы. И я не сидела бы здесь, на балконе, уже окрепшая, почти здоровая, пусть не очень зрячая, но живая. Одни перевязывали нас, другие несли на шлюпку, третьи держали оборону, а еще кто-то положил расчет вражеской пушки, уже наведенной на наш катер, и отгонял пикировщиков, охотившихся за беззащитным корабликом.

Как я могу возвратить этот долг? Есть только один способ. Завтра последний обход. Начальник отделения сказал, что на передовую мне дорога закрыта. Что пройдет несколько месяцев, пока восстановится зрение в левом глазу. Но ведь за эти месяцы можно чему-либо [93] обучиться. Ведь кроме пулеметной есть и другие армейские специальности. А потом, бывают же, наверное, одноглазые охотники? Вот и я тоже буду...

Палатная сестра Зоя, рыжеволосая пухленькая девчушка, невероятной подтянутостью и напускной строгостью безуспешно

пытавшаяся повысить свой «медицинский авторитет», придя поутру, не могла скрыть своего удивления. Я считалась в отделении одной из «трудных» пациенток. Со времени припадков почти ни с кем не разговаривала, грубила, по ночам не спала, а утром отказывалась подниматься. Но в тот день я встретила Зою улыбкой:

— Чем на завтрак побалуете, Зюенька?

Сестра от неожиданности чуть не уронила стакан с термометрами.

— Да опять, наверное, шрапнель с огурцом.

— Ну что ж, шрапнель — тоже каша. Каша перловая, самая здоровая. Ты не удивляйся, тезка, я просто здорово поумнела за эту ночь. О многом вспомнила. Хватит психовать. Теперь будем выздоравливать.

И действительно, с того дня и настроение и здоровье мое стало быстро выравниваться. А через две недели после очередного осмотра я получила приказ явиться в канцелярию госпиталя. Это означало, что лечению настал конец.

В справке, выданной мне госпитальным писарем, значилось: «Годна к нестроевой службе в тылу». Ниже рядом с большой круглой печатью было приписано: «Отпуск при части — десять дней». Но ни отправляться в тыл, ни отдыхать я не собиралась. У меня уже созрел четкий и, как мне казалось, безошибочный план.

Разыскав Парфентия Григорьевича Неустроева, я обратилась к нему с личной просьбой — помочь попасть на учебу, на какие-нибудь курсы младших командиров. И полковник, ничего не знавший о состоянии моего зрения, помнивший меня как умелую пулеметчицу, охотно написал записку начальнику пересыльного пункта, рекомендуя ему направить сержанта Медведеву на курсы командиров пулеметного взвода.

Последний день, последний обед в госпитале. На семи столиках — особенно чистые, прямо из прачечной, скатерти, самые щедрые порции мясного борща. Самые [94] пышные букеты цветов. Двадцать восемь солдат покидают «Воронежздрав».

Мы заходим в столовую. Рассаживаемся. И обычная, повседневная, не очень-то новая форма мгновенно отдаляет нас от остального, одетого в серую фланель или белые халаты, госпитального населения. Эта форма разом обрывает привычные связи, отодвигает куда-то на задний план сложившиеся симпатии.

Совсем не важно, что завтра на место ушедших двадцати восьми придут другие, а послезавтра — третьи. Как бы сильна и искренна ни была дружба, связывающая отъезжающих с теми, кто пока еще остается в госпитале, с этой минуты для любого из выписавшихся интереснее, важнее, дороже стали те, кто вместе с

ними сегодня надел военную форму.

Кончен обед. Молча вышли из столовой во двор. Курящие свернули самокрутки подлиннее да потолще — чтоб продлить удовольствие. Откурились — до последней, жгущей пальцы, затяжки.

— Станови-и-ись!

Старший по команде, старший лейтенант Иван Самусев, по списку проверил людей, осмотрел шеренгу придиричивым командирским взглядом, сделал замечание Ивановой, которая еще утром была для него просто «милая Маша», щегольским жестом подняв палец, проверил, точно ли над переносицей находится звездочка сдвинутой набекрень пилотки.

— Нале-ево! Направляющий, ша-агом ар-рш!

Неправдоподобно яркое сочинское лето с буйной щедростью расцветило небо, землю и море. Тела полуголых мальчишек, бежавших рядом с колонной, напоминали шоколад. Счастливые мальчишки! Они не знают, что такое кирзовый сапог на резиновой подметке, они могут бегать босиком и даже купаться в море. А вот навстречу спешат две девушки, обе светловолосые, обе в легких цветастых платьях, под одним пестрым зонтиком.

Впрочем, разглядеть их как следует я не могу. От яркого солнца мой больной глаз уже не различает деталей, его застилают слезы. Вороватым движением руки, чтоб никто не заметил, я смахнула слезы. Пусть, ладно. В колонне можно идти и вслепую. А из строя меня вырвет только одно... [95]

На автовокзале, сверившись с расписанием и о чем-то потолковав с дежурным и пожилым старшиной, одетым в запятнанный соляжкой комбинезон, Самусев отозвал нас с Ивановой в сторону.

— Вот что, девчата. Народу здесь — сами видите, а одних наших ребят на целый автобус хватит. Тут трехоска пойдет с горючкой, так мужчины на бочках — и до самого пересыльного. Пока отдохните, а через полчаса дежурный отправит вас автобусом, я договорился.

Уселись на скамейке, в тени стройных тополей. Но даже сквозь их густую листву нестерпимым зноем обжигало лицо, парной духотой окутывало тело под гимнастеркой. Напротив все время звенели стаканы, слышался веселый плеск воды. У тележки газировщицы — непрерывная очередь.

— С сиропом, наверное, — негромко сказала я.

— Угу, — так же тихо подтвердила Маша и, потянув носом воздух, мечтательно добавила: — с вишневым. Только денег-то ни копеечки.

Чтобы как-то отвлечься, я пошарила по пустым карманам,

вытряхнула на ладонь крошки от давно съеденного печенья, стала бросать их на асфальт, подманивая разгуливавших по площади голубей. Нахальный сизарь с воробьиной прытью перепорхнул к скамейке и, боком-боком подобравшись к самым ногам, стал склеивать крошки, задержавшиеся в складках грубой кирзы.

Тень, неожиданно упавшая на птицу, спугнула ее. Ошалело затрепав крыльями, сизарь штопором ввинтился вверх, едва не выбив из рук неслышно подошедшей пожилой женщины стаканы с пузырящейся, даже с виду ледяной газировкой.

— Ото ж бисова душа, лыдаща птыця! И мене перелякала. Пейте, доченьки солдатыкы, хоть и некрынычна водыця, а по такому пеклу сойде.

— Что вы, спасибо, — попыталась запротестовать я, но продавщица не пожелала слушать никаких возражений.

— Та пейте, пейте. Що грошей у вас нема, то я сама бачу. Тикы у мене тоже ж двое таких. Сыночки мои... — Она сунула нам в руки по стакану и быстро направилась назад — у тележки снова собралась очередь. [96]

Грубый голос объявил по радио посадку.

Начальник пересыльного пункта, майор-пограничник, решил нашу судьбу просто и справедливо. Прочитав записку Неустроева, он задал нам по несколько вопросов, относящихся к устройству и действию пулемета, удовлетворенно хмыкнул, придвинул к себе бумаги.

— Под Севастополем вместе были? И в госпитале тоже? Ну и дальше вам в паре войну ломать. Обоих направим в Ейское пулеметное. С этой командой и доберетесь.

Однако дальнейшие события развивались совсем не так, как рассчитывал майор. Он еще не знал, что несколько часов назад группа немецких армий «Юг» начала большое наступление в направлении Ростов, Краснодар. [97]

Глава четвертая.

Сквозь вражеское кольцо

Я старалась не отставать от всех.

Роща приближалась какими-то неровными, лихорадочными скачками в тяжелом топоте сапог, хриплом, захлебывающемся дыхании давно не бегавших людей, в отрывистых взвизгах пуль, которые все время ложились где-то сзади. Гитлеровский пулеметчик-танкист был, видно, не очень опытен — ложбина скрадывала расстояние, суматошные длинные очереди шли в недолет.

Мы убегали от врага. Бежали без единого выстрела. Но если б кто-нибудь в эти мгновения взгляделся в лицо старшего лейтенанта Самусева, который длинными перебежками

поднимался вверх по склону, его бы поразило выражение дерзкого, лихого веселья, почти торжества, в общем-то мало уместного в подобной ситуации. Наверное, поэтому Самусев старался держаться позади цепи, хотя быстрые фонтанчики пыли, поднимавшиеся среди пожелтевшей травы, подстегивали, заставляли бежать изо всех сил.

В этом странном, противоречивом чувстве гордости, пересилившей унижение и страх, была своя логика. Именно сейчас, в странные секунды бегства, бегства не [98] панического, а заранее запланированного, Самусев до конца ощутил себя командиром. Командиром, чей план, расчет, боевая хитрость оказались более совершенными, чем у врага.

Там, под Севастополем, в самые тяжелые часы, все было проще. Он всегда оставался подчиненным, он, пусть в жесточайшем бою, но обязательно был частью общего боевого механизма, ему не нужно было решать только одному и за всех. Здесь же, в этой приазовской степи, расчерченной негустой сеткой лесополос, именно он один отвечал за все и за всех.

Четыре часа назад наша команда была рассечена надвое, а попросту говоря, разогнана танками и автоматчиками стремительно продвигавшегося на юго-восток вражеского десанта. Соппротивление оказать мы не могли — только у Самусева да у бывшего летчика Георгия Нечипуренко, по ранению списанного в пехоту, было по нагану и по восемь — десять патронов. Однако о том, что у Нечипуренко имеется оружие, а сам он летчик, тогда, кроме Самусева, никто не знал. Да и трудно было мне или Ивановой выделить из семидесяти бойцов команды кого-либо.

Утром того дня, когда грозовые отголоски далекой артиллерийской дуэли, еще вчера доносившиеся с севера, вдруг сместились на восток и даже куда-то в сторону Краснодара, после короткого совещания Нечипуренко по заданию Самусева ушел вперед с несколькими бойцами. А остальные продолжали двигаться, только теперь не по шляху, а чуть поодаль. Дорога была пустынной. Несколько колхозниц, ехавших на линейках по каким-то неотложным делам, знали только, что «по-над Азовщиной уже який день грохотня иде». И торопились по своим хуторам да станицам.

В отсутствии воинских частей, регулировщиков, КПП было что-то неясно-тревожное, не похожее на обычную жизнь прифронтового района. Самусев приказал с первыми признаками приближения какой-либо части занимать укрытия, выдвинув к дороге наблюдателей.

На нашу беду цикадный треск идущих на большой скорости

мотоциклов послышался в ту минуту, когда до ближайшей лесополосы оставалось больше двух километров. Как ни спешили мы к двухцветному перекрестку [99] густой зелени и пыльного желтого шляха, головная разведка гитлеровцев на тяжелых четырехцилиндровых мотоциклах — «цундапах» раньше нас оказалась на опушке.

Дымным вопросительным знаком повисла над лесом сигнальная ракета, взхлеб залились установленные на мотоциклах ручные пулеметы. Но фашисты не подозревали, что натолкнулись на команду безоружных людей. Они видели только, как под их очередями русские «иваны» устремились вперед и в стороны, словно пытаясь взять разведку в клещи.

Вторая и третья ракеты обозначили еще какой-то сигнал. «Цундапы» попятились, не прекращая отплевываться свинцом. Из-за полосы, как бы отсекая огненной щеткой шрапнели придорожный участок леса, ударили танковые пушки. Но к этому моменту группа Самусева достигла спасительной зелени.

В затаившемся, невидимом, не отвечающем на огонь противнике всегда есть что-то особенно угрожающее. Десантники довольно долго прочесывали плотным огнем пулеметов и автоматов густые заросли абрикосов, алычи, сливы, акации. Это и дало нам возможность оторваться от врага. Теперь каждой группе предстояло действовать самостоятельно.

Натолкнуться на противника здесь, в доброй сотне километров от Ейска! Это могло означать только одно — фронт прорван, продвигаться по намеченному маршруту бессмысленно, а может быть, и преступно. Куда же идти? На всех — один наган, один компас, добрый запас махорки, шесть пачек пшеничного концентрата, две полукилограммовые банки тушеной говядины и две санитарные сумки. Есть еще несколько ножей да у старшего сержанта Володи Зари, тоже севастопольца, известного снайпера, — бережно обернутый поверх чехла зимними байковыми портянками оптический прицел.

Актив невелик. Но самым страшным, самым мучительным было отсутствие не оружия — ориентировки. Здесь, в лесополосе, без собак нас отыщут не скоро. Поля вокруг покрыты копешками убранного хлеба, кое-где еще стоят кукуруза, подсолнечник. Да и станицы кругом — с голоду не погибнем. И все же куда идти? Если десант — просто группа, осуществляющая глубинный [100] рейд по нашим тылам, — это одно. Если он часть наступающей армии — совсем другое.

Пустынность района, канонада, перемещающаяся по гигантской дуге все дальше к югу, время от времени проплывающие туда же на большой высоте соединения немецких

самолетов — все это подсказывало: надо поворачивать назад. Однако решиться на это вот так, сразу, старший лейтенант не мог. Слишком невыносима, противоестественна была мысль, что враг хозяйничает уже здесь, на Кавказе, слишком трудно было поверить в то, что лежащее в его, Самусева, планшете направление утратило силу воинского приказа.

И тем не менее старший лейтенант решил двигаться вперед. По крайней мере до тех пор, пока не станет ясно, частью какого соединения была повстречавшая нас группа гитлеровцев.

С этого момента вера в безусловную необходимость действовать именно так, а не иначе, заставила Ивана Самусева преодолеть даже голос здравого смысла. Он впервые ощутил себя по-настоящему, до конца командиром. Многократно обострившееся чувство ответственности пробудило в нем прозорливую, расчетливую атаманскую хитрость, так необходимую руководителю отряда, собирающегося вести «лесную» войну.

Часа через три, продвигаясь по полосе, мы вышли к глубокой и широкой балке. На противоположном склоне ее раскинулись сады и белые мазанки, длинные приземистые скотные дворы колхозной фермы. Залегли на опушке, ничем не выдавая своего присутствия. Заря, вытащив из тощего «сидора» свою драгоценную оптику, стал по квадратам изучать раскинувшийся перед нами мирный пейзаж.

Минут через пятнадцать старший сержант обнаружил то, чего все мы опасались: темные громады двух немецких танков. Они смутно просматривались сквозь ячею камуфляжной сети, небрежно притрушенной соломой. Танки были замаскированы между двумя скирдами. В стороне, там, где плетень вплотную подступал к пыльному шляху, зоркие глаза снайпера углядели бруствер артиллерийского окопа и тоненькие, будто поднятые оглобли, стволы двух зениток. Неширокая речушка, змеившаяся на дне ложбины, густо поросла [101] камышом, от нее щедро тянулись вокруг бугорки болотистых кочек.

— Так... Понятно... Очень даже ясно. Попробуем, обязательно попробуем, — негромко приговаривал Самусев, лежа рядом со старшим сержантом Зарей и вглядываясь в оптический прицел. — Большого риска здесь нет, — заключил он. — От полосы до фермы — километра полтора, да речушка — метров триста. Танки через болото не полезут. Сейчас продвинемся по полосе. Половина наших останется в лесу. С этого места пойдем цепью вниз наискось, вроде хотим выйти к западной околице. Скрываться не будем. Наоборот, гимнастерки прикажу снять, рубахи заметят скорей. У воды остановимся, оденемся, будто засомневались, а потом опять к полосе. Если наши — себя окажут, а немцы — увидят, что уходит добыча, — не выдержат. Склон, правда, крутоват, зато сухой. Бежать нам секунд сорок — пятьдесят. Прицельный огонь на дистанции почти два километра тоже не так уж страшен.

— А может, не стоит сейчас себя обнаруживать, товарищ старший лейтенант? — засомневался Заря. — До ночи мы еще десяток километров сделать можем — полоса-то к самому горизонту уходит, а там, может, и свои?

— Риска большого нет, — убежденно проговорил старший лейтенант. — Боезапас попусту немцы расходовать не станут. Уйдем. А обстановка сразу прояснится. От перекрестка, где на мотоциклистов напоролись, мы километров пятнадцать уже отмахали.

Когда Самусев обсуждал план со всеми младшими командирами, кряжистый крепко сбитый сибиряк со смешной и вкусной фамилией Пельменных дополнил план небольшой, но существенной, деталью:

— Чуть тронемся — махорочку-то порастрясти придется. Потереть да потрясти. Овчарку с лайкой я, конечно, не сравню... Однако и овчарок очень опасаться следует.

* * *

Сухо прошелестев, казалось, над самой головой пролетел снаряд. Со скрежещающим ударом разрыва слился округлый звук

пушечного выстрела. «Сильная пушка, — подумала я. — Значит, машина тяжелая, в [102] болото не полезут». Второй рокочущий дуллет расколол тишину, второй грязно-желтый куст поднялся на склоне перед самой опушкой, но лес уже протягивал навстречу нам свои добрые широкие зеленые ладони. Потерь не было. Одного пуля царапнула по боку, другому осколок резанул мякоть левой руки. За точное выяснение обстановки это была не такая уж большая плата.

Трудно сказать, сколько мы прошли в тот день. Во всяком случае, много. У меня утомление сказывалось на состоянии глаз. К вечеру совсем перестала видеть. Брела, придерживаясь левой рукой за брезентовый ремень Машиной санитарной сумки, ориентируясь на легкий звук ее шагов, и ощущала только одно — как в тяжелой, будто дробью заполненной, голове колотят в виски острые молоточки пульса.

Двигавшийся метрах в ста впереди колонны Пельменных остановил движение, сообщив, что полоса обрывается у оврага. С той стороны доносится собачий брех и тянет дымком. Я едва могла передвигаться. Бессильно повалилась на землю, не видя сумки, которую Маша пыталась подложить мне под голову. Поймав подругу за руку, зашептала горячо, как в лихорадке:

— Машенька! Ты только никому ничего не говори про меня... Понимаешь, ничего. А если что, если немцы, так лучше сразу. Попроси Самусева, пусть даст свой наган.

— Ты что, сумасшедшая! Как можно думать о таком? Да ты понимаешь, что старший лейтенант... — Маша осеклась, услышав спокойный, чуть осипший тенорок Самусева:

— Кто это тут меня поминает? Уж не красавицы ли наши? А я зарос щетиной, как леший.

— Слышишь, молчи про глаза! — успела я шепнуть подруге. С трудом выпрямившись, села, поправила волосы, с деланным оживлением пригласила: — Присаживайтесь, товарищ старший лейтенант. И разрешите не приветствовать вас по Уставу. Лучше расскажите, как наши дела.

Самусев присел. Пошуршав газетой, оторвал клочок, свернул самокрутку. Мягко царапнуло по кремню колесико зажигалки, остро-щекочуще запахло листовым абхазским самосадом. [103]

— А демаскировать нас не боитесь? — Я изо всех сил старалась направить беседу в «зрячее» русло. И наверняка бы выдала себя, не будь мысли Самусева так далеко.

— Я ведь под плащом, — машинально отозвался он и, видимо, не в силах дальше придерживаться прежнего тона, со вздохом добавил: — Что касается планов, они как у той одесской гадалки — всех от казенного дома упреждала, а потом сама

уселась за мошенничество... Послал людей в разведку. Пельменных с ними ушел, думаю, с охотником беды не случится. Придут, доложат, тогда и думать будем. А вообще-то, девушки, я на вас большие надежды возлагаю. Пока не добудем оружия, придется вам быть нашими поводьями. Платья гражданские где-нибудь прикупим, деньги у меня есть. Будете в паре, как подружки, от околицы к околице продвигаться. Хлопцы наши все по-госпитальному, под нулевку, острижены. Их любой опознает. А вы под сочинским солнцем загорели, сойдете за казачек. Да и прически у вас нормальные.

— Поводьями? И без всякого оружия? Да знаете ли вы, товарищ старший лейтенант... — неожиданно грубым голосом начала Иванова и охнула от моего щипка.

— Помолчи, Машенька, помолчи, милая! Не удивляйтесь, товарищ старший лейтенант, что я ее все время прерываю. Идея отличная. Я постараюсь изобразить слепую... А Маша мне поводьями будет. Правда, Машенька?

— П-правда, — после недолгой паузы подтвердила Иванова и, не удержавшись, съязвила: — Лихой будет отряд. Разведка слепая, бойцы безоружные. Повоюем...

— Хватит! — Вскочил Самусев. — Ты понимаешь, что за такие разговорчики на передовой с тобой сделать надо?!

— Ну конечно, не понимает, — спокойно подтвердила я. — Не понимает, как можно шутить, а как нельзя. Только к делу-то эти шутки отношения не имеют. Маша у нас такая. За словом в карман не лезет, но и под огнем не тушется. Да вы садитесь, товарищ Самусев. [104]

— Некогда. Идти надо. Мы еще вернемся к этому разговору. — И ушел, похрустывая сухими ветками.

— Слушай ты, психопатка окаянная! — Голос Маши Ивановой дрожал от сдерживаемой злости. — Какая из тебя разведчица? Ни высмотреть, ни убежать, ни записать ничего толком не можешь! Куда тебя в поиск? Забыла, что это такое?

— А ты помнишь, что Неустроев рассказывал? Нет? Ну а я не могу забыть, как наши Херсонесский маяк защищали. И довольно об этом. В разведку я ходить буду!

Ночь прошла в общем спокойно. Вскоре после полуночи со стороны станицы донеслось несколько одиночных пистолетных выстрелов. Хмельные голоса долго тянули заунывную незнакомую мелодию. К трем утра, когда предрассветные облака подрумяненными оладьями проступили на голубеющей сковороде неба, вернулись разведчики.

Пельменных приволок «на горбу» солидную флягу с молоком, заботливо обернутую плащ-палаткой, чтоб «не насветила

часовому». Напарник его — веселый разбитной парнишка, ремесленник из бывших беспризорных — умудрился стянуть из армейской фуры мешок с тремя буханками ослепительно белого и, как резина, безвкусного немецкого хлеба. Новости, которые они рассказали, были невеселыми.

Главные, в основном моторизованные, немецкие части действительно прорвались без задержек, устремляясь к линии нашей обороны, которая откатилась неизвестно куда. За мотомехчастями фашистов вот уже два дня подряд по шляху непрерывно двигались обозы, колонны тяжелых трехосных машин, цистерны под охраной бронетранспортеров и танков. В окрестных станицах и на многих хуторах уже обосновались гарнизоны. Не очень крупные, но отлично вооруженные пулеметами, минометами, кое-где и с броневиками.

В хуторе, неподалеку от которого расположились на отдых наши бойцы, гарнизон был особенно сильный. Здесь находился тщательно охраняемый склад. В бывшей конюшне и на фермах немцы «с черепами и молниями на петлицах» устроили что-то вроде тюрьмы. Сюда к вечеру пригоняли партии военнопленных, чтобы конвой мог с удобствами провести ночь. В конвой [105] входило обычно пятнадцать — двадцать солдат, обязательно с ручными пулеметами. Танкисты же на хуторе оказались случайно, завернули не то подремонтироваться, не то закусить и пьянствуют уже третьи сутки.

— А что за стрельба была ночью? — настороженно спросил Самусев.

— Точно не скажу. Однако думаю — спяну баловалось офицерье. Патрули, опять же, под ту пальбу ходили спокойно.

«Военный совет» двух сержантов и старшего лейтенанта длился недолго. Решено было уходить лесополосами, от леска к леску. Днем с нашей помощью намечать рубежи и двигаться ночью. Но прежде всего нужно было добыть оружие. Поразмыслив, решили оседлать какое-нибудь подходящее место на дороге, прихватить одинокого мотоциклиста или офицерскую машину, идущую без большой охраны. Серьезным оружием в руках Володи Зари был наган с девятью запасными патронами — снайпер на спор с десяти шагов перебивал пистолетной пулей «беломорину». А сняв один мотопатруль, можно было в случае удачи захватить два автомата и даже «ручник».

Несколько часов спустя километрах в трех от хутора группа бойцов затаилась в засаде у шоссе. Но события приняли неожиданный оборот. Сначала по дороге в сопровождении девяти мотоциклов пропылила тяжело груженная автоколонна. Потом проскочил пестро размаляванный, длинномордый и угловатый

броневи́к. Еще через полчаса запыхавшийся от быстрого бега связной прерывающимся голосом доложил Самусеву:

— Пленных гонят. С полсотни, наверное. Все в бинтах да в кровищи. Один, видно неумогу, присел, так его сразу, на месте...

— А сколько патрульных?

— Солдат с десятка, фельдфебель да верховой офицер. И еще с ними фура, ездовой вроде без оружия.

— Ясно, — резюмировал Самусев. — Жми обратно — и смотрите в оба. Сигналы — как условились. Покажется техника — кричи вороном, пехота — кукушкой.

— Есть. [106]

— Ну, что будем делать, сержанты?

— Выручить надо. Пленных, видно, недаром к фронту гонят. Пакость какую-то задумали фашисты. Это уж точно, товарищ старший лейтенант.

— Не добра же от гадов ждать, — сквозь стиснутые зубы процедил Самусев. — Учтите только: поднимется стрельба — всем конец. Танкам сюда от хутора минут пятнадцать ходу. Только одно может нам пособить... — Заря и Пельменных затаили дыхание. — Быстрота и находчивость. Песок, сапоги, руки заменят оружие. Песком засыплем глаза солдатам. Сапогами будем бить под живот. Руками — рвать глотки. Пленные помогут. В общем, если не опомнятся гитлеровцы, сомнем. Бери, Заря, половину людей и быстро на ту сторону дороги. Кинемся с двух сторон.

— Ну-ко будет им солоно!.. — Сузив глаза, Пельменных проверил, легко ли выходит из чехла охотничий нож с простой деревянной ручкой, и, пригнувшись, неслышной походкой таежника нырнул в кусты.

* * *

Лес выплеснул на дорогу два десятка безоружных, но страшных своей яростью бойцов госпитальной команды.

Обрываемой струной взлетел над дорогой пронзительно-звонкий выкрик Самусева: «Батальон!» Но эта мальчишеская хитрость была не нужна — встречная реакция пленных оказалась молниеносной. Четкий строй конвойных, в каждого из которых уже вцепились четыре, шесть, восемь пленных, вцепились насмерть, по-бульдожьки, мгновенно распался на несколько бешено катающихся по обочинам клубков сплетенных тел.

Со стремительностью распрямляющейся пружины метнулся к обер-лейтенанту пленный в командирской гимнастерке. Вцепился обеими руками в лаковый поясной ремень, рванул. Заваливаясь на правое стремя, фашист вырвал из кобуры тяжелый «вальтер»,

двойным ударом оглушил пленного, вздыбил лошадь, но было уже поздно.

Негромко щелкнул выстрел, и лошадь начала неловко валиться наземь.

Курок «вальтера» поднимается, как у револьвера, [107] самовзводом. В считанные секунды оставшейся ему жизни обер-лейтенант успел трижды нажать на спуск.

Впрочем, на исход схватки это уже не оказало никакого влияния. Ожидавшие подвоха только со стороны пленных, ошеломленные стремительно-дерзким нападением, конвойные не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Никто из них не успел открыть огонь, а в рукопашной они были попросту обречены — слишком велика была воля к свободе у пленных, слишком сильно у бойцов Самусева стремление обладать оружием.

Володя Заря, еще в Севастополе подружившийся с моряками-десантниками, старательно разучивавший с ними приемы рукопашного боя, в несколько скачков достиг заранее облюбованного гитлеровца, перехватил ствол вскинутого «шмайсера», рванул на себя и в сторону, сильно и точно ударил коленом под живот. Набегавшего второго конвоира Заря, не разворачивая выхваченного автомата, встретил резким ударом в переносицу. Разом ослепшего врага он отбросил в смертельные объятия пленных. Подхватив второй автомат, Володя кинулся в гущу свалки. Вскоре все было кончено, не осталось ни одного живого фашиста. Напуганная запряжка рванула в глубь лесополосы и остановилась лишь тогда, когда бричка намертво засела в непролазной чащобе.

А на дороге началось «братание».

Короткая команда Самусева прервала объятия, бессвязные слова благодарности.

— Немедленно в лес! Очистить дорогу! Чтоб не осталось ни малейшего следа!

Собрались у брички, шагах в ста от перекрестка.

Подсчет трофеев занял немало времени. Помимо оружия, взятого у охранников, в бричке оказалось несколько коробок с автоматными патронами, ракетница, сумка с толстыми, мечеными цветной краской патронами, десятка три гранат, сухой паек конвоиров, две канистры с отличной питьевой водой.

Мы с Машей захлопотали возле раненых. Пленный в командирской гимнастерке оказался батальонным комиссаром, они присели с Самусевым под раскидистой алычой. [108]

Коротко обрисовав положение на этом участке фронта, познакомив с историей группы пленных, перехваченных

влившимися в прорыв немецкими частями, батальонный комиссар поднял глаза на Самусева.

— Значит, вместе будем прорываться, товарищ комиссар? — спросил старший лейтенант.

— Оно хорошо бы! — Комиссар отмахнулся от овода, норовившего уместиться на бровь, рассеченную ударом «вальтера». — Да только раненых у нас больно много. Быстрого темпа не выдержим. Сделаем иначе. Отберем из наших тех, кто покрепче, нарядим в немецкую форму. Дисциплинка у фашистов — слава богу, службу знают. При офицере кто и обратится, так только к старшему. А я немецким в совершенстве владею — два года в торгпредстве работал... Любопытного облаю, как ганноверский унтер. Два десятка автоматов, конечно, не один. Только пока мы друг другу не в помощь. Вы, кстати, тоже захватите два-три комплекта немецкой формы. Сгодится. — Тяжело поднявшись, комиссар начал снимать гимнастерку.

Час спустя на дороге, где осевшая пыль уже прикрыла красно-бурые подтеки, вновь выстраивались «пленные». У троих — в центре, в хвосте и голове колонны — под шинелями и драными плащ-палатками были спрятаны автоматы. На повозке рядом с комиссаром, напялившим на себя форму обер-лейтенанта, пристроились два ездовых — лучшие гранатометчики. Восемь тщательно выбритых и умытых «конвойных» окружали с виду по-прежнему жалкую колонну «военнопленных».

На прощание батальонный комиссар крепко обнял Самусева, сунул ему в карман впопыхах нацарапанную записку.

— У вас шансов больше. Дойдешь — передашь по начальству. Ну, будь. Не рискуй безоглядно, а вот так. По-умному. Чтобы мы их, а не они нас. И еще запомни — сумку обер-лейтенанта абверовца тебе оставляю. Крепко береги... Ну, дружище, давай. — Круто развернув Самусева, комиссар по-дружески подтолкнул его.

Колонна тронулась.

Через полчаса мы тоже покинули место недолгого привала. Позади остались первая победа и первые, после госпиталя, могилы. [109]

Через три часа остановились на отдых. Продолжать движение было опасно — лесополоса разреживалась неподалеку от хутора, к которому мы подошли. Поразмыслив, Самусев отвел группу назад в лес, а сам вместе с Зарей и Машей ползком выбрался на опушку. Отдаленный и ленивый перебрех хуторских псов несколько успокоил наших. «Шарики» и «бобики» в занятых селениях быстро усваивали необходимые нормы поведения с оккупантами — втихую прятались по задворкам. И все же Самусев решил не рисковать.

— Вот что, Маша. Давай быстро назад. Возьми пару нижних рубах, обрежь рукава, сметай хоть наспех какую-нибудь юбчонку. Вместо гимнастерки наденешь майку. Не забудь и про головной платок. Прихвати охапку хвороста. А мы пока за хатами понаблюдаем.

Маша уползла. Заря и Самусев, наметив крайнюю, похожую на сарай приземистую саманную хатенку, затаились в кустах. Низкое басовитое гудение заставило обоих вздрогнуть. Вскинув голову, Самусев чертыхнулся. Тяжелый мохнатый шмель с золотистыми комочками обножек на задних лапках с ходу залетел в паучью сеть, заворочался в липких нитях, с усилием выпутался, устремился дальше.

— Лихой, бродяга, — завистливо вздохнул Заря. — Вот бы нам так же, по-шмелиному!..

— Так и будет, — уверенно ответил Самусев. — Гитлеровцам сейчас не до тыла. Рвутся вперед очертя голову. Линии фронта нет, есть соединения на марше. Где мимо, а где и через, думаю — пройдем.

— Ну-ну... — Володя сорвал шершавый листок щавеля, вкусно причмокивая, стал жевать. — А хорошо ли Иванову посылать на хутор? Может, лучше я?

— Косы, — недовольно буркнул Самусев. И, видя, что Заря не понял, пояснил: — Косы у нее не стрижены. Зоя — та под мальчика, ей опасно. А Иванова должна сойти за деревенскую. Сапоги, правда, не совсем к месту, но на Кубани женщины и в сапогах ходят. Ты из «шмайсера» метров за сто не промахнешься?

— Поручусь и за двести.

— Видишь стожок? Займешь там позицию на случай чего, перед тем как выйдет Иванова. А мы вас отсюда подстрахуем. Эшелонированная, значит, будет оборона. Все по правилам. [110]

Почти четырехчасовое наблюдение окончательно успокоило обоих. За все это время из саманной хатенки только один раз вышла женщина, видно немолодая, с палочкой и коромыслом. А когда Маша в своем кустарном «туалете», похожая не то на нищенку, не то на ряженую, уже готова была отправиться в путь, со двора крайней саманной хатенки выехала телега, запряженная красно-бурой коровой. Повозка направлялась прямо к лесополосе.

— Отставить разведку, — довольным голосом произнес Самусев. — Будем вести гражданскую дипломатию.

Женщина, погонявшая корову длинной хворостиной, не та, которая выходила за водой, а помоложе, время от времени нагибалась, сгребала в охапку золотившиеся на стерне пучки соломы, бросала их в телегу. Видно, хутор отапливался, а может, и кормился остатками не очень тщательно, второпях убранного

хлеба. Вблизи хутора стерня была чистой, прибранной. Здесь же, возле лесополосы, еще лежали сухие как порошок валки необмолоченной пшеницы.

Женщина постепенно приближалась к опушке. Когда ей оставалось не больше полусотни шагов до засады, Самусев легонько тронул за локоть Машу:

— Давай.

Завидев поднявшуюся из-за кустов Иванову, казачка настороженно остановилась. Но уже через несколько минут, преодолев вполне понятную робость, двинулась навстречу. Женщины о чем-то негромко поговорили и направились к опушке.

Нашу новую знакомую звали Варей. Она рассказала, что немцев у них нет. Заезжали, видно, разведчики на мотоциклах и транспортерах, однажды побывали танкисты, но подолгу не задерживались.

— «Мамка, яйцо... Мамка, млеко...» Нажрутся, наплещутся у крыныцы тай укатывают. Слава тоби, господы. На ближних хуторах, мабуть, много их, а мы биля шляху. Курей, утей постриялы. Та то перебидуется. Бабы наши як кошки хытрущие: в клунях пусто, все позакопувалы. А для вас найдем и сальця и вынця.

— Винца-то ладно. Водички бы! За весь день по кружке на брата только и пришлось. [111]

— Так я разом, разом, — всполошилась Варя. — Тилькы худобу мою поверну та сосидок поклычу. Пидеешь зи мною? — Обратилась она к Маше.

Та вопросительно глянула на Самусева. Старший лейтенант кивнул.

— Будеешь в хуторе — попроси из одежды чего-нибудь. Себе и Зое. Костюмеры из вас липовые. В таком наряде ты сама любой патруль напугаешь.

В сумрачной прохладе деревенского дома, залпом опустошив крынку густейшего холодного молока, Маша в изнеможении опустилась на широкую скамейку. Варя, простоволосая, раздумываясь, шлепая босыми ногами по саманному полу, металась по кухне. Ее мать, та самая старушка с палочкой, которую видели благодаря оптике Заря и Самусев, отправилась по соседкам.

На маленьком хуторе едва ли не каждый приходился друг другу кто кумом, кто сватом. А может, дело было не только в родстве. Не прошло и трех часов, телега оказалась нагруженной сверх всякой меры.

Сзади возвышалась кадушка с водой, обвязанная поверху чистой мешковиной. На дне телеги были уложены две громадные

парусиновые торбы со свежим, выпеченным на капустном листе домашним хлебом, кусками чуть присоленного, в три-четыре пальца толщиной сала. Тут же сливочное масло в здоровенной кастрюле, глиняные горшки с варениками, залитыми сметаной, пироги, яйца...

Даже в лучшие времена этот груз вызвал бы зависть у любителя вкусно поесть. Сейчас же, на втором году войны, он был сокровищем. Маша не могла прийти в себя от удивления. Будь она постарше или по-опытнее, наверное, заметила бы, с каким усилием отводят глаза от громоздившейся на телеге снеди трое Вариных казачат. Но радушие Вари и ее соседок было столь искренним, что Ивановой и в голову не пришла простая мысль: если в хатах всего вдоволь, хозяева не собирают в поле необмолоченные колосья.

Тронулись, когда уже стало темнеть. Тяжко наваливаясь на ярмо, словно от оводов отмахиваясь хвостом от недреманого кнута Вари, вышагивала буренка. Маша, сменившая самодельный наряд на серую, плотного холста юбку, просторную кофту, повязанная настоящим, [112] «в горошек» платком, ничем теперь не отличалась от любой хуторянки. Под соломой, на всякий случай прикрывшей от постороннего взгляда драгоценный груз, была спрятана и женская одежда для меня.

В безветренном вечернем воздухе с шорохом проносились стаи воробьев, высвистывали что-то свое жирующие на стерне перепелки, мерно поскрипывала телега. И только отдаленный гул откатывающейся все дальше на юг артиллерийской канонады, гул, не слышимый днем и едва уловимый сейчас, в сумеречной тишине, напоминал о том, что идет война.

К лесополосе Варя и Маша подошли, когда совсем стемнело. Кто-то из бойцов, сменивших Зарю в его передовом секрете, взглядевшись в лица женщин, молча зашагал вперед, схватил свободной рукой рог буренки. И только по злой нетерпеливости, с которой он тащил вперед притомившуюся корову, Иванова поняла, как ждут ее и тяжелую кадушку с водой те, кто расположились в чаще.

Пили вдоволь, вздохнул, черпая кто чем — котелками, крышками, немецкими касками, подобранными на месте схватки. Выпили бы, наверное, всю кадушку, если бы Самусев не опомнился, не прикрикнул, чтоб оставили воды на дорогу.

Потом сидели, разбившись на группы, наедались впрок перед дальним странствием. Тащить с собой горшки и глечики было бессмысленно. В НЗ отложили хлеб и сало. Самусев глянул на часы. Время приближалось к одиннадцати. Отозвал Зарю, велел ему повнимательнее наблюдать за юго-восточным сектором и

пошел проводить Варю до опушки — женщина торопилась, а ему хотелось подробнее расспросить о дороге.

Выбрались к опушке, остановились. Старший лейтенант открыл планшет, вытянул плотную пачку денег, протянул Варе:

— Возьмите.

— Шо-о? Та ты дурный, мени ж соседкы очи повыцарапуют. Германец як у себе тут хозяйнував, а я з своих гроши браты буду! Та не мое то все, обще!

— Возьмите, пожалуйста. Для детей пригодятся, у вас ведь трое...

— Диты при матери. Колхозом жылы, колхозом и войну перебудемо. Сховай. Сховай, розсержусь. Ты вот [113] шо, старший лейтенант. — В голосе Вари зазвучали какие-то новые, незнакомые нотки. — Будете германця назад гнаты — завернуть на хутор. Выпьем тоди чарочку, може, оградку солдатской жинци поправышь. — Неожиданно вскинув руки, она притянула к себе растерявшегося Самусева, поцеловала его в растрескавшиеся губы и тут же оттолкнула. — Бувай здоровенький... купец. — Варя быстро удалилась, нахлестывая тяжело вздыхавшую буренку.

Несколько минут Самусев стоял неподвижно, потом повернул обратно. Ночь не длинна. А до рассвета надо успеть еще многое сделать. Встретивший его Заря отрапортовал:

— В двадцать три тридцать в секторе замечены две ракеты. Зеленая и красная. Интервал — секунд десять.

— Именно так — сначала зеленая?

— Так точно.

— Дистанция?

— Затруднюсь сказать, товарищ старший лейтенант, но большая. На пределе видимости. Первую чуть не просмотрел.

— Молодец батальонный комиссар! Далеко ушел. — Самусев на мгновение запнулся. — Ну ладно. Поднимай людей.

И опять мы шли до самого рассвета, шли ускоренным шагом, но теперь уже с оружием наизготовку.

Ракеты, выпущенные группой комиссара, означали, что основной поток немецких колонн движется параллельно дороге, и если отклоняется, то больше к югу. Поэтому Самусев повел нас севернее, наперерез наступавшему противнику. Перейти линию фронта на фланге совершавших бросок гитлеровских частей было, наверное, проще.

Правее, ближе к дороге, двигался дозор под командованием Зари — шесть бойцов с автоматами и гранатами. Еще трое вооруженных составляли головное охранение, обоз и «санчасть». Впрочем, в сумках у нас с Ивановой осталось всего по два индивидуальных пакета.

Но теперь мы не чувствовали себя окруженцами. Мы были отделением автоматчиков с двойным резервом личного состава. Отделением, идущим по своей, пусть временно оккупированной, но своей земле. [114]

...На дневку расположились прямо в степи — от одной лесополосы изрядно оторвались, а до следующей оставалось километров десять. Отдаленный гул моторов возвестил о приближении очередной мотоколонны. Собственно говоря, движение на дороге не прекращалось и ночью. Время от времени какой-нибудь лихач водитель вспарывал темноту белыми мечами света резервных, «не подсиненных» фар. Однако это не мешало нам. Фашисты не отклонялись от основного маршрута.

Другое дело — день. С высоты кузовов громоздких трехосных машин было, вероятно, далеко видно, а рисковать понапрасну Самусев не хотел. Километрах в полутора от дороги в неглубокой, полого уходящей на север ложбинке мы обнаружили ветхий, полуразвалившийся сарай.

Родничок, бывший чуть в стороне, наполнял неглубокий ручей ледяной чистой как роса водой. Даже сейчас, в августе, поднималась вокруг сочная трава. В тени развесистых ив сохранились крепко вбитые колья — не то от скамей, не то от общего бригадного стола. В прежние времена тут располагался, наверное, полевой стан.

Здесь-то и разместилась на дневку наша команда, которую со вчерашнего утра мы именовали не иначе, как «севастопольский батальон». Четверо с автоматами ушли в дозор. Остальные, истосковавшиеся по живой, немеряной воде, едва не осушили ручей. И впервые за двое суток по-настоящему мылись. Потом блаженно развалились на ворохах подопревшей соломы, на старой ветоши, захрапели на разные голоса.

Только двоим долгожданный привал не обещал необходимого отдыха — мне и Маше. Нам предстояло идти в разведку, выяснить, что ожидает «севастопольский батальон» по ту сторону лесополосы, которая темной бахромой оторочила по горизонту сияюще-синее небо.

Самусев понимал, что после двухдневного марша еще один тридцатикилометровый переход (днем предстояло обернуться в оба конца, а ночью вести за собой группу до следующего подходящего укрытия) окажется мучительно тяжелым для девушек. Но выхода у командира не было. Одежда, раздобытая Машей на «Варином хуторе», совершенно преобразила обеих. [115]

Инструкция, которой Самусев напутствовал нас, была предельно проста.

— Далеко за полосу не уходите, — тихо говорил он. — Километров пять — семь, не больше. Оружие не берите, не в нем ваша сила. Хорошо бы наметить ориентиры, чтобы ночью не сбиться с дороги. Встретите гитлеровцев — держитесь спокойно. В случае чего — идете с хутора Криничного. Слышали, что на хуторах близ Верховской совхоз большой разогнали, хотите овец прикупить. Деньги — вот они. — Присев на корточки, Самусев набрал полные пригоршни мягкого чернозема и начал старательно перетирать в земле новенькие купюры. — И еще. Коли зайдет разговор о купле овец, не спешите показывать деньги. Сделайте это только тогда, когда вас вроде бы вынудят. Вы должны разыграть не то чтобы подкулачниц, но таких — ни нашим, ни вашим... Советская власть вам вроде не враг, но вы бы не прочь погреть руки на большом пожаре...

— Что?! — не вытерпела я. — Да я лучше умру, чем натяну на себя такую личину...

— А ты сядь, не пыли! — грубо оборвал меня Самусев. Впервые в его голосе я услышала настоящую злость. — Нам не смерть твоя нужна, а данные разведки. Марию Стюарт тут исполнять нечего. Надо — и обниматься с немцами будешь. Пока я командир, ты должна выполнять мои приказы. Ясно?

— Товарищ старший лейтенант! Да ведь я...

— Все! Разговорчики отложим. Собирайтесь. По дороге обсудите мое приказание между собой. И вот что, — проговорил он, уже остывая. — Постарайтесь засветло вернуться. Хоть немного, да передохнете, прежде чем вести группу.

* * *

Ясным августовским утром мы шагали по мягкой, росистой траве, стараясь лучше выбрать да покрепче запомнить дорогу. Прохладный крутобокий валун, встопорщенные кусты орешника, брошенная, видно, еще с прошлой осени развалившаяся телега, копешка полусгнившего сена — все бралось на заметку.

Маша намечала маршрут. Я, как школьница, шевеля губами, повторяла про себя ориентиры и дистанции [116] (за время «слепых» месяцев в госпитале память моя необычайно обострилась). Хотя у нас были и карандаш и пачка папиросной бумаги, мы решили не делать никаких заметок: ведь в случае обыска они выдали бы нас с головой.

Ближе к лесополосе стали попадаться следы недавнего боя — черные проплешины минных разрывов, наспех отрытые окопчики, россыпи стреляных гильз.

К полосе подошли взявшись за руки, с трудом сдерживая волнение. Вдоль самой опушки увидели: чернозем недавно взрыт танковыми гусеницами, на деревьях, иссеченных пулеметными

струями, как слезы поблескивают капли сока. Откуда-то доносится едкий запах гари. Бой шел совсем недавно — день, может быть, два назад. Поколебавшись, мы вошли в зеленые заросли, раздвигая руками влажную листву, стали продираться вперед.

В косых лучах солнца, пробившегося сквозь густые кроны, плыли зыбкие волны испарений. Толстый ковер опавшей листвы, мягко пружиня, гасил звуки шагов. По-рассветному дружно, вперебой заливались птицы. Я прислушалась — в птичьем хоре не слышно тревожного сорочьего стрекота, значит, рядом нет людей.

Шагов через тридцать за густым и низким, словно приплюснутым, бордюром опушки перед нами опять открылась степь. Вернее, поля. Стерня до самого горизонта бугрилась неубранными копешками. Не выходя из кустарника, мы огляделись.

Слева, километрах в трех, полоса круто, почти под прямым углом, уходила к северу. В этой стороне все было пустынно. Справа, тоже не близко, наверное, около шоссе, у самой кромки леса, что-то темнело. Впереди, прямо по нашему маршруту, примерно на такой же дистанции, круглилась небольшая рощица.

Посоветовавшись, решили дойти до рощицы и тут же возвращаться. Но когда прошли с полдороги, стало ясно, что мы ошиблись. Не рощица, всего одно-единственное дерево — высоченная кряжистая верба-великанша — раскинуло над полем могучие ветви, раскинуло так широко, что издали казалось группой деревьев. Не воспользоваться такой идеальной наблюдательной вышкой было попросту глупо. [117]

Однако задача оказалась не из легких. Раз за разом с разбегу пыталась Маша допрыгнуть хотя бы до первого нижнего сука — ничего не получалось. Собрали и подтащили все каменики, которые только можно было отыскать по соседству. И этого трамплина не хватило. Тогда я взобралась на шаткую пирамиду, опустилась на колени лицом к бурой щелястой коре:

— Лезь! Лезь, становись на плечи.

Маша повиновалась. Цепляясь пальцами за ствол вербы, я выпрямилась. Сразу резко застучало в висках, глаз застлали скачущие радужные кольца.

— Достаеть?

— Нет, Зоя, чуточку не хватает... — виновато отозвалась Маша.

— Становись на голову.

— Ой, что ты? Ведь рана...

— Да быстрее, черт!.. Упаду ведь... Ну!

Резко оттолкнувшись от живой опоры, Маша закинула

наконец руки на толстенную бугристую ветвь, зацарапала, заскребла босыми ногами по стволу, подтянулась и сразу исчезла среди листвы.

Я отошла от вербы шатаясь, легла ничком, спрятав лицо в ладони, стараясь дышать ровнее и глубже.

Медленно уплывала боль, обручем стиснувшая голову. Серая пелена перед глазами светлела, начала таять.

Прошло, наверное, с полчаса, но Маша все еще не спускалась. Присев, я внимательно просмотрела крону, но нигде не было видно серого лоскута Машиной юбки.

— Маша, ты что там? Заблудилась?

— Им бы заблудиться, фашистам поганым... Прут и прут по дороге машины, восемьдесят семь штук насчитала. И все на юг. А вон... — Она запнулась. В воздухе родилось и поплыло еле слышное басовитое гудение. — А вон и танки... Десяток... Еще десяток... Еще... Смотри, смотри! Слушай, Зоя. Там у полосы тоже ведь танк стоит. И дымок, вроде от костра, поднимается. Нет, здесь напрямую идти не стоит. Правей надо держать, на угол полосы. Ну, я спускаюсь, посмотрелась.

Через несколько минут мы, забирая круто на север, снова шагали по полю. Из-за высокой прошлогодней скирды навстречу нам шагнул рослый человек в лягушачьей с разводами немецкой плащ-палатке. Он [118] откинул полу плаща. Из кармана грязных синих бриджей выглядывала рубчатая рукоять пистолета.

— Ну! Ходите сюда, будем знакомиться!

О том, чтобы бежать, нечего было и думать. На таком расстоянии и пацаненок не промахнулся бы из рогатки. Медленно ступая, со стыдом и злостью ощущая, как вдруг неуклюжим, громоздким, слишком заметным становится тело, мы подошли к незнакомцу. Белобрысый парень, обросший щетиной, держался спокойно и уверенно.

— В вороньих гнездах яйца искали? Так осень, пустых скорлупок и тех не найдешь.

— Ни, дяденька, — мгновенно перейдя на местный русско-украинский диалект, ответила я. — Телка мы шукаем, рыжий и такась во лбу беленька ласочка. Третий день не ворочается, проклятуший, боюсь, не солдатики ль его в котел...

— Постой, постой, — перебил белобрысый и весь подался вперед, пристально всматриваясь в мое лицо. — Вот оно что... Быстро ты приспособилась... Где твои петлицы, сержант?

— Якись петлицы? — Я, похолодев, пыталась все же не сбиться с взятого тона.

— Ну, хватит дурочку валять! При каком хуторке пригреблись, защитники?

— Та не с хутора мы, со станицы Верховской. Телок вот...

— Из госпитальной команды вы. Сочинской. Обе. Тебя не помню, — ткнул он грязным пальцем в сторону Ивановой, — а эту в «Воронежздраве» видал. Два дня назад вас под Ейском десант разогнал пулеметами. А теперь вы вон где. Может, с частью? Тогда ведите к своим. Я ведь с вами шел. Или под чьим подолом спрятались?

В голове лихорадочно заметались мысли. Парень тоже из команды? Вроде не было такого. А может, сослепу не разглядела? Как же он не приметил Машу? Нас знает, значит, сам был в Сочи. А откуда немецкая форма? Перекинулся, пошел в полицаи? Тогда должен сразу погнать нас на пост. Хочет проследить, добраться до наших? Что делать? Что теперь делать?..

Белобрысому, видно, надоело затянувшееся молчание. [119]

— Не хотите отвечать? И не надо. — Он вынул из-под плаща левую руку с зажатой в пальцах толстой самокруткой, щелкнул зажигалкой, выпустил изо рта облачко едкого дыма. — Гуляйте себе. Ходите за телком. А я отдохну. — Не оглядываясь, он опустился на землю, прислонил к скирде коренастое широкое тело, раскинул короткие, в порыжелых сапогах ноги. — Ну ходите, чего стали! Телок-то и вправду в котел попасть может. — И, демонстративно отвернувшись, засвистел «На закате ходит парень».

Медленно, словно обреченные, поминутно оглядываясь, мы тронулись с места. Куда теперь держать путь, ни я ни Маша не знали. Идти к месту дневки — значит выдать своих. Вернуться на хуторок, который остался по ту сторону полосы? Там могут быть немцы, да и этот белобрысый не оттуда ли появился? Стоять пережидая? Тоже бессмысленно.

Единственное, что подсказывал инстинкт, — продолжать двигаться в прежнем направлении, не показывать, что неожиданная встреча нарушила наши планы. Кстати, приближаясь к стыку двух лесополос, мы вроде бы держали курс на хутор.

— Ты хоть следи за ним, Машенька, не упускай, — попросила я, когда мы прошли шагов пятьдесят.

— Сидит покуривает, вроде бы и дела ему нет до нас. Вот скотина!

— Ну пошли, пошли. Что-нибудь да придумаем.

Трудно, ох как трудно идти под палящим солнцем, по жесткой колючей стерне, понимая, что любой твой шаг в любую сторону может оказаться непоправимой ошибкой. Шагнешь — и вдруг щелкнет за спиной пистолетный выстрел. Шагнешь — и в этот самый миг решит белобрысый, что не след ему далеко

отпускать добычу, свистнет своих, схватят, поволокут на пытки, на надругательство. Шагнешь — и, быть может, именно этот, в сторону от сарая, шаг окажется тем, которого не успеешь сделать, чтобы сообщить своим о маршруте.

И все-таки мы шли. Молча, прямо, ощущая одеревенелыми спинами черный зрачок прицела.

Как во сне, приблизились к лесополосе, притаились в кустах. Иванова осторожно выглянула из-за ветвей. [120]

— Вон он идет. Видишь — вон он! — Маша крепко стиснула мою руку. Но я не могла разглядеть фигуру в камуфляжной плащ-палатке.

— Куда идет?

— Назад. К вербе.

Действительно, незнакомец не спеша удалялся в противоположном направлении. Маша сказала, что он разбежался, прыгнул, — видно, перескочил канаву, через которую перебирались и мы. Нам обоим стало ясно: белобрысый не собирался нас преследовать. Он даже не оборачивался. И от этого наши сомнения усилились. Может, и вправду наш? Из госпитальной команды. Ведь за те несколько часов, что мы находились в команде, собранной из разных госпиталей, Маша могла и не запомнить каждого. Если это враг, то почему он нас все-таки не преследует? Если свой — как он может спокойно, почти равнодушно, примириться с тем, что мы отказались его признать? Почему не требовал, не настаивал, не кричал?

Из осторожности мы еще некоторое время выжидали, наблюдая за одиноким путником, пока тот не скрылся из глаз. А потом, продравшись сквозь кустарник, выбрались в степь и что есть духу кинулись к своим.

Ни я, ни Маша не подозревали, что в накинутаой камуфляжной палатке к старой вербе уходил не белобрысый незнакомец, а совсем другой человек. Мы не видели, что, отпустив нас на достаточное расстояние, белобрысый, зайдя за копну, раздвинул снопы, произнес несколько слов. Тяжело ворочаясь, из копны вылез человек, такой же заросший, грязный, вооруженный куцым немецким карабином. Коротко посоветовались. Второй, накинув лягушачью плащ-палатку, вышел на открытое место, направился к вербе. Белобрысый же, прячась за копной, дополз до канавы, ужом юркнул вниз и двинулся к дороге.

Когда мы, удостоверившись, что тот, в палатке, не думает следить за нами, перебежали полосу, на опушке нас уже поджидал отлично замаскировавшийся наблюдатель. Цепкие глаза белобрысого мгновенно схватили две светлые фигурки. Схватили

и повели.

Солнце уже катилось к закату, когда, запыхавшиеся, измученные мы добрались наконец до сарая. По [121] нашему взволнованному, встревоженному виду Самусев понял, что произошло что-то неожиданное.

— Подъем! В ружье! Пять минут на сборы! — скомандовал он.

Потом, отведя нас в сторону, спросил:

— В чем дело? Быстро!

Однако докладывать не пришлось. В распахнутые ворота сарая донеслись громкие голоса, а две-три минуты спустя показался дозорный, без деликатности подгонявший дулом автомата давешнего белобрысого незнакомца. Его втолкнули в сарай. И мгновенно наступившую тишину нарушил радостный крик Самусева:

— Нечипур! Чертушка аэродромный!..

В следующий миг, по-медвежьи стиснув друг друга, они затоптались на месте, разбрасывая сапогами тряпье, устилавшее земляной пол. Бойцы, окружившие их тесным кольцом, радостными возгласами выражали свое удивление. И только мы с Машей, сгорая от стыда за двойной провал — не опознали своего, проморгали «хвост», — забились в угол. Смотреть в глаза друг другу не хотелось.

Обросший белобрысый парень, как нам теперь стало известно, оказался знакомым Самусева — Георгием Нечипуренко. И хотя бывший летчик-истребитель, после ранения списанный в пехоту, не имел опыта «наземной» войны, он неплохо проявил себя.

Выполняя приказ Самусева, Нечипуренко сориентировался по сохранившейся у него летной десятикилометровке Северного Кавказа, повел своих людей напрямки и к утру сумел километров на двадцать пять опередить «севастопольский батальон» Самусева.

Двигаясь несколько под углом к нашему маршруту, бойцы Нечипуренко вышли к участку лесополосы, где несколько дней назад какая-то головная часть немецкого десанта столкнулась с шедшей навстречу нашей маршевой ротой. Бой был, по-видимому, и долгим и жестоким. Маршевики, занявшие оборону на опушке лесополосы, имели при себе несколько пулеметов, ПТР и отбивались отчаянно.

Они сумели сжечь один броневик, подбили танк, прорывавшийся к ним с тыла, положили немало десантников, но и сами были почти все перебиты. Прочесав [122] потом полосу, бойцы Нечипуренко подобрали кое-какое оружие, не замеченное трофейной командой, — пяток трехлинеек, один симоновский

полуавтомат с плоским кинжальным штыком, немецкий карабин.

Впрочем, реальной огневой силы это оружие не представляло. Магазин оказался полным только в карабине, владельцы же русских винтовок успели полностью израсходовать весь боезапас.

Обнаружили и пулеметное гнездо, развороченное прямым попаданием снаряда. В коробе искалеченного «максима» застрял обрывок ленты, двенадцать патронов — по два на ствол. Но и это было кое-что.

Немецкие трофейщики, а особенно солдаты похоронной команды, побаивались, видно, удаляться от дороги. Уже в километре от нее остались неубранными трупы гитлеровцев. Хотел Нечипуренко подобраться к танку — там-то наверняка можно было добыть оружие, — не вышло. В подбитой машине остался экипаж и несколько пехотинцев. Очевидно, повреждения были невелики и танкисты ожидали помощи.

Еще до встречи с нами Нечипуренко, замаскировавший своих бойцов в копенках по ту сторону лесополосы, обдумывал возможность нападения на одиночный танк. Теперь же, соединившись с «севастопольским батальоном», он предложил старшему лейтенанту смелый и остроумный план.

* * *

Сколько времени нужно, чтобы устранить незначительное повреждение в моторе или ходовой части танка, машины, мотоцикла? День. Не больше. Немцы не могли тронуться с места уже третьи сутки, жгли костер, что-то готовили. Значит, они ожидали помощи. Какой? Если машину должны зацепить тросом и тащить на рембазу — незачем оставаться здесь всему экипажу.

Видимо, гитлеровцам должны были доставить какую-то важную деталь, установив которую, можно сразу оживить подбитую машину. А коли так, то не сегодня-завтра к полосе подойдет летучка. Крытый грузовик. Это сулило нам очень многое.

Группы Нечипуренко и Самусева двигались разными [123] маршрутами. Но ни мы, ни они не видели на дорогах ни регулировщиков, ни КПП. В такой обстановке прилично вооруженный отряд мог рискнуть на отчаянную вылазку. Захватив крытую машину, мы бы в несколько часов покрыли расстояние, на которое понадобились бы дни пеших переходов. Самусев до войны занимался в осоавиахимовском автокружке. Нечипуренко — летчик. Оба могли сесть за руль. Правда, за один рейс нельзя перебросить команду почти в шестьдесят человек даже в самом вместительном автофургоне. Но за два? Чем дольше Самусев и Нечипуренко множили километры на часы, а часы снова на километры, тем заманчивее становилось осуществление

плана. Один из бойцов, выучивший с моих слов на зубок ориентиры маршрута, был отправлен к группе Нечипуренко. А сам лейтенант, набросив пряжку ремня на торчавший в стене ржавый гвоздь, стал тщательно править бритву.

— Ты что это, Жора? Другого времени не нашел? — недоумевающе протянул Самусев.

— Дело не в этом... Был у нас в эскадрилье летчик один. Пожилой уж, в Испании воевал, на Халхин-Голе. Так вот он, чем труднее день ожидался, тем старательней красоту наводил. Говорил, помогает с мыслями собраться. Вот и мы тоже...

Бывший летчик брился долго и тщательно. Когда он затем, умывшись ледяной родниковой водой, предстал перед нами, мы с Машей не узнали своего белобрысого «полицая». Крепко сбитый, с лоснящимися крутыми скулами и вольным разлетом темных бровей, он стоял посреди сарая, медленно закатывая рукава гимнастерки.

Бережно обтерев протянутый Самусевым автомат, Нечипуренко повесил его на грудь, сунул за голенища по паре запасных обойм, разгладив ладонями, натянул пилотку. Вытянулся перед Самусевым:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите выполнять?

— Разрешаю. — Самусев приложил руку к козырьку своей смятой фуражки. — Счастливого пути.

Нечипуренко, Заря, Вася-беспризорник и жилистый, тощий Сережа Иванов молча вышли из сарая. Им предстояло почти вплотную подобраться к вражеским [124] танкистам, разведать подступы, установить наблюдение. Брать машину решили под утро — раньше мы не успели бы объединиться с группой Нечипуренко.

Остаток дня прошел в неторопливых сборах, мирных, совсем по-домашнему, хлопотах. По возможности приводили в порядок одежду, изрядно пострадавшую во время проходов через лесополосы. На куске ноздреватого песчаника точили ножи, брились, перестирывали в ручье портянки. Я и Маша, накрывшись шинелями, тихонько посапывали в углу. И если бы только не сменялись каждый час дозорные, выдвинутые метров за сто от привала, можно было подумать, что не окруженцы собрались в этом ветхом сарае, а трактористы из МТС поджидают здесь подгулявшего ездового, который должен доставить бригаде горючее.

Чем ниже катилось багрово-красное солнце, тем чаще поглядывал на часы Самусев. В записке, переданной со связным бойцам Нечипуренко, встреча была назначена в лесополосе на двадцать три тридцать. Выходить из сарая решено было с

темнотой. Туда же, к углу, образованному двумя лесополосами, должен был подойти и связной разведчиков. От этого угла до танка оставалось километра четыре. Расстояние достаточное, чтобы уйти от прицельного огня, и в то же время позволяющее довольно быстро добраться до исходных рубежей или скрыться от врага.

К этому времени Самусев уже знал, что одна из его разведчиц видит днем немногим лучше летучей мыши.

Сарай покинули в двадцать один тридцать, с первыми, высыпавшими на еще синее небо, звездами. Когда прошли примерно половину пути, у дороги вспыхнула стрельба. Взлетели осветительные ракеты. Группа залегла, выдвинула охранение. Автоматы вперехлест с пулеметом трещали, наверное, минут десять, ракеты взлетали одна за другой. Потом так же неожиданно стрельба стихла, хотя ракеты с нерегулярными интервалами продолжали чертить ночное небо.

Осторожно, по одному, вышли в предварительно проверенную дозорным полосу. Поджидавший нас Володя Заря доложил обстановку. Подбитый танк охраняли действительно пять человек. Чувствуют они себя, видно, неважно. Танкисты машину покидают по очереди, выходят оправиться — и сразу назад. Башня развернута [125] в сторону леса. Часовой ходит по кругу, не удаляясь от машины, сменяется каждые два часа. Один из танкистов, видно командир, с автоматом и при парабеллуме, несколько раз ходил к дороге, подолгу стоял там, что-то высматривая. От танка до дороги метров сто двадцать — сто пятьдесят.

— А что была за стрельба? — с тревогой спросил Самусев.

— Началось по-глупому, а кончилось скверно, — со вздохом отвечал Заря. — До темноты все было спокойно. Мы уж уходить собрались — Серега и встань во весь рост. Тут ракета. Они их, видать, со страху не жалеют. Ему бы стоять, дурному, в кустах, не заметили бы. А он, видать, оробел, плюх наземь. Треск пошел, они и всполошились. Хорошо, часовой ошибся, трассой указал направление, да не точно. Из танка — пулемет. И так с перерывами, вроде прислушиваются. Сначала правее нас бил, потом стали башню разворачивать все ближе, ближе. Наше счастье — лейтенант не растерялся, а то бы всем конец, ведь над самой землей стриг кусты, гад.

— Ну и как же вы? — не выдержал Самусев.

— Когда уж совсем рядом пошли очереди, Нечипуренко сук здоровенный схватил и в сторону — швырк. Туда, к дороге. И как же подгадал — перед концом очереди. Те смолкли, а сук вот он, по кустам. Часовой услышал, туда трассой полил, мы и уползли.

— Трое?

— До Иванова очередь из пулемета дошла. Он поодаль был. Две пули в голову, наповал...

— А где сейчас лейтенант?

— Метров за триста от танка они расположились. Записку он вам прислал.

Накрывшись с головой плащ-палаткой, Самусев чиркнул спичкой. Торопливо пробежал корявые, в темноте нацарапанные, строки:

Немцы встревожены. Часового в танк запускают по паролю. В лоб брать нельзя. До рассвета надо что-то придумать. Продолжаю наблюдение. Решение сообщу.

С рассветом внимание часовых обычно притупляется. Нервное напряжение тревожной ночи, когда каждый шорох, каждая тень обретают грозный пугающий [126] смысл, требует разрядки. Наступает реакция. Утренняя прохлада заставляет ежиться, вызывает желание поглубже спрятать голову в поднятый воротник, угреться, вздремнуть. А если перед этим тебя еще ругательски ругали за напрасно поднятую тревогу, проявлять повышенную бдительность становится как-то совсем неудобно.

Стало светать. Ночью дорога была пустынна. Но вот по шоссе проехала первая машина, притормозила на повороте у развилки. Вроде бы остановилась на минуту. Поехала дальше.

Тогда, хрустя сухими ветвями, в степь из лесополосы вышли двое солдат. Не обращая внимания ни на танк, ни на часового, они расположились перекусить, вытащили бутылку, сало.

«Немец», наблюдавший за часовым, заметил повышенный интерес того к бутылке и салу.

Хрипло глотнув враз пересохшей глоткой, часовой сделал несколько шагов в сторону.

Один из «немцев» встал, отошел на несколько шагов, остановился, широко расставив ноги, закинув за спину автомат.

Часовой тоже двинулся было вперед, но тут же остановился, затоптался на месте. А тот, который поднялся, «заметив» часового, жестом благодетеля призывно замахал:

— Шнелль, камрад!

Часовой побежал на зов.

Через минуту его еще подергивающееся тело отволокли в кусты.

К танку направились Заря и Алексей Плотников, давнишний, еще из Одессы, корешек погибшего этой ночью Сергея Иванова. Оба были босиком. За поясом у Алеши — пара гранат, у Зари — «шмайсер», в руке немецкая каска, полная воды. Неслышно шагая по мягкой, росистой траве, ребята подобрались вплотную к цели.

Прислушались — тихо. Тогда Плотников залез на танк и принял из рук Зари необычную отмычку — котелок с водой. Следом поднялся Володя, взял автомат наизготовку.

Медленно, осторожно, стараясь попадать точно в паз закрытого люка, Алексей начал цедить воду, принесенную в каске. Зажурчала просочившаяся струйка, [127] в башне зашевелились, что-то спросили по-немецки. Рука Плотникова задрожала, струйка воды пролилась мимо, но это уже не имело значения.

В тишине звонко щелкнула задвижка, крышка шевельнулась, приподнялась... В то же мгновение, отшвырнув каску, Алексей обеими руками вцепился в бортик, с бешеной силой рванул его, и тут же заработал автомат Зари. Сунув ствол в черный зев люка, Володя не отнимал палец от крючка, пока не опустела обойма.

И снова наступила тишина.

С рассветом оживилось движение по дороге. А вокруг танка, как и прежде, прохаживался часовой в тяжелом шлеме, с автоматом на груди. Он, видимо, ранен — белое кольцо бинтов перехватывает подбородок, уходит за уши. Но ранение пустяковое — постучь часового тверда, руки крепко обхватили рукоять и ствол автомата. Это Володя Заря. Второй «немецкий солдат» сидит чуть поодаль, кашеварит, подбрасывает сучья в костер, что-то помешивает в котелке.

Но есть и изменения, которые не уловил бы поверхностный взгляд. Ручной пулемет, вытасченный из танка, установлен в кустах, поближе к дороге. За пулеметом — Самусев, который еще под Севастополем прекрасно изучил трофейное оружие. А Нечипуренко с шестью автоматчиками расположился у самой дороги — это группа прикрытия.

Одна за другой проносятся по дороге машины, мотоциклы, санитарные автобусы. Никому нет дела ни до танка, как и положено, охраняемого часовым, ни до самого часового.

Спустя несколько часов наблюдатели у дороги замечают одинокий, медленно ползущий автофургон. Не доезжая до полосы, машина останавливается. Сидящий в кабине офицер вылезает на подножку, оглядывается вокруг, достает карту, сверяется с местностью.

Один из наблюдателей чуть поднимает над кустами руку, и в то же мгновение другой метрах в трехстах от дороги замечает короткий всплеск солнечного зайчика. Негромкий свист доносится до Самусева, тот раздвигает кусты, окликает прохаживающегося вокруг танка Зарю:

— Кажется, они. Приготовились! [128]

Проехав лесополосу, машина сворачивает с дороги и

направляется к одиноко стоящему танку.

Равнодушный часовой с перехваченным бинтами подбородком, завидев подъезжающий грузовик, стучит камнем по броне танка и отходит в сторону. Когда автофургон приближается вплотную, часовой вдруг замечает что-то необычное у задних колес. Заинтересованный шофер высовывается из кабины. Часовой сидит на корточках у заднего колеса и старательно выковыривает застрявший между скатами здоровенный кусок бутылочного стекла.

«Менять двойной скат в такую жару, на скошенном поле, где и домкрат опереть не на что?» Встревоженный водитель выскакивает, бросается к часовому, наклоняется над колесом. Жесткая грязная ладонь перехватывает ему рот, точным ударом плоского штыка Заря без звука валит шофера. Подтянувшись, заглядывает в кузов — никого.

И тогда, испытывая чувство мгновенного облегчения, поняв, что задумка уже осуществилась — танком овладели без взрывов, машину и еще один комплект формы получают в целости и сохранности, — Заря спокойно обходит грузовик с другой стороны. Предупредительным жестом распахивает перед фашистским офицером дверцу кабины и в упор стреляет ему в голову.

Все дальнейшее происходит молниеносно.

Пока Самусев, кряхтя, натягивает на ноги узкие в голенищах офицерские сапоги, бойцы вышвыривают из кузова ящики с инструментами, запасные части, баллоны газосварки.

Между траками танковых гусениц заклинивают четыре лимонки с выдернутыми чеками. Еще одну гранату Плотников умащивает в башне, на стеллаже со снарядами. Проволока соединяет ее кольцо с крышкой верхнего, незадраенного люка. Выбравшись через смотровое окошко водителя, Алексей отпускает стопор задвижки и наглухо захлопывает люк.

Бойцы быстро заполняют кузов автофургона, задерживают за собой брезент. Угловато-незнакомый в чужой форме Иван Самусев обходит машину со всех сторон, придирчиво осматривает ее. Все как будто в порядке. [129]

За руль. Рядом садится «автоматчик» — Плотников. Заря с трехлинейкой, на которой он установил свой снайперский прицел, взбирается в кузов. Там тесно, плечом к плечу, уже разместились бойцы, которые должны первыми совершить рейс в неизвестное. Погоня, если она будет, окажется очень не простой. Бойцам Нечипуренко наши оставляют ручной пулемет с четырьмя снаряженными магазинами.

Фирма, изготовившая грузовик, позаботилась о водителях, не

знакомых с машиной: на пластмассовой головке рычага коробки — гравированная схема переключения скоростей, фигурка с заводной ручкой изображена у ключика стартера.

С добродушным урчанием тяжелый трехосный грузовик попятился, развернулся, тронулся в сторону дороги. У самого выезда остановились. Подбежал Нечипуренко, вскочил на подножку, крепко сжал протянутую навстречу руку Самусева, испытующе глянул в его серые, с узким ястребиным разрезом глаза. Самусев понял:

— Не беспокойся, Жора. Все будет, как договорились. Трехчасовой перегон, не больше. И с ходу — обратно. Девушек с тобой оставляю, так, думаю, меньше риска будет. А вы — в поле. Судя по карте, тут и южнее можно укрываться, кое-что растет, станиц больших нет. Часов через пять высылай к дороге маяков.

— Сделаем... — Нечипуренко с усилием отвел в сторону взгляд. — Да ты не тушуйся, командир! Тебе первому выпало двигать. И мы теперь не с пустыми руками остаемся — семь автоматов, пулемет, на каждого по гранате. Сейчас нас просто гитлеровцы не возьмут!

— Ладно, Жора, — невпопад закончил Самусев. — Буду живой — вернусь, ну а ежели... В общем, сам, думаю, все понимаешь.

Вместо ответа Нечипуренко крепко, до боли, стиснул широкую ладонь Самусева и соскочил с подножки. Громоздкий автофургон рывком взял с места и, быстро набирая скорость, запылил по дороге.

Станные, ни на что не похожие, противоречивые чувства овладели Самусевым. Это был какой-то противоестественный сплав тревоги и лихости, настороженности и гордости, горечи и уверенности в том, что все, [130] даже самое неправдоподобно-рискованное, с этой минуты будет ему обязательно удаваться.

Он понимал, что фронт прорван на большом и очень важном участке, что гитлеровцы сильные, сытые, нахрапистые, по-прежнему рвутся к кавказской нефти.

Он знал, что только неправдоподобная удача, только редчайшее стечение счастливых обстоятельств могут провести его группу сквозь густой частокोल неблагоприятных случайностей. Причем любая неблагоприятная случайность более закономерна в этих условиях, чем даже крохотное везение.

И все же он, старший лейтенант Самусев, вопреки всему катит на мощной и послушной машине, не беспомощный, не одинокий, не безоружный. Вместе со своими товарищами он действует на этой врагом отторгнутой земле, как хозяин. Все это наполняло его сердце дерзкой мальчишеской радостью.

На повороте, когда точным движением руля он вписал многотонный грузовик в скоростной, на полном газу, вираж и машина подчинилась, не заюзила, эта радость стала острой, жгучей, рвущейся наружу. Он запел:

— Осоа...осоа... осоавиахим...

Сидевший рядом Плотников за ревом мотора не расслышал, придвинулся:

— Это вы мне, товарищ старший лейтенант?

Самусев опомнился, смутился:

— Осоавиахим, говорю, полезное общество. Осоавиахим — это хорошо.

В кузове, вцепившись руками в железные дуги опор, стояли, прижавшись друг к другу, бойцы. Двое, проткнув ножами брезентовый обвес, просматривали дорогу впереди, по ходу, задние так же внимательно смотрели на убегающую ленту шоссе. Оружие было наготове. В любой, даже самой неожиданной, ситуации они бы не растерялись.

За два часа покрыли пятьдесят шесть километров. У мостика, переброшенного через глубокий овраг, сориентировались. Судя по карте, взятой у убитого офицера, до ближайшей станицы оставалось еще километров восемь. Самусев свернул налево, ходко погнал «даймлер» по ровному лугу в сторону от дороги. [131]

Он чувствовал, что в этом направлении найдется подходящее укрытие. И действительно, километра через четыре добрались до густого кустарника, росшего по краю раздавшегося в этом месте оврага.

Отлогие склоны позволяли гнать машину вниз, замаскировать на славу. Самусев окончательно уверовал в свою удачу. Оставив старшим Зарю, он тут же пустился в обратный путь и даже позволил себе завернуть на ближайшую бахчу, набросать в кузов десятка три отличных спелых арбузов.

Правда, старик, стороживший баштан и не разделявший самусевского настроения, сыграл несколько не по роли. Он насупленно сосал люльку и дипломатично не обращал внимания на то, как немецкие офицер и солдат выбирают себе арбузы покрупней и позвонче. Зато дед проявил редкую прыть и красноречие, когда «гитлеровцы» решили его поблагодарить. В ответ на русское обращение «дедушка» сторож обложил их такой замысловатой, староказачьей руганью, пожелал им, их родителям, детям и внукам столько хвороб, что Самусев заторопился к машине.

Дважды на обратном пути попадались им встречные колонны. Но никто не обратил внимания на одинокую машину. Самусев

только прижимал свой фургон к обочине да, непрерывно сигналив, посильнее давил на акселератор. Добротная кубанская пылука отлично завершала маскировку.

Встреча с Нечипуренко и его отрядом состоялась в условленное время и в намеченном месте, за неширокой прогалиной, через которую с основного тракта был съезд на полевую дорогу. Густая стена зелени позволяла здесь притаиться машине, словно бы человеку за углом — всего в нескольких десятках метров от трассы.

Из железной бочки предусмотрительно оставленной в кузове, до пробки наполнили бак горючим, осмотрели скаты, проверили уровень масла в моторе. Бойцы разместились в кузове, набросав перед задним бортом несколько снопов, на которые выложили в три ряда отборные арбузы. Можно было трогаться, но Самусев почему-то медлил. Нечипуренко, сидевший в кузове, откинул обвес, перегнулся к водителю:

— Слушай, ты не немцев, случаем, дожидаясь? [132]

— Угадал ведь. — Самусев скосил в его сторону сиявшие озорным весельем глаза.

— Сдурел?!

— Ни капелюшечки!

— С огнем поиграть охота?

— С дымом, — коротко хохотнул Самусев. — Понимаешь, — понизив голос, продолжал он, — сюда мы втихую добрались. Понятно? Встречный разъезд мимо мелькнул, и рассмотреть-то его толком было некогда. А обратно? Нас ли кто догонит, впереди ли будет кто стоять, подвернись один любопытный — и все. Стрельба, шум...

— Ну и что ты надумал?

— К колонне нам надо пристроиться. Пропустим и сядем на хвост. За этой пылью, как в дымовой завесе, ни один черт нас не углядит. Опять же, ежели КПП — тоже у головной будут документы смотреть. Подлинней бы только колонну!

— Много риску на себя берем, — с сомнением протянул Нечипуренко. — Сами к ним в лапы лезем...

— Вот-вот. Тебе задумка психованной кажется, а они-то и вовсе до этого не допрут. Не риск, а расчет. Психология.

— А охранение ежели? — Нечипуренко все еще не принимал неожиданный план.

— Думаю, не должно его быть. Фронт уже далеко отклонился, места открытые, не партизанские, они сейчас на рысях идут, не опасаются. А потом, дозорные-то на мотоциклах — Плотников услышит, он ведь в кабине у окошка сидит. Все получится, Жорик, не сомневайся. Мы на этом слоне еще до наших доскачем.

Самый рискованный план не всегда бывает и самым трудноисполнимым. Расчет Самусева полностью оправдался. Для бойцов, укрывшихся в кузове, эта поездка стоила многого. Трудно сохранить спокойствие, сидя под темным пологом брезента в сотне шагов от врага, невольно затаивая дыхание при каждом переключении скоростей, каждом взвизге тормозов. Но зато через три с половиной часа «автолетучка» благополучно достигла деревянного мостика.

Машина остановилась. Плотников, сидевший рядом с водителем, немедленно выскочил с ведром, полез на дно оврага. И если бы кто из немцев, ехавших в конце [133] удалявшейся колонны, в тот момент обернулся, то увидел бы обычную дорожную картину — грузовик с раскрытым капотом и солдата, льющего воду в закипевший радиатор. Правда, для того чтобы дать колонне уйти подальше, Плотникову пришлось не раз слазить в глубокий овраг. Но в азарте он даже не почувствовал усталости.

А потом мы снова свернули в сторону, и вскоре автофургон на малом газу задом съехал в ложбину. Группы соединились.

* * *

Выбирая укрытие для очередного полуторасуточного привала, Самусев руководствовался двумя соображениями. Прежде всего, надо было вновь сориентироваться в обстановке — группа уже приблизилась к густонаселенным местам. Кроме того, следовало дать бойцам хоть короткую передышку. Измотанные многокилометровыми переходами, недоеданием, непрерывным нервным напряжением, все это время почти не спавшие, все мы буквально валились с ног.

Отдых отдыхом, а с едой у нас было туговато: арбузы, сваренная на жарком пламени сухого бурьяна кукуруза, по паре ломтей хлеба на брата да по кусочку сала размером в спичечный коробок — вот и весь дневной рацион. Но даже он в более или менее спокойной обстановке позволил бы бойцам собраться с силами. А кроме того, был у старшего лейтенанта один план заготовки продуктов, который он не преминул привести в исполнение.

Володя Заря, уроженец Ставрополя, бывал в здешних местах у родственников. Правда, довольно давно. Этим обстоятельством и решил воспользоваться старший лейтенант для успешного налаживания контакта с местными жителями. Когда еще в первый раз Заря увидел переброшенный через овраг мостик, он как будто узнал знакомые места. Потом решил попытать счастья — отыскать хутор Подгорье, где жила бабка. Первые два бойца, посланные Зарей в разведку еще до возвращения Самусева,

запаздывали. Теперь Володя решил отправиться на хутор сам.

Ближе к вечеру нанесло тучи, стал накрапывать дождь. Поначалу редкий, словно нерешительный, он [134] постепенно набирал силу и к тому времени, когда Володя, я и трое бойцов прикрытия добрались к хуторскому лугу, сыпал уже безостановочно.

Резкие порывы ветра подхватывали мелкие частые капли, размалывали их в водяную пыль. За такой завесой нелегко что-нибудь рассмотреть. Мальчишка пастушонок, как капюшоном прикрывший голову и плечи вдвое сложенным рогожным кулем, не замечал меня, пока я не подошла почти вплотную.

Поговорили. Выяснили, что немцы на хуторе не останавливаются — «бои тут булы дуже сильные, уси хаты скризь покарябани, та йисты нема чого».

А потом произошло неожиданное.

Когда Заря в накинутаой на плечи немецкой плащ-палатке, издалека наблюдавший за встречей, подошел ближе, он узнал в пастушонке Петьку Шкодаря, жившего через три хаты от дома его бабки. Мальчик тоже вспомнил человека в парадной форме, с орденом Красной Звезды, чью фотографию так часто показывала соседка бабка Уля.

Стиснув зубы так, что на посиневших от холода скулах явственно проступила россыпь веснушек, Петька подхватил кнут и, несколько раз изо всех сил перетянув ближайшую корову, не отвечая на оклики, кинулся бежать от нас.

Всерьез расстроенный Заря только руками развел:

— Тьфу ты, напасть! Пропала разведка. Так, вслепую, придется на хутор переть.

— А стоит ли, Володя?

— Конечно, не стоит. Только как быть? Обстановку не развели. Насчет харча тоже непонятно. А потом, скажу я тебе, за бабку боязно. Этот Шкодарь на весь хутор меня ославит, житья старухе не видать, ежели что. В общем, пошли, деваться некуда.

Прогноз, сделанный старшим сержантом, был достаточно точным. Когда мы подошли к калитке, подвешенной на самодельных, из приводного ремня, петлях, у плетня уже толпилась кучка оживленно балакающих соседок. Ни дождь, ни холодный ветер не помешали им терпеливо дожидаться на перекрестке внука бабки Ульяны. Взгляды женщин были столь красноречивы, что Володя, проходя мимо, произвольно нашарил под плащом рукоять автомата. [135]

Ульяна Андреевна встретила нас на пороге. В руках у сухонькой, легкой старушки была большая, тяжелая, взятая как ружье наизготовку кочерга.

— А ну, геть видсиля! От паскудных! Явився, та ще и кумпанию за собою волоче. Гонить его, люди добри! — И Ульяна Андреевна, вскинув кочережку, пошла на внука.

При всей комичности ситуации мне с Зарей было в ту минуту не до смеха. Как унять разбушевавшуюся старуху? А тут еще соседки, собравшиеся за плетнем, вот-вот кинутся ей на подмогу...

Не следует думать, что все женское население хутора отличалось такой уж безудержной храбростью и было готово встретить с оружием, пусть даже «печным», любого представителя оккупантов. Будь на месте Зари иной — немец или, допустим, русский, но незнакомый полицай, женщины, может быть, оказались бы менее воинственными.

Но если любой другой человек в чужой форме был бы для улицы таинственным, непонятым и потому вдвойне опасным, то в Вовке Зареныше, которого большинство женщин знали еще с детства, никто из них просто не мог признать полноценного оккупанта. Для хуторянок это был хоть и вызывавший общее возмущение предатель, но в то же время парень в какой-то степени свой и оттого совсем не страшный.

Трудно сказать, чем бы кончилась вся эта глупая неразбериха, не приди мне в голову счастливая мысль. Выхватив из-за пазухи свою смятую, с алой звездочкой пилотку, я кинулась к Ульяне Андреевне, протягивая пилотку как документ, как мандат:

— Вот! Смотрите!

Хотя в ту пору каждый вышедший за околицу мог без труда обзавестись какой угодно формой и зачастую оружием обеих армий, пилотка со звездочкой подействовала. Разбушевавшиеся страсти утихли.

Ульяна Андреевна выронила кочергу и, опустившись на ступеньки, зашлась в тихом старушечьем плаче. Соседки, еще не до конца уяснившие ситуацию, но уже достаточно успокоившиеся, отодвинулись от плетня, о чем-то тихо переговариваясь.

Зашли в хату. Володя, уже несколько пришедший в себя после неожиданной встряски, снял немецкий [136] мундир, остался в одной рубашке. Я наспех накинула сухое платье хозяйки и пристроилась у печи, выгоняя из настывшего тела озноб.

В этот момент за дверью раздался хрипловатый, но громкий голос:

— Чы можно до вас, Ульяна Андреевна?

— Входи, входи, Мефодьич, — откликнулась бабка и, успокаивая, повернулась к внуку: — Це Трофим Мефодьич, бригадир наш.

В хату, отряхивая с пышной раздвоенной бороды капли воды,

вошел пожилой, но еще крепкий как колода казачина.

Если бы не пустой рукав старенького чекменя, булавкой подколотый к правому плечу, его, наверное, и сейчас признала бы годным к строевой самая придирчивая медкомиссия. В бороде, в брUNETистой шевелюре — ни одного седого волоса, зубы ровны, белы как рафинад, под уверенной поступью поскрипывают, гнутся половицы. Только густая сеть морщин, избороздивших кирпичное от степного загара лицо, да голос с хрипотцой выдавали немало пожившего человека.

Степенно поздоровавшись, бригадир прошел к столу, опустил на лавку.

— С гостями вас, Ульяна Андреевна. Чы з далека будут?

— Да так, по соседству наведались... — не очень любезно ответил Заря, настороженно поглядывая на пришельца.

— А куда збыраетесь?

— Про кудыкину гору не слыхивал, батя? — с язвинкой в голосе полюбопытствовал старший сержант.

Трофим Мефодьич, видимо, рассердился, резко поднялся. Добродушно-хитроватое лицо его сразу отяжелело, речь потеряла украинскую певучесть, стала отрывистой, рубленой.

— Дурак ты, парень. Перед кем юлишь? Мне седьмой десяток идет. Три войны прошел. Кавалер и Георгия и Красного Знамени. Или ты об этом забыл? Такого, как ты, хитреца насквозь вижу. Насчет дороги разведать пришел. Время не переводи, говори прямо. Лучше меня никто тебе дислокацию не нарисует. — И снова сел, левой рукой вытягивая из кармана шаровар длиннейший кисет. [137]

Трофим Мефодьевич действительно оказался для нас сущим кладом. Единственный в хуторе владелец радиоприемника, детекторного, не нуждавшегося ни в сети, ни в батареях, он регулярно слушал сводки Совинформбюро, прекрасно представлял себе положение в этом, до последнего хуторка известном ему, районе.

Фронт, по его словам, ушел далеко на юг, немцы уже заняли Армавир, вплотную подошли к Моздоку. Двигаться надо было на Кизляр, в песчаные степи Грозненской области.

— В той стороне линию фронта держать — никаких армий не хватит. Разведка, конечно, будет гулять, может, и гарнизоны встретятся, но только все равно: если где пробиваться, так только там. Много вас?

— Да так — поменьше роты, побольше взвода, — ответила я, вызвав укоризненный взгляд Зари. Я окончательно прониклась доверием к Трофиму Мефодьевичу и не считала нужным особенно скрываться.

— Вон оно что... — Старик на мгновение задумался. — Тогда так. — Сдвинув в сторону миски и стаканы, уже приготовленные Ульяной Андреевной, он прочертил острым концом кресала своей «катюши» извилистую линию на поверхности стола. — Смотри. Здесь река. Не знаю, как по карте, а казаки ее Солоницей зовут. Мелкая, к осени ее вброд перейти можно. Водой запасетесь — и двигайте правее. Переход тяжелый — ни колодцев, ни озер, но и фашистов там быть не должно. Суток за четверо до калмыков доберетесь. Запомнил?

— Так точно, — как старшему по званию, ответил Заря.

— Це дило, — враз одевая личину степенного хуторянина, закончил деловой разговор Трофим Мефодьевич. И по-хозяйски обратился к Ульяне Андреевне, хлопотавшей у потрескивавшей кизяками печи: — Мы вже побалакали, а шось «дымка» не видать. Тай на яешню я б тоже остався.

Впрочем, «погостювать» как положено ни разведчикам, ни бывшему бригадиру не пришлось. Стрелки часов, за которыми я следила, напоминали и о неблизкой дороге, и о мокнувших под дождем трех бойцах охранения, и об отряде, с нетерпением ожидавшем вестей. [138]

Опрокинули по стаканчику самогона, закусили яичницей с салом, картошкой, кислым молоком. Трофим Мефодьевич не прочь был и продолжить, но Заря, почувствовав, как разом ударил в голову хмель — сказывалась трехдневная голодовка, — решительно поднялся.

Однако тут-то и вмешалась Ульяна Андреевна:

— А я як же?

— Баба Уля, — укоризненно начал Заря, — я ж солдат, мое место...

— Де тобі место, я и сама знаю. Тилькы як мени людям в очи дывытысь? Що хошь робы, а щоб знали сусиды, що ни який ты не супостат. По хатам ходыть та каждому доказуваты я не могу.

— Ладно, баба Уля, что-нибудь придумаем, — поспешил утешить старушку Заря, хотя и сам не очень представлял, как выполнить требования бабуси. Однако судьбе вольно было распорядиться по-своему.

Трофим Мефодьевич, опрокинув перед уходом еще одну чарку, пошел проводить нас. Хмель, видимо, все же подействовал на старого казака: уж очень разговорился он по дороге. Узнали мы, что в бригаде успели припрятать и посевное зерно, и горючее для сева яровых, и даже трактор, оставшийся на стане, «бабий батальон МТС» успел загнать на старый ток и тщательно укрыть соломой.

Прощались. Расставаясь, вовсе не думали, что встреча

состоится через каких-нибудь несколько часов. К привалу возвращались перед рассветом — в темноте сбились с пути и изрядно поплутали по степи. Дождь перестал. Хлюпая сапогами по раскисшей земле, поминутно оскальзываясь, подходили мы к месту стоянки. И еще издали, за несколько сот метров, услышали натужное, захлебывающееся гудение автомобильного мотора. Стало ясно: произошло нечто непредвиденное.

Выбирая место стоянки, Самусев не учел, что погода может измениться. Для маскировки тяжелый «даймлер» был загнан на дно ложбины. Усилившийся дождь погнал по склонам тысячи мелких ручейков. Машина оказалась в ловушке. Спохватились поздно. Задний мост почти по диффер влип в размягшую почву.

Полночи под проливным дождем боролись за машину. В иную погоду или будь у нас трос, пятьдесят [139] человек без особых усилий вызволили бы застрявший грузовик. Но сейчас, когда сапоги скользили по грязи, «даймлер» никак не желал поддаваться. Правда, набросав под колеса вороха ореховых прутьев, шинели, плащи, машину все же вытащили из глиняной западни. Но подняться по склону она не могла — то шла юзом, то, буксуя, скатывалась назад, угрожая покалечить людей.

А самое скверное было то, что на первой скорости выжгли почти все горючее — осталось не больше четверти бака, а бочка была пуста еще со вчерашнего дня.

Вслушав доклад старшего сержанта Зари, Самусев немного успокоился. Обстоятельства вроде бы благоприятствовали нам.

«Чумазая команда», раздевшись, выкручивала обмундирование, прыгала, стараясь согреться в лучах восходящего солнца. Нечипуренко и Самусев продрогли меньше остальных: они по очереди сменялись у руля — каждый надеялся, что именно ему повезет; так несколько часов и просидели в кабине, а в кабине, что ни говори, не только сухо, но и тепло.

— Ну, лейтенант, как будем действовать дальше? — уставился Самусев на Георгия Нечипуренко. — Бросать грузовик и топтать мешком? Далековато.

— Н-да, километров триста... Без машины плохо. Думаю, что часа через три подсохнуть должно. На небе, видишь, ни облачка. Только на этом запасе горючего мы далеко не уедем.

— Товарищ старший лейтенант! — встрепенулся примостившийся на подножке Заря. — Так горючего я вам хоть бочку доставлю!

— Родишь? — съязвил Нечипуренко. — Трепач ты, старший сержант, а нам сейчас не до трепы.

Но Володя, обрадованный неожиданной идеей, даже не обиделся за несправедливый упрек.

— Да нет же! Я на полном серьезе. Наши хуторские колхозники поделятся — знаю точно, бензину они припрятали. Вот только...

— Что только? — нетерпеливо перебил Самусев, все еще не веря в подобную удачу.

— Не рассказал я вам, как меня на хуторе встретили... Ну постеснялся, что ли. Мефодьич, конечно, свой человек, однако он не один там хозяйничает. [140]

А бабы... Бабы — они другое дело. Трофим Мефодьич признался: когда наши через хутор отходили, ругали их казачки на чем свет стоит. Очень сильно колхозницы за отступление обижаются...

— Обижаются, говоришь?.. — задумчиво повторил Самусев. И резко, всем телом, повернулся к Нечипуренко: — Слушай меня, Жора. А что, если...

Несколько часов спустя «даймлер» на последних литрах бензина добрался до хуторского луга и остановился у большой скирды. Две хорошо вооруженные группы бойцов обошли Подгорье с флангов и с обоих концов перекрыли дорогу, проходившую через хутор. «Парадный взвод», бойцы которого действительно не пожалели сил, приводя себя в порядок, вошел в хутор. И поплыла над домами торжественная величаявая песня:

Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой...

Если бы нашелся в Подгорье какой-нибудь глухой и слепой паралитик, то и он наверняка в ту минуту не выдержал бы, выполз из хаты. Скорбная и грозная мелодия, известная каждому, набатом грянула в утренней тишине. Дружно чеканя шаг, по хуторской улице проходила колонна. Сбоку, вскинув на плечо винтовку с оптическим прицелом, гордо вышагивал Володя Заря. На груди его сиял рубиновыми лучами орден Красной Звезды.

И хотя война напрочь отучила людей от сентиментальности, голодные и ослабевшие бойцы чувствовали себя не просто солдатами, а чрезвычайными и полномочными послами Родины на захваченной, но не покоренной врагом земле. И чувство это было настолько острым, сильным, что комок подступал к горлу.

То, что они делали в ту минуту, было лишено какого-либо практического смысла. Мы с Машей Ивановой еще утром побывали на хуторе, встретились с Трофимом Мефодьевичем и уже договорились о горячем. Но в том, что здесь, в тылу оккупантов, вот так, парадным строем, прошли по Подгорью наши бойцы, был какой-то другой, трудно выражаемый словами, но понятный всем и каждому высший смысл. [141]

Этот импровизированный парад нужен был и бойцам,

которые шагали в полуразбитых сапогах по неподсохшей уличной грязи, и хуторянам, с верой и надеждой глядевшим на это дикийвинное зрелище.

Пять дней назад мы, бойцы госпитальной команды, превратились в окруженцев. После первой стычки с противником снова стали солдатами. Теперь мы чувствовали себя победителями, и любой понимал: это ощущение навсегда вошло в жизнь.

А те, кто смотрел на нас со стороны, кто бежал перед строем, не утирая радостных слез, кто кидался к тайникам, чтобы вытащить и отдать последний кусок съестного, — что чувствовали эти люди! Пусть это была для них радость на час. Но то был час великой веры в будущее, ради которого стоило жить и бороться...

На захваченном у гитлеровцев «даймлере» наш «севастопольский батальон» без особых приключений выбрался к своим в районе Кизляра. После шестидневных скитаний по оккупированной фашистами земле мы с великой радостью снова влились в могучие ряды защитников Родины. [142]

Вместо эпилога

Сразу после выхода из окружения бойцов «севастопольского батальона» распределили по боевым частям.

Я находилась в действующей армии до осени 1944 года. Окончила курсы младших лейтенантов, была командиром взвода ПВО, затем командиром пулеметного взвода и роты. Дослужилась до звания старшего лейтенанта. И хотя военно-врачебная комиссия давно признала меня ограниченно годной и некоторое время пришлось служить в запасном полку в Харькове, я убедила командование отправить меня на фронт. Мне поручили сопровождать на передовую маршевую роту.

До пункта назначения мы так и не добрались — попали под бомбежку. В результате тяжелой контузии я стала инвалидом.

Способность хоть немного видеть вернулась ко мне уже после победы над фашистской Германией. А спустя несколько лет смогла взять в руки перо. И по сей день не перестаю интересоваться славными делами однополчан. Я не забыла обещание, которое дала весной сорок второго года Нине Ониловой: если останусь в живых, рассказать людям о дорогих моему сердцу чапаевцах, [143] об их боевых делах во время героической обороны Одессы и Севастополя.

Не так давно мне посчастливилось участвовать во встрече защитников Севастополя, посвященной двадцатипятилетию обороны славной черноморской твердыни. Это было братское свидание солдат-ветеранов.

Мы прошли по местам былых жарких схваток с врагом. Познакомились с ослепительно прекрасным городом, поднятым из руин. До войны я не бывала в Севастополе. Впервые увидела его четверть века назад хмурым декабрьским днем перед штурмом фашистских войск. Тогда это был город-солдат, уже выдержавший не одно суровое испытание огнем, город разрушенных улиц, город зияющих ран.

Говорят, что Севастополь был на редкость красив до войны. Теперь он стал сказочно чудесным. И если бы те, кто сложили голову, отстаивая его от врага, смогли увидеть город таким, каким он открылся нам, они наверняка сказали бы, что их кровь пролита не даром. И еще мы с великим трепетом увидели: здесь свято чтят память погибших.

Мы любовались возрожденным Севастополем, вспоминали товарищей и прошлое. Далекое прошлое с могучей силой вставало перед мысленным взором.

Вот тут, на бывшем рубеже, где снова шумит молодой лесок, уходили в поиск снайпер Володя Заря и разведчик Василий Кожевников. Здесь они спасли в бою старшего лейтенанта Ивана Самусева. Я все еще надеюсь услышать хотя бы о ком-нибудь из них...

Здесь находился дот № 1 взвода Морозова. Из этого дота я вела огонь, сдерживая натиск гитлеровцев в тяжелые дни их июньского штурма...

Где-то на том склоне располагался в июне КП полка. Отсюда вместе с остатками комендантского взвода пошел в отчаянную атаку командир полка майор Антипин. Неподалеку от этого места ранило во время налета вражеской авиации начальника штаба нашей дивизии полковника Неустроева, встреча с которым в сочинском госпитале определила мою судьбу солдата...

Немногие чапаевцы смогли приехать на наш слет ветеранов, и мало о ком удалось мне узнать.

Солдат есть солдат. Война не бывает без жертв. А все-таки хочется верить: кого-то задержали в те дни [144] неотложные дела, кто-то не получил приглашения на встречу...

Мне удалось связаться с двадцатью чапаевцами-ветеранами.

По-прежнему полон энергии наш боевой комдив генерал-лейтенант Т. К. Коломиец. Оправившись после контузии, полученной 30 июня 1942 года в Севастополе, Трофим Калинович был назначен заместителем командующего 51-й армией. В дальнейшем командовал 54-м стрелковым корпусом, части которого участвовали в освобождении Севастополя. Закончил войну в должности заместителя командующего 2-й гвардейской армией. Два тяжелых ранения и три тяжелых контузии перенес

наш генерал. И хотя он давно находится в отставке, много времени и сил отдает общественной деятельности. Трофим Калинович неутомимый пропагандист, лектор, докладчик, занимающийся военно-патриотическим воспитанием молодежи Волгограда.

Начальник штаба легендарной чапаевской дивизии полковник в отставке Парфентий Григорьевич Неустроев после госпиталя командовал Орловским пехотным училищем, затем был облвоенкомом в Омске да так и остался в этом городе после ухода на пенсию.

Бывший командир батальона А. М. Рыбальченко вернулся после войны в родное село и уже много лет отлично трудится в государственном племзаводе «Жовтень», что на Полтавщине.

Жив и майор запаса Владимир Адамович Одынец, чьи героистиллеристы проявили себя замечательными мастерами прямой наводки и вместе с пехотинцами-чапаевцами преграждали путь к Севастополю гитлеровским танкам. Обосновался В. А. Одынец в Одессе, там и работает в одном из учреждений.

Бывший оперуполномоченный особого отдела дивизии Михаил Гордеевич Пушкарь, которого все мы знали как замечательного человека, готового не пожалеть жизни ради спасения товарища, стал москвичом и работает ныне в Министерстве автодорожной промышленности. Однажды во время второго штурма Севастополя старший лейтенант Пушкарь оказался в горячий момент в роте Лазарева (о самом А. С. Лазареве я расскажу дальше). По приказу комдива рота [145] разведывала боем одну из занятых гитлеровцами высот. Действовали наши довольно успешно. Но неожиданно ожила одна из огневых точек врага. М. Г. Пушкарь и появился как раз в тот момент, когда Лазарев приказывал связному Шувалову уничтожить вражеский пулемет. С согласия командира роты Пушкарь отправился на задание вместе с Шуваловым. Через несколько минут раздались взрывы гранат, немецкий пулемет замолчал. Старший лейтенант благополучно приполз к своим и притащил на себе тяжелораненого Шувалова. Вскоре подоспело подкрепление. Высота была взята.

Одним из тех, кто не дал врагу с ходу занять Севастополь, был младший лейтенант Вениамин Никитович Герасин. Когда рота Лазарева выбивала фашистов с одной из высот, он со своим взводом зашел в тыл противнику и полностью уничтожил минометную батарею. Завязался неравный бой. Взвод Герасина отвлек на себя гитлеровцев и дал возможность роте Лазарева занять высоту при минимальных потерях. Будучи раненным, командир взвода покинул поле боя только, когда узнал, что рота

прочно закрепились на высоте. Сейчас майор запаса В. Н. Герасин живет и работает в Севастополе.

С болью услышала подробности о гибели майора Бориса Анисимовича Шестопалова. В один из последних дней героической обороны Севастополя он был тяжело ранен и подорвал себя гранатой...

Лишь кое с кем из тех, кого увидела на встрече, была я знакома в то далекое и трагическое время. С большинством товарищей встретилась впервые. Но узнала от них многое. И прежде всего о делах, совершенных в славные дни обороны черноморской твердыни.

Встретила на слете ветеранов однополчанина — офицера флота Аркадия Степановича Лазарева.

Чтобы не дать врагу с ходу прорваться в Севастополь в ноябре 1941 года, командование флота срочно сформировало несколько морских батальонов. В одном из них и был командиром роты лейтенант Лазарев. Моряки грудью отстаивали город на дальних подступах. Они обеспечивали возможность перебросить к Севастополю сухопутные войска. [146]

В тяжелых, непрерывных боях силы моряков быстро таяли. Из роты Лазарева немногие остались в живых. Среди них были Андреев, Весна, Решетняк, Пушкарев, Попов. Роту отвели в Севастополь, заново пополнили и в составе 19-го морского батальона бросили в бой под Дуванкой.

После этих боев рота Лазарева была фактически сформирована заново, хотя теперь ее численность не превышала численности полного взвода. И все же моряки на своем участке сдерживали врага в ноябре 1941 года. Тогда морской батальон вошел в состав чапаевской дивизии...

Еще в дни обороны Севастополя немало слышала я о краснофлотце Алексееве, который захватил одного из первых «языков».

Об Алексееве мне рассказывали на слете и Лазарев, и Решетняк, который в то время выполнял обязанности начальника связи 3-го батальона. А я хочу сказать несколько слов о самом Решетняке.

В одном из оборонительных боев рота Лазарева попала в окружение. Связисты подразделения погибли при попытке установить контакт со штабом батальона. Тогда в роту отправился Решетняк, чтобы передать приказ любой ценой прорваться к своим. Пользуясь темнотой, он проскользнул сквозь вражеское кольцо.

Остатки роты пошли на прорыв. В этой схватке Решетняк трех гитлеровцев заколол штыком, а четвертого пленил и заставил его

нести на себе раненого красноармейца.

Впрочем, Решетняк прославился не только отвагой, но и смекалкой. Чтобы обеспечить бесперебойную связь штаба батальона с полком, он использовал провода обесточенной высоковольтной линии, находившейся как раз на участке между батальоном и штабом полка. Пленные рассказывали, что немецкие разведчики сбились с ног, отыскивая эту «ниточку», а она спокойно висела у них над головой.

После эвакуации из Севастополя Иван Николаевич Решетняк воевал под Сталинградом и был там тяжело ранен.

Все послевоенные годы бывший защитник Севастополя живет и трудится в Одессе. Недавно он проводил в армию сына. [147]

Узнала и о том, как сложилась судьба другого защитника Севастополя, тоже связиста, Николая Митрофановича Весны.

Никогда с первого взгляда не подумаешь, что в этом спокойном, даже медлительном человеке таится столько смелости и отваги.

В одном из боев во время второго штурма Севастополя Весна был окружен и вступил в неравную схватку. Когда гитлеровцы обнаружили, что против них бьется всего-навсего один солдат, ему предложили сдаться.

— Моряки-чапаевцы не сдаются! — крикнул Весна, не прекращая стрелять из винтовки. На случай, если его попытаются захватить живым, он держал рядом связку гранат.

Боевые друзья выручили храбреца. Они пробились к Весне, вместе с ним пошли в контратаку, отбросили гитлеровцев.

После Севастополя Весна служил в авиационных частях. Участвовал в освобождении Украины, Румынии, Венгрии, Австрии, а в мирные годы заочно окончил сельскохозяйственную академию. Сейчас — старший научный сотрудник Украинского научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Готовит кандидатскую диссертацию.

Знатным комбайнером Николаевщины стал снайпер Михаил Ананьевич Пушкарев. А в те далекие славные дни он был грозой гитлеровских пулеметных расчетов. Пушкарев до последних часов севастопольской обороны не расставался со своей снайперской винтовкой, но был тяжело контужен, оказался в плену, бежал и до конца войны стойко сражался за Родину.

Встретила я среди чапаевцев-ветеранов и таких, кто не только оборонял Севастополь в 1941–1942 годах, но и участвовал в освобождении города-героя. К их числу относится Яков Демидович Попов, штурмовавший Сапун-гору.

Попов был корректировщиком у артиллеристов. Выполняя

приказ, он скрытно пробрался под самым носом у гитлеровцев. Те долго не могли обнаружить разведчика. Наконец все-таки выследили. И такой [148] страх испытывали фашисты перед одним-единственным советским офицером, что пустили против него танк. С полчаса утюжила высоту тяжелая бронированная машина.

Когда наши солдаты пришли на выручку, Попова нашли в бессознательном состоянии. Несколько дней боролись врачи за жизнь офицера. Его удалось спасти. Только пришлось ампутировать ногу: очень сильно была помята.

Сейчас Попов живет в городе, который защищал и освобождал от врага. Он частый и желанный гость севастопольских школьников.

Вот уже двадцать лет работает начальником шестого дорожно-ремонтного пункта автомагистрали Москва — Минск герой защитник Севастополя Владимир Семенович Сидоров, являвшийся в дни войны начальником штаба 3-го батальона.

Однажды, во время второго штурма, когда рота А. С. Лазарева вела жестокий бой на подступах к Севастополю, выяснилось, что на правом фланге погиб орудийный расчет, прикрывавший танкодоступный проход. Создалась угроза прорыва вражеских танков и бронетранспортеров в тыл батальона. Тогда Сидоров сам стал к орудию. Несколько часов длился этот неравный поединок между единственным орудием с единственным артиллеристом и несколькими танкетками, бронетранспортерами, оравой фашистских автоматчиков. Кончилась стычка победой советского офицера. Он расстрелял в этом бою три бронетранспортера, подбил две танкетки, уничтожил много живой силы врага.

В самые тяжелые дни В. С. Сидоров командовал батальоном. В период июньского штурма Севастополя он был тяжело ранен и попал на Большую землю с последним рейсом лидера «Ташкент».

Любимец чапаевцев полковник Николай Васильевич Захаров погиб в Севастополе в июне 1942 года. А сменивший его на посту командира 287-го полка майор Михаил Степанович Антипин закончил войну в Кенигсберге в должности заместителя командира мотострелковой бригады. До самых последних лет он служил в армии и лишь недавно по состоянию здоровья вышел на пенсию в звании полковника. [149]

Жив и здоров бывший начинж полка Кондрат Васильевич Куценко. Много лет назад он влился в семью тульских шахтеров и теперь является начальником участка на шахте в городе Сокольниках.

С радостью узнала, что в Одесской области трудится в совхозе бывший командир комендантского взвода лейтенант

Павел Алексеевич Шафорост, который воевал под Севастополем в течение всех двухсотпятидесяти дней героической обороны, а затем в рядах Советской Армии продолжал сражаться с фашистами до победы.

К сожалению, затерялись следы дорогого моего наставника и учителя, командира пулеметного взвода Павла Андреевича Морозова. Узнала, что он был тяжело ранен в районе Херсонесского маяка, оказался в плену, но и там остался настоящим патриотом, честным солдатом. Мне рассказывали, что Морозов пронес через все испытания свой партийный билет и орден боевого Красного Знамени, полученный еще в годы гражданской войны.

И ныне здравствует бывший помощник командира 287-го полка по тылу Сергей Иванович Зудин — руководитель крупного учреждения в Москве.

Грустная и счастливая покидала я город, ставший мне родным еще в дни войны. Встреча с ним была похожа на встречу со старым другом, что не становится менее дорогим из-за разлуки. Там, в Севастополе, навсегда осталась частица моей трудной и прекрасной юности. Там были рядом люди, которых люблю и уважаю всем сердцем. Нет срока для человеческой памяти. И, если помнишь тех, кого любишь, они для тебя всегда живые. А потому никогда не умрут для меня Ваня Самусев, Володя Мирошниченко, Вася Кожевников, Маша Иванова, Андриюша Зайцев, Нина Онилова, Коля Сизов, Толя Самарский, Оля и Федя Ткаченко, Володя Заря.

Примечания

{1} Пулеметчица Н. А. Онилова была посмертно удостоена звания Героя Советского Союза. — *Прим. ред.*

{2} Михаил Степанович Антипин принял наш полк после того, как Н. В. Захарова перевели в бригаду морской пехоты. — *Прим. авт.*

{3} О том, что произошло в тот день дальше, я узнала, уже находясь в медсанбате, и пишу со слов товарищей. — *Прим. авт.*

{4} После ранения майора М. С. Антипина полком стал командовать начальник штаба майор Борис Анисимович Шестопалов. — *Прим. авт.*

{5} Комбатом А. М. Рыбальченко стал внезапно, когда в июньских боях выбыло из строя большинство командиров. До этого он был заместителем начальника штаба полка. — *Прим. авт.*

{6} Спустя много лет после войны я узнала, что случилось тогда с Кондратом Васильевичем Куценко. Выйдя с Анатолием Самарским на дорогу, он попытался остановить бешено

мчавшийся грузовик, но был сбит и получил тяжелые увечья. Самарскому удалось втиснуть старшего лейтенанта в проходившую машину с ранеными. Однако через несколько минут она попала под сильный артиллерийско-минометный огонь противника. Невдалеке разорвался снаряд. Кондрата Васильевича выбросило из загоревшейся машины. Когда пришел в себя, услышал рядом чужую речь. Сразу понял, что это означает. Попытался взорвать себя гранатой, которая чудом уцелела в кармане, но граната не сработала.

Анатолий Самарский, раненный, все же добрался в полк и передал приказ командира дивизии. Но корабли так и не подошли в бухту Круглая. — *Прим. авт.*